

СФЕРА ЕВРАЗИИ

Е.Ю. Сергеев

**Военная разведка
России в борьбе
против Японии,
1904–1905 гг.**

Сфера Евразии

Е.Ю. Сергеев

**ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
РОССИИ В БОРЬБЕ
ПРОТИВ ЯПОНИИ
1904–1905**

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2010

Серия «СФЕРА ЕВРАЗИИ»

Редакторы серии: С.Л. Кузьмин, К.Г. Михайлов

УДК 94.4

ББК 63.3(2)

С-32

Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. — 219 с., 12 вкл.

Книга посвящена одной из малоизвестных и спорных страниц в истории русско-японской войны 1904–1905 гг. — организации и деятельности военно-разведывательных органов России в период противоборства с сильным и упорным противником на Дальнем Востоке. Использование широкого круга архивных материалов, ранее недоступных исследователям, а также новое прочтение опубликованных источников, включая мемуары и дневники участников описываемых событий, позволили автору наметить этапы, дать характеристику особенностям и показать магистральные тенденции становления военной разведки как самостоятельного структурного элемента вооруженных сил Российской империи в начале XX века.

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей, проявляющих интерес к истории возникновения и развития специальных служб нашей страны.

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ар.А. Улунян*
доктор исторических наук *В.К. Шаццлло*
кандидат исторических наук *И.В. Карпеев*
научный сотрудник *Н.Ю. Степанов*

ISBN 978-5-87317-595-6

© Е.Ю. Сергеев, 2010

© Т-во научных изданий КМК, издание, 2010

*Моей семье: супруге Ирине
и детям — Денису и Олегу — посвящается*

От автора

Сравнительные исследования роли имперских властных элит в структурах управления на этапе индустриальной модернизации, которая охватила ведущие державы более столетия назад, неизбежно ставят перед историком проблему оценки генезиса и эволюции специальных служб в этот период.

Интерес автора к данной проблематике стимулировался также тем обстоятельством, что в процессе подготовки концепции международного исследовательского мегапроекта, посвященного столетию русско-японской войны 1904–1905 гг., к нему обратились профессора ряда университетов США и Канады с просьбой взять на себя нелегкую миссию написания исследовательской статьи. По замыслу зарубежных коллег, такая статья была призвана по-новому осветить проблемы организации военной разведки России в период маньчжурской кампании.

Идея показалась автору заслуживающей внимания, и поэтому он решил приступить к архивным изысканиям, параллельно знакомясь с имеющейся историографией по данной проблематике. Вскоре выяснилось, что круг серьезных работ отечественных и зарубежных авторов, так или иначе затрагивавших деятельность спецслужб, довольно ограничен, причем акцент делается либо на контрразведывательных операциях, либо на ярких эпизодах выполнения секретных заданий отдельными лицами. В целом же фактически отсутствовала панорамная картина огромных усилий, которые затратили российские военные разведчики для сбора, верификации, анализа и передачи по инстанциям сведений о противнике.

Учитывая эти соображения, у автора возникло стремление не ограничиваться узкими рамками статьи, а попытаться расширить их до полноценного монографического исследования, способного пролить свет на события той далекой эпохи.

Итогом почти трехлетней работы явилась эта книга, создание которой было бы невозможно без ценных советов профессоров Д. Схиммельпен-

нинка ван дер Ойе, Б. Меннинга и Д. Вольфа, а также уважаемых рецензентов и коллег — сотрудников Института всеобщей истории РАН доктора исторических наук Ар.А. Улуняна, доктора исторических наук В.К. Шаццлло и научного сотрудника Н.Ю. Степанова. Существенную помощь в уточнении биографических данных и поиске необходимых материалов автору оказали научные сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки России и Российского государственного военно-исторического архива, особенно главный специалист к.и.н. И.В. Карпеев.

Выражаю всем им свою искреннюю признательность.

Слова глубокой благодарности я адресую также членам моей семьи: супруге Ирине и сыновьям — Денису и Олегу, без благожелательного содействия которых достижение поставленной цели вряд ли было возможно.

Евгений Сергеев

Москва, май 2004 г.

Даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне.

*А.Н. Куропаткин,
генерал от инфантерии, военный министр*

Предисловие

Русско-японская война 1904–1905 гг. вошла в историю как одно из первых крупномасштабных столкновений первоклассной континентальной военной державы, которой выглядела Россия в глазах общественности большинства стран, и небольшого, быстро прогрессирующего островного государства, претендовавшего на лидирующую роль в Восточной Азии.

Говоря о предпосылках войны, следует подчеркнуть, что стремление Российской империи «встать твердой ногой» на берегах Тихого океана совпало по времени с попытками Японии преодолеть ограниченность своего географического положения, направив усилия к захватам стратегически важных территорий на материке. Таким образом, с одной стороны, Петербург подготавливал почву для широкой колонизации Внешней Монголии, Маньчжурии и Кореи, однако с другой, — Токио не желало уступать инициативу в этих же регионах, претендуя на доминирование, по крайней мере, на Корейском полуострове, имевшем для Японской империи не только экономическое, но, прежде всего, стратегическое значение.

Известную роль в развязывании вооруженного конфликта сыграли и амбиции двух императоров. Молодому российскому самодержцу Николаю II требовалась своя победоносная война, а умудренному опытом представителю Хризантемовой династии императору Муцухито необходимо было пробой сил с крупнейшим государством Евразии подтвердить правильность курса на модернизацию страны, окончательно закрепившись в группе великих держав.

Таким образом, еще до первых выстрелов орудий японского флота в прибрежных водах Порт-Артура и Чемульпо отношение к войне политической элиты, армии и широких масс населения обеих империй было различным. Для русских она представлялась локальным конфликтом на далекой колониальной периферии, чем-то вроде подавления движения плохо вооруженных китайских мятежников — ихэтуаней в 1900–1901 гг. Совершенно иное восприятие надвигавшегося противоборства с «северным колоссом» формировалось в сознании японцев, которые рассматривали военную победу как необходимое условие дальнейшего процветания их родины.

Высокий моральный дух, национальное сплочение, длительная подготовка вооруженных сил, выгодное географическое положение, дипломатическая поддержка Великобритании и благожелательный нейтралитет США — все эти факторы, по мнению Токио, должны были обеспечить разгром царских армий и флота в относительно короткие сроки. И здесь как никогда возрастала роль военной разведки, которая была призвана обеспечить командование исчерпывающей информацией о состоянии дел у противника.

С другой стороны, резкая активизация усилий Петербурга по колонизации Маньчжурии наряду с маниакальным стремлением Николая II обеспечить империи незамерзающую военно-морскую базу на берегах Тихого океана также требовали серьезного улучшения сбора сведений о соседях России в Восточной Азии, а по сути — ставили на повестку дня задачу формирования центральных и периферийных структур военной разведки.

Первые шаги в этом направлении были сделаны Главным штабом еще до 1904 г., но лишь опыт, приобретенный вооруженными силами на сопках Маньчжурии и в водах Тихого океана, позволил завершить процесс создания военно-разведывательной службы России.

Нельзя сказать, что драматические события русско-японской войны оставили равнодушными современников. С первых залпов орудий на страницах периодических изданий публиковалась фотохроника жизни фронта и тыла маньчжурских армий и флота. Достаточно упомянуть еженедельные репортажи на страницах журнала «Летопись войны с Японией». Всего за 1904–1905 гг. увидели свет 84 номера этого издания, которые содержат ценные документальные и иллюстративные материалы¹.

Кроме того, еще до подписания мирного договора в Портсмуте начали выходить статьи и даже книги, содержавшие наблюдения и оценки участников событий. В частности, особого упоминания заслуживает такой информативный источник, как сборник сообщений слушателей и препода-

давателей Николаевской академии Генерального штаба, изданный в 1906–1907 гг. под редакцией известного военного теоретика, профессора А.К. Байова².

По понятным причинам большинство этих публикаций носила характер рассмотрения вопросов, так сказать, «в первом приближении», да еще на фоне эмоционального восприятия неудач русского оружия в Маньчжурии³. Требовалась определенная временная дистанция для более объективного и глубокого анализа, как всей дальневосточной кампании, так и отдельных ее аспектов.

Что же касается места и роли военной разведки в японской войне, то первые аналитические работы по интересующей нас тематике были изданы в 1907–1911 гг. — период активного реформирования вооруженных сил царской России. Наибольший интерес среди них представляют воспоминания офицеров, непосредственно создававших систему военно-разведывательной службы на различных уровнях. Можно назвать сочинения Д.П. Парского, И.К. Шахновского, Э.А. Верцинского, М.В. Грулева, П.И. Измествьева, А.А. Свечина, А. Скосаревского, Н.А. Ухач-Огоровича и др.⁴

Несколько особняком в этом списке стоит работа В.В. Буняковского «Служба безопасности войск. Охранение и разведывание по опыту и с примерами из русско-японской войны 1904–1905 гг.», которую после издания в 1909 г. использовали как учебное пособие в училищах и академиях⁵.

Не следует упускать из виду и, хотя довольно тенденциозные, но насыщенные любопытными наблюдениями и деталями мемуары А.А. Игнатьева, находившегося в центре событий фактически всю войну. Правда, издавались они через много лет после маньчжурских событий⁶.

Критические оценки и нелюбезные для русского командования выводы, отличавшие эти работы, дополнялись впечатлениями иностранных наблюдателей, опубликованными в переводе на русский язык почти сразу же после окончания войны. Как правило, они официально являлись либо военными атташе, либо журналистами, но, будучи прикомандированы к российским или японским штабам, негласно выполняли разведывательные функции. При этом особую активность по вполне понятным причинам демонстрировали французы формальные союзники России — французы, Японии — англичане и представители, вероятно, самого заинтересованного в затягивании войны государства — немцы⁷.

Пожалуй, уникальной среди книг и брошюр данного типа является небольшая по объему публикация впечатлений англичанина У. Гринера, проехавшего в канун войны всю Россию с запада на восток и находивше-

гося несколько недель в Порт-Артуре. Автор воспоминаний не скрывает, какую миссию он осуществлял под «крышей» корреспондента лондонской «Таймс». Следует отметить, что У. Гринер отдавал должное организаторам обороны российской морской крепости и офицерам военной разведки⁸.

Поскольку данные лица были менее связаны рамками цензуры, информация, которая содержалась в их работах, несомненно, представляет для исследователя большой интерес.

К числу очевидных просчетов российской военной разведки отечественные, а также зарубежные авторы относили поверхностное, искаженное представление о потенциале вероятного противника, отсутствие продуманного плана организации разведывательного цикла, т.е. сбора информации, ее анализа и подготовки оперативных сводок, слабую координацию усилий различных ведомств и штабов, ограниченность сети тайной агентуры, преувеличение роли кавалерийских отрядов и групп для отслеживания перемещений противника, недостаточное использование технических средств наблюдения за его позициями.

В ряде обобщающих работ по истории конфликта, опубликованных до 1914 г., сюжеты, связанные с организацией военной разведки, освещались далеко не в полном объеме. Отметим только фундаментальный труд А.Н. Куропаткина «Записки о русско-японской войне», на страницах которого автор достаточно подробно изложил причины поражения войск под своим командованием⁹.

Своеобразный итог размышлений на тему становления военно-разведывательной службы в позднеимперской России подвели две работы: одна — профессора академии Генерального штаба, занимавшего в 1904–1905 гг. должность помощника старшего адъютанта штаба 2-й Маньчжурской армии, генерал-майора П.Ф. Рябикова, а другая, — видного руководителя уже советской разведки К.К. Звонарева (Звайгзне)¹⁰.

Однако если у первого из названных специалистов отмечаются, как упомянутые отрицательные моменты, так и положительные тенденции в становлении военной разведки, например, при разделении «добывающих» и «обрабатывающих» функций, появлении методики верификации сведений, поступавших от лазутчиков, изменении структуры разведывательных сводок, предназначенных для командования и войск, то у второго наряду с использованием богатого фактического материала преобладает нелюбимая, порой огульная критика всей деятельности специальных органов в центре и на местах, а некоторые утверждения просто ошибочны. Это касается, скажем, оценки донесений российских военных атташе до и во время войны, рекогносцировок местности топографами, агентурной работы штабов и военных комиссаров¹¹.

Апофеозом негативного отношения советского эксперта к своим предшественникам, многое из опыта которых он сам впоследствии использовал, явилась фраза, звучащая как обвинительный вердикт:

«Итак, можно сказать, что русская армия начала и кончила войну с Японией без разведки, без знания своего противника»¹².

В реальности, как будет показано ниже, столь категоричное суждение не выдерживает проверки источниками, нуждаясь в серьезной корректировке.

Драматические события Первой мировой, а затем и Гражданской войн надолго вытеснили из поля зрения исследователей сюжеты 1904–1905 гг. Некоторый всплеск интереса к деятельности специальных служб, хотя главным образом по вопросам контрразведывательных операций против иностранных шпионов, наблюдался лишь накануне и в период Второй мировой войны, когда практическая сторона их организации имела решающее значение¹³.

Авторы нескольких монографий, опубликованных на протяжении 1930–1980-х гг. в Советском Союзе и за его пределами, уделяли главное внимание описанию общего хода войны, почти не затрагивая интересующей нас тематики, либо ограничиваясь ссылками на мнения уже названных исследователей. Основная причина игнорирования ими деятельности военной разведки заключалась в недоступности многих архивных фондов¹⁴.

Открытие российских хранилищ в начале 1990-х гг. вызвало бурный рост интереса к освещению становления отечественных специальных служб. За последнее десятилетие написаны статьи, изданы монографии и защищены диссертации, в которых рассматриваются отдельные стороны формирования и эволюции военно-разведывательных структур Российской империи накануне и в годы противоборства с Японией. Из заслуживающих внимания работ отечественных специалистов назовем исследования И.В. Деревянко, А.Ю. Шелухина, И.С. Макарова, М. Алексеева, И.Н. Кравцева, В.В. Глушкова и А.А. Шаравина¹⁵. Свою лепту в изучение указанной тематики внесли авторы первого тома «Очерков истории российской внешней разведки» под редакцией академика Е.М. Примакова¹⁶. Деятельность военных агентов накануне и в период маньчжурской кампании освещена В. Петровым, П.Э. Подалко, Е.В. Добычиной и В. Кашириным¹⁷.

Среди зарубежных авторов выделяются работы современного американского военного историка Брюса Меннинга и особенно профессора университета Брокса в Торонто Дэвида Схimmelпенника ван дер Ойе.

Капитальный труд первого ученого, посвященный эволюции царской армии, начиная с эпохи милютинских реформ вплоть до 1914 г., содержит

главу о различных аспектах русско-японской войны, и разведки в том числе. Критикуя, частью заслуженно, а частью не совсем корректно, организацию военно-разведывательной деятельности в России накануне и в ходе маньчжурской кампании, профессор Меннинг приходит к однозначному выводу о том, что А.Н. Куропаткин «был плохо обеспечен в области тактической разведки»¹⁸.

Главным итогом научных штудий Д. Схиммельпеннинка следует считать чрезвычайно сжатое, а потому излишне схематичное изображение основных направлений и методов организации военно-разведывательной службы на дальневосточном фронте в период боевых действий¹⁹. Введение в оборот новых источников не смогло поколебать точку зрения исследователя, сформулированную им еще в середине 1990-х гг. На страницах одной из последних статей он вновь стремится убедить читателя в том, что «на стратегическом уровне Россия вступила в войну, не зная практически ничего о возможностях противника», а также, что «с самого начала военных действий русская тактическая разведка не смогла предоставить своему командованию ясную картину намерений и возможностей» японцев²⁰.

Изучение работ упомянутых зарубежных историков показывает, что, несмотря на различия в нюансах, как Б. Меннинг, так и Д. Схиммельпеннинк испытали сильное воздействие «критических стрел» К.К. Звонарева, выпущенных им в адрес царской военной разведки. Отсюда традиционный для советской и зарубежной историографии акцент на провалах российских разведчиков, обвинения их в неподготовленности, некомпетентности, пассивности и других «грехах», хотя основная причина «катастрофы разведки» усматривалась, например Д. Схиммельпеннинком, все же в «слепой самонадеянности генералитета» и «переоценке им собственных возможностей»²¹.

Представленный краткий обзор исследовательской литературы был бы неполным без упоминания работ японского профессора Чихару Инаба. К сожалению, нам оказалась доступной его единственная статья, опубликованная в переводе на русский язык и посвященная малоизвестным фактам использования военной разведкой России телеграфа для перехвата и дешифровки секретной корреспонденции противника накануне и в годы войны²².

При всех несомненных достоинствах перечисленных исследований их авторы либо рассматривали отдельные сюжеты функционирования разведывательных структур на фоне событий 1904–1905 гг., либо освещали этот процесс в контексте более широкой проблематики²³. Однако до настоящего времени отсутствовал комплексный анализ подготовки разведывательных органов Российской империи к войне, истории их организации

и эволюции на протяжении маньчжурской кампании. Не получил должного освещения опыт, полученный разведкой в борьбе против Японии и оказавший значительное влияние на превращение разведывательной службы в особый институт вооруженных сил нашей страны.

Поэтому цель автора настоящей монографии состояла в попытке заполнения указанного пробела на основе расширения источниковой базы через привлечение значительного пласта ранее неизвестных архивных материалов или нового прочтения хотя и опубликованных, но мало используемых специалистами документов.

Основу корпуса источников составили фонды штабов различного уровня, округов и комиссариатов, материалы личных собраний участников и очевидцев, а также коллекции Военно-Ученого архива (ВУА), которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

Кроме того, были привлечены документы другого федерального хранилища — Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Мы имеем в виду фонды Главного Морского штаба и Наместника царя на Дальнем Востоке — адмирала Е.И. Алексева.

Большая часть использованных материалов представляет собой служебную переписку офицеров Главного и Генерального штабов: рапорты и донесения, доклады и записки, аналитические обзоры и предложения по конкретным вопросам. Ценным дополнением к указанным документам служат карты, схемы, фотографии и рисунки, позволяющие получить более объемное, визуальное представление о событиях на Маньчжурском фронте, а также отследить на местности динамику изменения ситуации в прифронтной полосе, на флангах и в тылу действующих армий²⁴.

В то же время изучение этой группы источников довольно трудоемко, поскольку сведения, представлявшие для нас интерес, оказались разпылены по множеству единиц хранения. С другой стороны, кропотливый архивный поиск может принести вдумчивому исследователю неожиданные находки и даже небольшие открытия.

К примеру, перекрестное использование различных источников помогло уточнить представления историков о событиях столетней давности и исправить фактические ошибки, кочующие из одной работы в другую. Сказанное относится, в частности, к военному агенту на Японских островах Г.М. Ванновскому, которого ряд отечественных и зарубежных исследователей приняли за сына военного министра П.С. Ванновского — Б.П. Ванновского²⁵ (подробнее, см. главу I).

Анализ архивных материалов в купе с целым рядом мемуарных источников и периодики позволил впервые в историографии проследить ста-

новление российской военной разведки в дальневосточном регионе, осветить ее вклад в подготовку к вооруженному конфликту, исследовать основные фазы открытого столкновения с противником, с точки зрения эволюции разведывательных структур, наконец, связать результаты войны с последовавшими реформами вооруженных сил империи.

В то же время круг задач, определенных автором настоящего исследования, мог оказаться неполным, если бы он не сумел оформить итоговый список личного состава разведывательных органов на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. Решение этой проблемы потребовало привлечения не только служебной корреспонденции разного уровня значимости, но и изучение отчетов разведывательных отделений штабов главнокомандующего и командующих тремя маньчжурскими армиями, часть которых была уже опубликована либо сразу после подписания мира, либо современными историками²⁶.

Серьезное внимание стоило уделить и итоговым многотомным изданиям сухопутной и морской исторических комиссий, которые по поручению самого Николая II на протяжении нескольких лет трудились над описанием только что закончившейся войны. Дело в том, что, спорные, а порой и явно ошибочные выводы их членов не являются препятствием для использования историками богатого фактического материала, сопровождаемого подробными схемами и картами²⁷.

Большое значение для нас имел анализ сборника разведывательных сводок, составленных генштабистами за период войны. Они позволили проследить совершенствование методики обработки информации, поступавшей в разведывательные отделения по разнообразным каналам: от военных атташе, секретной агентуры, пленных, войсковых разведчиков, зарубежной прессы, морских судов и даже подводных лодок²⁸.

Необходимо сказать также и о введении в научный оборот произведений художественной литературы, помогающих ощутить своеобразие давно ушедшей эпохи, ее «дух» и колорит. Речь идет об известном рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», романе П. Далецкого «На сопках Маньчжурии», выпущенном в Советском Союзе к пятидесятилетию начала русско-японской войны в двух томах, а также произведениях В. Пикуля и современного беллетриста Б. Акунина²⁹.

Завершая предисловие, необходимо оговориться, что объектом исследования стала именно **военная разведка**, причем главным образом сухопутных сил, поскольку действия российского флота при всей их значимости носили все же ограниченный характер. За рамками монографии осталась другая большая тема — противоборство возникших органов контрразведки с японскими шпионами, которые проникали глубоко в тыл

действующих армий и имели контакты с антиправительственными силами. Как представляется, эти сюжеты уже довольно подробно освещены в специальных работах, увидевших свет за последние годы³⁰.

Структура книги, предлагаемой читателю, помимо предисловия, включает четыре главы, написанных с использованием проблемно-хронологического подхода, и послесловия, содержащего размышления автора о последствиях маньчжурской кампании для военной разведки России.

В качестве приложения дается перечень офицеров и гражданских лиц, выполнявших разведывательные функции на протяжении войны.

Научно-справочный аппарат монографии состоит из примечаний к тексту, библиографического списка и именного указателя.

Транслитерация географических названий, личных имен и фамилий, а также некоторых понятий на языках народов Восточной Азии приводится в соответствии с современной орфографией русского языка. Все события и документы, кроме специально оговоренных случаев, датируются сначала по старому (юлианскому), а затем по новому (григорианскому) календарям.

ГЛАВА I

Военная разведка России накануне войны (1898–1903 гг.)

...Хорошо организованная еще в мирное время разведочная служба исключительно одна может дать возможность составления расчета и правильного плана операции.

*Б.И. Доливо-Добровольский,
капитан 1-го ранга,
участник русско-японской войны,
начальник иностранной части
Морского Генерального штаба*

Структура и состав военно-разведывательных учреждений

История русской военно-разведывательной службы насчитывает не одно десятилетие и даже столетие. В работах, посвященных ее возникновению и эволюции, приводятся многочисленные примеры изучения противника до начала или в ходе вооруженных столкновений, начиная с похода славян на Византию в 860 г.³¹

Период реформ 60–70-х гг. XIX в. в России открыл совершенно новый этап организации военной разведки с учетом технологической модернизации и перехода к массовым армиям индустриальной эпохи. Отныне разведывательная деятельность в вооруженных силах подчинялась задачам непрерывного мониторинга сил и средств не только вероятного противника, но и дружественных, а также нейтральных государств³². Иными сло-

вами, возникло понимание необходимости обеспечения трех основных фаз разведывательного цикла: сбора сведений, их анализа и доведения оценок до руководителей соответствующего уровня³³.

В результате структурных модификаций к началу XX в. координация военно-разведывательной деятельности осуществляли два органа Главного штаба сухопутных сил: Военно-ученый комитет (ВУК) и Азиатское делопроизводство (часть). Примерно по такой же, но упрощенной схеме, была организована разведка флота — через Военно-морской ученый отдел Главного морского штаба.

Дальнейшие преобразования центрального аппарата вооруженных сил в 1900–1903 гг. привели к созданию генерал-квартирмейстерской части, которая была разделена на два управления: 1-е и 2-е. Именно 2-й генерал-квартирмейстер курировал изучение ситуации в ближнем и дальнем зарубежье силами офицеров 7-го отделения по военной статистике иностранных государств — структуры, подчиненной 1-му военно-статистическому отделу. Аналогичным образом с апреля 1903 г. Военно-морской ученый отдел образовал так называемую стратегическую часть, оперативное отделение которой непосредственно отвечало за ведение разведки зарубежных флотов. При этом общая численность личного состава центральных разведывательных органов России в январе 1904 г. составляла 17 штатных единиц для сухопутной армии и 12 — для морских сил, к которым, правда, следовало добавить прикомандированных офицеров и гражданских чиновников, а также обслуживающий персонал: писарей, курьеров и т.п. Все они обеспечивали поступление и анализ информации о военном потенциале более чем 20 стран мира³⁴.

Тематика и направления работы указанных органов прослеживаются на основании распоряжений начальников соответствующих министерств. Так, в приказе по военному ведомству № 133 от 11 (24) апреля 1903 г. круг задач офицеров 7-го отделения определялся как «сбор, обработка и издание военно-статистических материалов по иностранным государствам; переписка по военно-агентурной части; командирование офицеров с научными целями, рассмотрение изобретений по военной части». Важно отметить, что этим распоряжением окончательно ликвидировалось Азиатское делопроизводство Главного штаба, которое ранее контролировало военно-разведывательную деятельность в государствах Востока³⁵.

Таким же, хотя и несколько расширенным, очерчивался комплекс обязанностей стратегического отделения Военно-морского ученого отдела. Приказ министра в частности закреплял за ним «изучение способов и средств для крейсерской войны в океанах; составление статистических сведений о торговых флотах иностранных держав, о коммерческих в них

портах и угольных станциях во всех частях света, о направлении главных торговых путей и пунктах пересечения их...; собрание сведений о приготовлениях и действиях иностранных флотов в случае войны...; переписку с русскими военно-морскими агентами в иностранных государствах; сообщение полученных от них сведений, материалов и документов в надлежащие учреждения морского и других министерств...»³⁶

Смешение оперативных и аналитических функций вновь образованных центральных органов военной разведки России обусловило появление двух дополнительных делопроизводств в их составе. Решение задачи поддержания связи с атташатам за рубежом и негласной агентурой за рубежом возлагалось на офицеров «особого» делопроизводства 7-го отделения Главного штаба сухопутных сил и чинов оперативного отделения стратегической части Главного морского штаба. Однако, как справедливо отмечали исследователи, негативной стороной упорядочения обязанностей явилась почти полная обособленность контактов с официальными военными агентами от других направлений разведывательной деятельности³⁷.

Ситуация осложнялась автономией и параллелизмом процесса получения конфиденциальных сведений по более узким вопросам другими центральными органами военного министерства (например, Главным инженерным управлением, Главным артиллерийским управлением, Главным крепостным комитетом и т.д.), а также штабами округов и флотов. Следствием такого распыления сил явилась низкая эффективность добывания и анализа разведанных офицерами-артиллеристами или инженерами, обусловленная незнанием ими специфики разведывательного цикла и нередким взаимным дублированием источников секретной информации³⁸.

Сложившееся положение дел могло бы еще показаться терпимым, если бы вмешательство в сферу агентурных операций военных органов не проводилось, кроме того, информационными службами других ведомств: министерствами иностранных и внутренних дел, двора, финансов, торговли и промышленности и даже Святейшим Синодом. Хотя, справедливости ради следует подчеркнуть, что их прямые обязанности исключали целенаправленный и систематический сбор сведений, касающихся обеспечения военной безопасности империи³⁹.

Обратившись к региону Дальнего Востока в период, непосредственно предшествовавший русско-японской войне, т.е. с момента занятия военно-морскими силами России Порт-Артура в 1898 г. до января 1904 г., укажем на местные, территориальные органы, выполнявшие разведывательные функции. К ним, прежде всего, следует отнести отчетное отделение штаба Приамурского военного округа, дислоцированного в Хабаровске.

Именно ему до момента создания разведывательного органа как самостоятельной структуры отводилась главная роль в сборе сведений о сопредельных странах.

К сожалению, на протяжении рассматриваемого отрезка времени сотрудники отчетного отделения проявляли недопустимую пассивность в интересующей нас сфере. Объяснением может служить не только отсутствие специальной подготовки штабных офицеров, но и ограничение Петербургом даже слабых попыток инициативных действий с их стороны. Бесспорным свидетельством выступил, к примеру, отказ Главного штаба ассигновать испрашиваемую сумму средств на развертывание тайной агентурной сети на Дальнем Востоке в 1902 г.⁴⁰ Пожалуй, одним из немногих заметных достижений офицеров-геодезистов округа явилось составление военно-статистического описания Маньчжурии, которое послужило основой для подготовки справочников о вооруженных силах соседних государств, а также точных одноверстных, двухверстных и четырехверстных карт отдельных районов будущего театра военных действий⁴¹. Примечательно, что японцы переиздали русскую двухверстную карту в переводе на свой язык и затем активно использовали ее в ходе войны⁴².

Заключение договора об аренде Порт-Артура между Россией и Китаем и строительство Китайской Восточной, а также Южно-Маньчжурской железных дорог (соответственно КВЖД и ЮМЖД) заставили царское правительство приступить к комплектованию штабов Квантунской области и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. К середине 1903 г. оба они были выведены из-под прямого контроля военного ведомства: первый — через учреждение Наместничества во главе с генерал-адъютантом, адмиралом Е.И. Алексеевым 30 июля (12 августа), а второй — через подчинение министру финансов, сначала — С.Ю. Витте, а в дальнейшем — его преемникам на этой должности.

Оценивая деятельность чинов штаба, дислоцированного в Порт-Артуре, известный публицист А. Хвостов, написавший серию путевых репортажей о своих впечатлениях от «Желтороссии», подчеркивал:

«Под руководством первого русского начальника Квантунской области, генерала Д.И. Субботича за первые три года русского управления на Квантуне собраны его помощниками, офицерами Генерального штаба, драгоценные сведения об этом новом для нас крае»⁴³.

Что касается деятельности штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, то она до войны концентрировалась на обеспечении безопасности сооружений в полосе отчуждения строившихся магистралей и отражении нападений восставших ихэтуаней («боксеров») в 1900–1901 гг., а позднее — шаек «краснобородых» — по-китайски — хун-

хузов, представлявших собой частью бывших участников боксерского восстания, частью примкнувших к ним позднее городских маргиналов и наиболее активных членов сельских отрядов самообороны⁴⁴.

Как известно, русские войска принимали самое непосредственное участие в подавлении упоминавшегося движения ихэтуаней на территории Северо-Восточного Китая. Летом 1900 г. 35-тысячный международный экспедиционный корпус, ядро которого составили 7000 сибирских стрелков, совершил поход на Пекин с целью деблокирования посольского квартала, осажденного боксерами⁴⁵. Верховное командование интернациональными сухопутными силами осуществлял генерал-лейтенант Н.П. Линевич. 1 (14) августа столица Цинской империи была очищена от восставших, а к концу сентября 1900 г. вся Маньчжурия была усмирена несколькими отрядами русских войск общей численностью до 25 тыс. штыков и сабель⁴⁶.

Осенью того же года для обеспечения взаимодействия с местными властями северо-восточных областей Китая были образованы русские военные комиссариаты, которые помимо представительских и координирующих функций отслеживали ситуацию в границах вверенных им территорий. Круг обязанностей военных комиссаров включал наблюдение «за развитием и организацией различных китайских войск в трех маньчжурских провинциях» Цицикарской (Хэйлунцзянской), Мукденской и Гиринской (Ляоянской), а также «за китайскими властями в смысле строгого исполнения ими договора 1902 года» об эвакуации русских войск с территории Маньчжурии. Свои донесения они направляли сначала в штаб Квантунской области, а с осени 1903 г. Наместнику, однако говорить о создании комиссарами накануне войны развитой агентурной сети, очевидно, не представляется возможным⁴⁷.

Разведывательная деятельность на море осуществлялась под руководством штаба эскадры Тихого океана, также подчиненного адмиралу Е.И. Алексееву. Наиболее исчерпывающие сведения о потенциале японского флота содержались в рапортах военно-морского атташе лейтенанта (а затем капитана 2-го ранга, будущего начальника Главного и Генерального Морского штабов) А.И. Русина, аккредитованного при российской дипломатической миссии с 1899 г. Он был обязан регулярно докладывать командованию об учениях японского ВМФ, ситуации в портах Страны восходящего солнца, продвижении по службе высших морских офицеров, постановке системы обучения на флоте, о принятии новых уставов и образцов вооружения⁴⁸.

Однако широта кругозора и высокий профессионализм Русина позволяли сообщать информацию, выходящую за пределы морской проблема-

тики, например, о внутривнутриполитическом положении и состоянии японской армии. Поэтому более подробно вклад Русина в подготовку к войне на Дальнем Востоке целесообразно проанализировать вместе с аналогичной деятельностью сухопутных атташе России.

К традиционным средствам наблюдения, которые использовали моряки Тихоокеанской эскадры, относились корабли — стационары, размещенные на постоянной основе в ряде портов Китая и Кореи: Шанхае, Чифу (Яньтае), Инкоу, Чемульпо (Инчхоне). Командиры стационаров были обязаны изучать прибрежные страны с точки зрения их стратегического, торгового и промышленного значения для предупреждения всего того, что могло противоречить интересам России. В дополнение им следовало наблюдать за передвижением иностранных военных судов и настроениями среди их командного состава⁴⁹.

Другое направление разведки на море обеспечивали боевые корабли легкого класса — миноносцы. Опыт испано-американской войны 1898 г. показал, что, обладая большой скоростью хода вкупе с повышенной маневренностью, они были способны осуществлять оперативное слежение за прибрежными водами в радиусе примерно двадцати миль от своих баз, в случае России — Порт-Артура, Владивостока, Петропавловска-Камчатского⁵⁰.

Значительный вклад в разработку принципов ведения разведки на море внес адмирал С.О. Макаров. В своем фундаментальном исследовании «Рассуждения по вопросам морской тактики» он первым обосновал необходимость использования таких технических новинок, как подводные лодки и радиостанции. И хотя они, как будет показано ниже, не смогли сыграть сколько-нибудь значительную роль в событиях 1904–1905 гг., начало применению специальных средств технической разведки было положено⁵¹.

Одним из существенных факторов организации военно-разведывательной службы на рубеже XIX–XX вв. являлось ее финансовое обеспечение. К сожалению, в нашем распоряжении имеются сметы расходов только военного ведомства, которые, естественно, не учитывали бюджетные ассигнования на эти цели по другим министерствам (морскому, финансов, внутренних дел и т.д.). Особый интерес представляют статьи расходов «по военным разведкам» Главного штаба. В 1902 г. общая сумма ассигнований на них составила 50 750 руб.⁵² К 1904 г. она возросла до 56 590 руб., хотя затраты собственно 7-го военно-статистического отделения не превышали 1000 руб.⁵³ Остальные средства распределялись между военными округами. Так, согласно отчетной ведомости за 1904 г., штаб Приамурского военного округа получил 12 000 руб., а штаб Квантунской области — 3000 руб. для осуществления секретных операций⁵⁴.

Кроме этого, в конце XIX — начале XX вв. по интендантской смете ежегодно выделялось 149 420 руб. на содержание легальных военных агентов за рубежом из расчета 1200 руб. на каждого офицера⁵⁵. Причем, судя по их воспоминаниям, указанная сумма далеко не покрывала всех расходов атташе, особенно в европейских столицах⁵⁶. Конечно, уровень цен в дальневосточных странах был существенно ниже, однако необходимость согласования буквально каждого пункта затрат на добывание и обработку информации не только с Главным штабом, но и Наместником приводила к значительным непредвиденным тратам российских военных агентов сверх казенных средств. Поэтому обладание дополнительными источниками доходов (например, недвижимостью) выступало одним из основных, хотя и официально не фиксированных, условий назначения генштабистов на эти должности⁵⁷.

События русско-японской войны наглядно продемонстрировали, что объем бюджетных ассигнований на военную разведку был недостаточным, впрочем, как и эффективность использования даже таких малых сумм. Значительно больше средств требовалось не только для сбора разведданных официальными агентами, но и для организации сети конфиденциальных осведомителей с регулярной выплатой им жалования. Наконец, не стоит забывать и о значительных расходах на усиление российского влияния в регионе через средства массовой информации. В этом аспекте Петербург безнадежно проигрывал европейским столицам, особенно Лондону, поскольку британскому правительству удавалось через японскую и китайскую прессу сформировать в умах местных обывателей образ России в виде «хищного бурого медведя», готового поглотить дальневосточные страны при первой возможности.

Сделанный вывод подтверждается корреспонденциями упоминавшегося выше публициста А. Хвостова для читателей журнала «Вестник Европы». Так, в ноябре 1902 г. он сообщал из Порт-Артура:

«Насколько русские газеты отличаются пессимизмом, настолько же английские выделяются шовинизмом, восхваляя все английское и понося все неанглийское, а в особенности все русское. Враждебность английской печати Дальнего Востока против всего русского превосходит всякое вероятие; для нее нет решительно ничего святого, так что чтение этих газет для русского человека подчас становится невыносимым. Нет той лжи, клеветы, глумления, которые бы эти газеты считали неудобным печатать против России».

И далее, что примечательно, автор приводит слухи, которые распространялись через англоязычные газеты в Китае, о подготовке десанта на Японские острова силами Тихоокеанской эскадры⁵⁸.

Переходя к характеристике личного состава военно-разведывательных органов, стоит отметить доминирование среди них выходцев из семей дворян — потомственных военных. Анализ их послужных списков показывает, что после окончания кадетских корпусов или военных училищ дальнейший путь претендентов на штабные должности проходил через Николаевскую академию Генерального штаба⁵⁹. К сожалению, изучение стран Дальнего Востока в российских военно-учебных заведениях всех уровней практически не проводилось. По воспоминаниям современников, «в военных кругах Японию знали также мало, как и везде... Даже в курсе военной статистики, изучающей наших противников, ни слова не обмолвились о ней»⁶⁰. Не удивительно поэтому, что будущим офицерам разведки «эта островная страна рисовалась каким-то игрушечным, миниатюрным государством», а в Петербурге распространялись слухи о сонной болезни, которой будто бы подвержены японцы, засыпавшие-де в самый неожиданный момент⁶¹.

В то же время обстоятельства нередко вынуждали петербургское начальство прикомандировывать выпускников других академий (артиллерийской, инженерной и т.п.), а также просто хорошо зарекомендовавших себя по службе офицеров к Генеральному штабу. Аналогичным образом кандидатуры для включения в список потенциальных военных атташе представлялись наверх командованием округов с приложением подробной аттестации, где специально обращалось внимание на «свойства характера, степень владения иностранными языками, любовь к делу и знание иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и материальное положение, так же как на внешнюю представительность»⁶².

Рассматривая качества, присущие офицеру разведки, например, скрытность, тонкость ума и выдержку, один из видных военных специалистов Франции периода Третьей республики — генерал Бюжо — отмечал:

«Лица, ведающие этой службой, должны быть выбраны из числа весьма хитрых и ловких, обладающих скрытным и эластичным умом. Их взгляд должен быть то кроток, то смел; они должны уметь читать по выражениям чужих лиц и отлично скрывать происходящее в их собственной душе. Внешность их должна быть одновременно и приветливо-симпатичной, и внушительной, легко поддающейся исполнению любой роли»⁶³.

Не стоит упускать из виду и еще одно обстоятельство: назначение на высокие штабные должности, особенно связанные с процессом принятия решений, как правило, требовало содействия влиятельных покровителей вплоть до членов императорской фамилии. Широкое распространение

среди военной бюрократии России кумовства и nepотизма, отмеченное историками, в ряде случаев приводило их к очевидным неточностям. Самым ярким примером является смешение биографий двух офицеров с одной, хорошо известной фамилией — Ванновский в работах таких исследователей, как И.В. Деревянко, М. Алексеев, Д. Схиммельпенник⁶⁴. Вместо прикомандированного к Генеральному штабу подполковника Г.М. Ванновского, который занимал должность военного атташе в Японии с 1900 по 1902 г., на этом посту обычно указывалось совсем другое лицо — старший сын министра П.С. Ванновского полковник Генерального штаба Б.П. Ванновский, никогда не бывавший на Японских островах⁶⁵.

Общий кругозор генштабистов, составивших ядро органов военной разведки России, был достаточно высок и в целом, по признанию современников, не отличался от уровня теоретической подготовки элитного офицерства Германии, Франции или Великобритании. Они хорошо знали военную историю, юриспруденцию и статистику крупнейших государств, топографию, один-два иностранных языка⁶⁶. Однако даже лучшим представителям командных кадров Российской империи были присущи такие недостатки, как безынициативность, стремление подменить рекомендации по конкретным вопросам обилием исходящих документов, отсутствие системности в штабной работе наряду с недостаточной координацией по горизонтали и исполнительностью по вертикали, а главное — слабое знание специфики военно-разведывательной службы.

Как позднее вспоминал А.А. Игнатъев, состоявший в должности военного атташе на протяжении 10 лет сначала в Стокгольме, а затем в Париже, будущих генштабистов не знакомили с азами военной разведки, которая не являлась учебной дисциплиной Николаевской академии и считалась даже делом «грязным», недостойным дворянина, а «предназначенным для сыщиков, переодетых жандармов и подобных им темных личностей»⁶⁷.

Только наиболее любознательные и дальновидные офицеры стремились расширить свой кругозор самостоятельно, заполнив пробелы в изучении потенциального противника. Один из них, назначенный командиром 140-го Зарайского полка Маньчжурской армии, рассказывал впоследствии, как перед отправкой из Петербурга на фронт он решил обратиться в Главный штаб за информацией по Японии. Ознакомившись с предоставленным ему «Сборником новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств» в части, касавшейся Страны восходящего солнца, офицер выписал для себя 14 наиболее значимых характеристик японской армии. Но впоследствии, в условиях реальных боевых действий из них подтвердилась только одна, а все остальные оказались домыслами, как,

например, утверждения о невысоком упорстве японцев, их стремлении избегать горной войны и обходных маневров⁶⁸.

Резюмируя, отметим, что к началу вооруженного конфликта с Японией структура и личный состав военно-разведывательных органов России переживали начальный этап трансформации с учетом опыта первых войн индустриальной эпохи: японо-китайской 1894–1895 гг., испано-американской 1898 г. и англо-бурской 1899–1902 гг. При этом даже современники указывали на недостаток профессиональной подготовки офицеров-разведчиков в сочетании с отсутствием практики по изучению потенциального противника и будущего театра военных действий.

Однако самое печальное заключалось в том, что к январю 1904 г. не было создано координирующего центра военной разведки на Дальнем Востоке, хотя военный атташе России в Китае полковник К.И. Вогак до начала конфликта представил в Петербург и штаб Наместника докладную записку с предложением возложить задачи организации военно-разведывательной службы в регионе на Управление генерал-квартирмейстера штаба Приамурского округа⁶⁹.

Основные каналы получения сведений российской военной разведкой

Пожалуй, не будет преувеличением указать, что одним из главных источников сведений российской военной разведки о Японии в предвоенные годы являлись рапорты и аналитические записки атташе при дипломатических миссиях в Токио, Пекине и Сеуле.

С 1896 по 1899 г. пост военного агента в Стране восходящего солнца занимал полковник Н.И. Янжул, с 1900 по 1902 г. — упоминавшийся выше подполковник Г.М. Ванновский, а в последний предвоенный год — подполковник В.К. Самойлов. Кроме того, в 1896 г. военно-морское министерство также учредило должность атташе в Токио, которую последовательно занимали лейтенанты И.В. Будиловский (до 1897 г.), И.И. Чагин (на протяжении 1897–1899 гг.) и А.И. Русин (до начала войны).

Стратегическое значение и обширность территории Цинской империи обусловили необходимость аккредитации здесь сразу двух военных агентов. Таким образом, с 1896 до конца 1899 г. ими являлись полковники К.И. Вогак и Н.С. Сумароков. Последнего в 1900 г. заменил полковник К.Н. Десино. Местом пребывания Вогака являлся Тяньцзинь (с осени 1903 г. — Чифу), а Десино — Шанхай. Должности военно-морского атташе России в Китае до 1907 г. учреждено не было.

Наконец, в Корею с 1895 по 1902 г. военным агентом являлся подполковник (затем полковник) И.И. Стрельбицкий, на смену которому прибыл подполковник Л.Р. фон Раабен⁷⁰.

Заметным стимулом для усиления деятельности «дипломатов в погонах» в регионе явилась японо-китайская война 1894–1895 гг. Безоговорочная победа армии и флота микадо над количественно превосходящими, но технически отсталыми войсками Цинов произвела довольно сильное впечатление на заинтересованных российских наблюдателей. Еще тогда, за 10 лет до конфликта 1904–1905 гг., полковник К.И. Вогак пришел к выводу о высокой боеспособности японцев. Свои размышления по этому вопросу он изложил в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» за 1895 г.:

«Японская армия, — подчеркивал Вогак, — уже теперь представляет внушительную силу, прекрасно организованную, составленную из отличных солдат, хорошо обученных и воспитанных, руководимых офицерами, всецело преданными своему делу, относящихся к службе с завидной любовью и разумным рвением. Про чувства долга, патриотизма в армии и говорить нечего; эти качества присущи японцам от рождения, это характерные черты нации... Я видел японские войска на походе зимой, при крайне трудных условиях, в бою, правда, с китайцами, но под очень сильным огнем, и не могу отозваться о них иначе, как с искренним уважением и полной похвалой».

Отмечая далее и слабые стороны японской армии — неудовлетворительное состояние артиллерии, малочисленность кавалерии и слабую подготовку инженерных войск, российский военный агент резюмировал свои впечатления следующим образом:

«Я не удивлюсь, если через 10–15 лет японская армия будет отнесена к числу первоклассных. А за этой армией стоит нация, честолюбивая, готовая на все жертвы для славы Японии. Одержав победу над Китаем, у нее не будет другого стремления, как померяться силами с европейской державой, а таковой может быть либо Россия, либо Англия»⁷¹.

Как известно, именно так и случилось, сначала в 1904–1905 гг., а затем в 1939–1945 гг.

Несколько более скептического взгляда на вооруженные силы островного государства придерживался полковник Н.И. Янжул. В одном из рапортов, датированном декабрём 1898 г., он обращал внимание на внутриполитические факторы экспансии Токио в Восточной Азии:

«С нашей, русской, точки зрения, в настоящем фазисе внутренних отношений Японии важно и несомненно лишь одно, что, невзирая на финансовые неустройства, японское правительство продолжает оставаться

под влиянием воинствующих и шовинистических элементов общественно-го мнения и упорно готовится к будущей, при благоприятных обстоятельствах, борьбе за преобладание на Крайнем Востоке и ближайшим образом — за господство в Корее...»

Обращая далее внимание на возможность англо-американо-японского союза (который де-факто действовал в 1904–1905 гг.), Янжул сделал важное заключение:

«Все это указывает на крайнюю необходимость с нашей стороны особенной бдительности и полной готовности ко всякого рода случайностям»⁷².

Сбор и анализ информации подполковником (а с середины 1900 г. — полковником) Г.М. Ванновским, который сменил Янжула в Стране восходящего солнца, очень скоро вызвал серьезные нарекания со стороны Петербурга. По воспоминаниям видного представителя элиты вооруженных сил А.А. Поливанова, занимавшего на рубеже веков должность главного редактора таких официальных изданий, как «Военный сборник» и «Русский инвалид», Ванновский отказывал посланнику А.П. Извольскому в предоставлении каких-либо сведений о японской армии⁷³. Дело дошло до того, что начальник Главного штаба В.В. Сахаров и фактический руководитель военной разведки, генерал-квартирмейстер Я.Г. Жилинский подвергли деятельность Ванновского серьезной критике. В одном из писем, адресованных последнему, отмечалось, что на протяжении 1901 г. Главным штабом было получено всего четыре донесения, хотя активность японцев в военной и морской сферах постоянно усиливалась⁷⁴.

По воспоминаниям А.Н. Куропаткина, сведения об армии Японии, содержащиеся в рапортах Ванновского, противоречили данным военноморского атташе А.И. Русина и информации, полученной начальником 7-го отделения полковником Генерального штаба М.А. Адабашем во время командировки на Дальний Восток (речь шла о количественных характеристиках сухопутных войск).

«Впоследствии оказалось, — писал Куропаткин, — что доставленные сведения (Русина и Адабаша. — Е. С.) были вполне верны, но и на этот раз генералы Жилинский и Сахаров им не поверили, «положили под сукно» и в печатный сборник сведений о японских вооруженных силах в 1903–1904 гг. не включили ни одного слова о резервных войсках»⁷⁵.

Несмотря на дополнительную инструкцию Главного штаба Ванновскому о критериях отбора информации и соблюдении регулярности в ее отправке, ситуация к лучшему не изменилась⁷⁶. Свою некомпетентность и связанную с ней низкую эффективность разведывательной работы Г.М. Ванновский пытался компенсировать пренебрежительными оценка-

ми уровня боевой подготовки вооруженных сил Японии. В работе К.К. Звонарева приведен обширный фрагмент из итогового доклада военного атташе, составленного в середине 1902 г. Критикуя состояние армии восточного соседа России за якобы исключительно внешние заимствования элементов европейской цивилизации, Ванновский писал:

«Вот почему, если, с одной стороны, японская армия уже давно не азиатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то с другой, — это вовсе не настоящая европейская армия, создавшаяся исторически, согласно выработанным собственной культурой принципам.

Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав»⁷⁷.

Уже упоминавшийся А.А. Поливанов цитировал одно из утверждений Ванновского, граничивших с анекдотом, о том, что «при всяком значительном усилии японских солдат у них делается болезнь — опухоль языка»⁷⁸.

В начале июля 1902 г. этот военный атташе был отозван в Петербург, а на его место прибыл подполковник В.К. Самойлов. Современники отзывались о нем как о «человеке весьма умном, культурном и знающем», с хорошим чувством юмора, владевшим, что немаловажно, японским языком⁷⁹. Вновь назначенный военный агент попытался наверстать упущенное его предшественником и развил бурную деятельность по добыванию сведений, интересовавших Главный штаб, а с августа 1903 г. — и штаб Наместника, располагавшийся в Порт-Артуре. Ведь переподчинение атташе в странах Дальнего Востока адмиралу Е.И. Алексееву потребовало от них дополнительных усилий «по сбору и поддержанию в постоянной готовности сведений военного, политического и промышленного характера», включая информацию о заказах и продаже вооружения, ситуации внутри иностранных государств, влиянии великих держав на развитие промышленности и увеличение наступательного потенциала⁸⁰.

Следует отметить, что за полтора года своей аккредитации в Стране восходящего солнца Самойлов, вскоре получивший очередное воинское звание полковника, сумел обобщить и направить в Порт-Артур значительный объем разведанных, касавшихся не только конкретных вопросов военно-технического состояния японских дивизий, но и стратегических оценок вооруженных сил будущего противника России. Так, например, в рапорте по итогам очередных маневров японской армии 1903 г., он подчеркивал:

«Делая теперь, так сказать, практические выводы на случай войны с Японией, должно указать: большую подвижность армии, громадную и хорошо обученную артиллерию (говорю на основании опыта войны 1900 г.), значительный процент горной артиллерии (у нас на Дальнем Востоке всего две батареи)... доказанное на деле мужество и умение умирать на поле сражения». К числу уязвимых мест японцев полковник Самойлов отнес «неумение пользоваться конницей», «чувствительность ко всяким неожиданностям и случайностям», а также «непривычку к ночным маршам и действиям»⁸¹.

Наиболее вероятный сценарий начального этапа приближавшейся войны был изложен им в рапорте от 27 ноября (10 декабря) 1903 г. Ссылаясь на оценки иностранных военных атташе, Самойлов утверждал, что русские войска и флот, дислоцированные на Дальнем Востоке, будут разбиты японскими экспедиционными силами еще до прибытия подкреплений из европейской части империи. При этом он указывал районы и даже пункты десанта вероятного противника на Корейском полуострове⁸².

Служебную деятельность в Корее полковника И.И. Стрельбицкого, также как его коллеги Г.М. Ванновского, нельзя признать успешной. Гораздо больше сведений о состоянии вооруженных сил этой страны поступало командованию от офицеров, посещавших Сеул со специальными заданиями, либо от сотрудников дипломатической миссии. К примеру, за весь 1901 г. Стрельбицким было подготовлено всего 3 донесения по второстепенным вопросам, что явилось причиной возмущения начальника Главного штаба⁸³.

В результате летом 1902 г. полковник Стрельбицкий получил предписание о возвращении на Родину вместе с полковником Ванновским. Однако заменивший его подполковник Л.Р. фон Раабен, который в первой половине следующего года приступил к формированию негласной агентурной сети на территории Кореи, также не оправдал доверия Главного штаба и из-за дуэли с посланником А.И. Павловым, вызванной личными мотивами, был вскоре отстранен от занимаемой должности⁸⁴. Назначенный на этот пост 23 ноября (6 декабря) 1903 г. полковник А.Д. Нечволодов (а не капитан Н.М. Потапов, как пишет М. Алексеев и составители «Очерков истории внешней разведки России»⁸⁵) не успел прибыть к месту службы до открытия военных действий. Вполне понятно, что описанная кадровая чехарда самым негативным образом отразилась на эффективности русской стратегической разведки в регионе.

Нам остается упомянуть о служебной деятельности военно-морского атташе в Японии А.И. Русина. Его донесения в Петербург, а накануне войны непосредственно Наместнику — адмиралу Е.И. Алексееву, содержали,

как уже отмечалось выше, значительный объем информации о приготовлениях японцев на море и суше в 1902–1903 гг.⁸⁶ Он сообщал о закладке новых кораблей, служебных перемещениях морских офицеров, мобилизационном потенциале сухопутных сил и флота, наступательных планах командования и т.д.⁸⁷ Так, например, как следовало из оценок, сделанных им в марте 1903 г., Япония должна была сначала занять Корею, затем не дать России окончательно утвердиться в Маньчжурии, далее совершить десант на Квантунском полуострове Китая, а при благоприятном стечении обстоятельств и в Приморской области с целью захвата двух главных стратегических баз России — Порт-Артура и Владивостока⁸⁸.

В октябре – ноябре 1903 г. Русин докладывал о переводе всех военных кораблей из резерва в действующую эскадру во главе с адмиралом Х. Того. Районом сосредоточения морских сил Японии стал порт Сасэбо, географическое положение которого благоприятствовало атаке против Порт-Артура. В декабре было сообщено об интенсивных тренировках кораблей эскадры, а также об учреждении Императорской главной квартиры (т.е. фактически Ставки сухопутных войск) и Верховного военно-морского совета⁸⁹.

По мере дальнейшего обострения ситуации телеграммы Русина приобретали все более тревожный характер. В донесении от 15 (28) января 1904 г. сообщалось, что действующий флот достиг полной боевой готовности и ожидается общая мобилизация. Наконец, последняя телеграмма российского морского атташе, отправленная за четыре дня до атаки японцев, содержала важную информацию о выходе из Сингапура двух броненосных крейсеров, построенных для Японии на итальянских верфях⁹⁰.

Ниже, когда речь пойдет о планах и оценках мобилизационного потенциала Страны восходящего солнца, суждения военно-морского атташе вновь привлекут наше внимание. Пока же отметим, что сведения, собранные и проанализированные лейтенантом, а к 1904 г. уже капитаном 2-го ранга, А.И. Русиным, нередко оставались «вещью в себе». Согласно верному наблюдению современного автора И.Л. Бунича, «все эти донесения с пометками начальства о прочтении большей частью просто подшивались к делам штаба и практически мер почти не вызывали, несмотря на неоднократные попытки обратить внимание начальства на серьезность сообщаемых сведений»⁹¹. Другими словами, ценная информация, предоставленная Русиным, не только оказывалась вне поля зрения командования сухопутных сил, но и не попадала в руки самих офицеров флота. Не случайно в отчетной работе Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны под председательством В.И. Ромейко-Гурко с горечью констатировалось:

«Наша военно-морская агентура в Японии была совершенно изолирована от остальных и потому для армии практического значения не имела. Между тем война должна была начаться как раз с морских операций и десантов, и потому военно-морские сведения имели для сухопутных штабов на нашей тихоокеанской окраине самый живой интерес»⁹².

Справедливости ради необходимо признать, что работа военных атташе на Дальнем Востоке, особенно в Японии, серьезно затруднялась целым рядом факторов объективного характера.

Во-первых, постоянно указывалось на скрытность и недоверчивость японцев, строго соблюдавших режим секретности. «Все, что касается численного состава армии в Японии, — рапортовал В.К. Самойлов 11 (24) мая 1903 г., — составляет большой секрет, и достать какие-либо сведения можно только случайно. Сведения, сообщаемые мне иностранными агентами, хотя и разнятся от наших, не могут считаться достоверными»⁹³.

Во-вторых, обращалось внимание на хорошую организацию японцами контрразведывательной деятельности. «Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции, — докладывал Самойлов из Токио уже в ноябре 1908 г. — В Японии не считается позорным ремесло шпиона и доносчика. Жандармы проходят, кроме того, особую школу и, как известно, в военное время употребляются для надобностей тайной разведки. С другой стороны, в Японии легче, чем где бы то ни было, следить за каждым иностранцем, ибо скрыться «белому» никак нельзя. На каждого иностранца, прежде всего, смотрят с предубеждением, что он шпион и сразу же его окружают надзором. Корреспонденция его прочитывается, за каждым шагом его следят, замечают всех, с кем он видится...»⁹⁴

В-третьих, отмечался патриотизм жителей Японских островов, их преданность «престолу и отечеству» и презрение к изменникам. «Предлагающие свои услуги, — продолжал Самойлов, — обыкновенно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры или кутежей, (но) так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции, и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро»⁹⁵.

В-четвертых, говорилось о трудности свободного владения разговорным и письменным японским языком, имевшим в основе иероглифику континентального соседа. «Китайские идеографы, — сетовал Н.И. Янжул, — составляют самую серьезную преграду для деятельности военных агентов... Не говоря уже о том, что тарбарская грамота исключает возможность пользоваться какими-либо случайно попавшимися в руки не-

гласными источниками, она ставит военного агента в полную и грустную зависимость от добросовестности и от патриотической щепетильности японца-переводчика вообще, даже в самых невинных вещах». Дело доходило до того, что российские военные атташе вынуждены были пересылать документы на японском языке в Петербург, где их переводил на русский бывший драгоман дипломатической миссии Буховецкий⁹⁶.

Перечисленные трудности приводили российских наблюдателей к выводу о неприменимости традиционных для европейских стран методов разведывательной деятельности, как-то: переодевания, подкупа женщин, угощения спиртными напитками и т.п.⁹⁷

Объективные препятствия на пути секретной деятельности аккредитованных «дипломатов в погонах» заставляли Петербург использовать иные источники получения разведанных о дальневосточном регионе. До известной степени эта проблема решалась усилиями военных атташе в европейских государствах. Однако их усилия в этом аспекте ограничивались получением информации о закупках вооружения для нужд японских или китайских армий, тогда как на выяснение остальных вопросов элементарно не хватало времени и средств.

В этих условиях сама логика организации военно-разведывательной работы требовала использовать негласную агентуру, которая условно состояла из лиц трех категорий:

- 1) представителей самих дальневосточных народов: китайцев, маньчжур, монголов, корейцев, японцев;
- 2) подданных западных (преимущественно европейских) государств;
- 3) офицеров российской армии и флота, выполнявших отдельные секретные задания под прикрытием («крышей») различных гражданских должностей дипломатического, торгово-экономического или журналистского характера.

Обширная работа К.К. Звонарева содержит неоднократные обвинения высшего военного руководства царской России в пренебрежительном отношении к созданию системы тайной агентурной разведки на Дальнем Востоке к 1904 г. Казалось бы, ряд донесений «дипломатов в погонах» подтверждают эту критику. Так, например, Н.И. Янжул в одном из рапортов, думается, с целью оправдания собственной пассивности, нарисовал следующую картину:

«По исключительным условиям своей деятельности в Японии я поставлен в невозможность пользоваться посторонними лицами в качестве агентов для получения сведений о предпринимаемых в стране ввиду политических усложнений различных военных приготовлениях, передвижениях войск, запасов и пр., и пр., и поэтому вынужден сам возможно чаще

предпринимать экскурсии внутрь страны..., в особенности для личной проверки тех случайных сведений и слухов, которые изредка проскальзывают в печати и высказываниях в обществе»⁹⁸.

Однако разработка нового пласта источников, ставших доступными в последние годы, позволяет оценить деятельность официальных представителей России более объективно. Так, например, молодой историк Е.В. Добычина, посвятившая этому вопросу диссертационное исследование, пришла к выводу о том, что «уже в 1895–1897 гг. российские военные атташе имели здесь секретных осведомителей среди местного населения, влиятельных лиц различных общественных кругов и иностранцев»⁹⁹.

Свидетельством отмеченной тенденции явился, к примеру, тесный контакт полковника Самойлова с французским военным атташе бароном Ш. Корвизаром, который предоставлял своему российскому визави ценные сведения о мобилизационных приготовлениях японцев, включая секретный план будущих осадных работ в Порт-Артуре¹⁰⁰. По свидетельству источников, накануне войны российский военный агент получил предложение от анонима (скорее всего также европейского «дипломата в погонах»), регулярно информировать его о маневрах японского флота. Однако отсутствие в нужный момент у Самойлова нескольких тысяч рублей не позволило ему войти в более тесный контакт с потенциальным осведомителем, чтобы заблаговременно сообщить командованию о выходе эскадры адмирала Х. Того для атаки Порт-Артура 26–27 января (8–9 февраля) 1904 г.¹⁰¹

Аналогичным образом действовал капитан 2-го ранга А.И. Русин, сумевший привлечь к сотрудничеству французских лейтенантов Ж. Буассьера и Р. Мартини¹⁰². Кроме того, существенную помощь ему, а также офицерам штаба Наместника оказывали поставщики российского Тихоокеанского флота, например, представители крупного торгового дома Гинзбургов¹⁰³.

Несколько иная ситуация сложилась в Китае. Здесь вместе с официальными военными атташе работали служащие российских дипломатических, финансовых и торговых учреждений, а также промышленники, купцы, журналисты и сотрудники Духовной миссии. Они постоянно предоставляли адмиралу Е.И. Алексееву и штабу Приамурского округа секретные данные, полученные от собственных информаторов. Наиболее ценные сведения военно-политического характера помимо упоминавшихся К.И. Вогака и К.Н. Десино были собраны посланником в Пекине П.М. Лессаром, посланником в Сеуле А.И. Павловым, генеральным консулом в Шанхае К.В. Клейменова, консулами в различных китайских городах Х.П. Кристи, Н.В. Лаптевым, П.Г. Тидеманом, членом правления Русско-Китайского банка Л.Ф. Давыдовым, коммерческим заготовителем А.Г. Громовым,

журналистом Д. Янчевецким, крупным китайским торговцем Тифонтаем и др.¹⁰⁴

Любопытно отметить, что в последней работе французских авторов Р. Фалиго и Р. Коффера по всемирной истории спецслужб встречается утверждение о вербовке российской разведкой такой крупной фигуры, как вице-король провинции Шаньдун, губернатор Тяньцзиня, а в последствии — президент Китайской республики Юань Шикай, хотя документальных подтверждений авторы не приводят¹⁰⁵.

Усиление напряженности в регионе вынудило штаб Наместника приступить к обучению китайскому языку части офицеров и по два нижних чина от каждого из полков, расквартированных в Маньчжурии. Для выполнения этой задачи приказом адмирала Алексева от 31 августа (12 сентября) 1903 г. были открыты русско-китайские школы в Порт-Артуре, Инкоу, Цзиньчжоу и Мукдене. К сожалению, данное решение, как и другие подготовительные мероприятия, явно запоздало, что не позволило развернуть активную агентурную работу среди местного населения¹⁰⁶.

Серьезных успехов добилась русская разведка в Корее, где в течение 1896–1897 гг. с помощью инструкторов из России происходило становление регулярной армии. Во всеподданнейшей записке полковника Генерального штаба Д.В. Путяты, который возглавлял тогда специальную миссию в Сеуле, отмечалось:

«Русское инструкторство в Корее, обнаружив с первых же дней свою состоятельность даже в тех скромных размерах, в каких оно было начато, принесло пользу, с одной стороны, содействуя умиротворению страны, с другой, — высоко подняв русский престиж.

Так называемый батальон “Королевской охраны”, поставленный в исключительное положение заведывания (так в документе. — Е. С.) русскими офицерами и нижними чинами, прошел полный курс строевого образования и педантично исполняет свое назначение в дворцовых караулах. Одновременно он исполняет роль учебного батальона, выделяя туземных инструкторов для других частей войск, не вошедших в состав охраны»¹⁰⁷.

Впоследствии большинство из офицеров-инструкторов, например, капитаны Афанасьев, Грудзинский и Кузьмин, приняли активное участие в постановке разведывательной работы Маньчжурской армии. Опираясь на опыт предшественников, военный атташе Л.Р. фон Раабен продолжил создание сети тайных осведомителей из числа корейцев, включая высокопоставленных лиц, иностранных и русских подданных. Доклад по Главному штабу от 12 (25) июня 1903 г. содержал следующую оценку источников секретной информации из Страны утренней свежести:

«В последнее время удалось организовать сбор сведений о Корее. Наняты переводчики и имеются сотрудники европейцы из находящихся на корейской службе. Постоянные агенты из корейцев содержатся по одному в Гензане, Цинампо и Фузане, и два — в Ичжу... Сведения о корейских войсках, о японском гарнизоне, о деятельности японцев вообще и прочие, получают также от дворцового адъютанта, от начальника юнкерского училища (единственного сколько-нибудь образованного корейского генерала) и от начальника военной канцелярии императора».

Кроме того, разведанные поступали фон Раабену из конторы «Русского лесопромышленного товарищества», от командированного в Корею Кабинетом Его Императорского Величества горного инженера и от бывшего офицера, состоявшего учителем русского языка на корейской службе¹⁰⁸.

Постоянно действующая сеть тайных осведомителей в странах Дальнего Востока не исключала поездок туда с разведывательными задачами штабных офицеров под прикрытием таких невинных занятий, как отпуск, лечение, туризм, охота, совершенствование в иностранных языках. К сожалению, делалось это без должной системы, предусматривавшей общее руководство со стороны Главного штаба распределением маршрутов следования, районов пребывания и целей наблюдения эмиссаров. Иллюстрацией подобной практики могла служить отправка штабом Приамурского округа нескольких офицеров на два-три месяца отпуска в Японию с условием предоставления ими отчетов об увиденном и услышанном. Однако первые же документальные свидетельства отпускников убедили командование в бесплодности этой меры, поскольку юные поручики без специальной подготовки и знания восточных языков оказывались совершенно непригодными для роли разведчиков¹⁰⁹.

Несколько иная ситуация складывалась во время периодических командировок офицеров Главного штаба для ознакомления с положением дел на местах и инспекцией деятельности военных атташе. К примеру, результатом поездки в конце 1900 — начале 1901 гг. начальника статистического отделения полковника С.А. Воронина стала пространная записка о силах и средствах Японии, предназначенных для ведения активных боевых действий, включая высадку в Корее. Рассматривая возможные сценарии первых недель войны примерно за три года до ее начала, офицер писал:

«Однако прежде чем решиться на такое предприятие до полного выяснения обстановки в смысле обеспеченности морских сообщений, японцы, по всей вероятности, с самого начала и еще до объявления войны постараются возможно скрытно и быстро перебросить часть сил на южный

берег Кореи к Фуцзяню, пользуясь близостью этого порта от Японии и положением на половине пути от укрепленного острова Цусима»¹¹⁰.

Значительный интерес в плане оценки перспектив отношений России с Цинской империей представлял также аналитический обзор численности и размещения мусульманского населения Китая, составленный полковником Генерального штаба М.А. Адабашем по итогам длительной командировки на Дальний Восток. Оценивая процентный состав населения Кашгарии, Илийского края, Маньчжурии, провинций Шаньси, Шэньси и Ганьсу, аналитик пришел к выводу о реальной возможности Петербурга использовать недовольство китайских мусульман политикой Цинов для удержания Поднебесной от блокирования с Японией в случае начала войны последней против России, поскольку сохранение нейтрального статуса Китая обеспечивало надежный тыл Маньчжурской армии и Тихоокеанской эскадры¹¹¹.

Рассмотрение источников разведывательной информации, имевшихся в распоряжении русского командования перед войной, было бы неполным без указания на первые попытки использования технических средств. В работе японского историка Ч. Инаба раскрыта практика перехвата и дешифровки телеграфной переписки японской дипломатической миссии в Париже с Токио. Аккредитованный в Шанхае второй официальный военный агент на территории Китая, уже известный нам полковник К.Н. Десино, привлек к сотрудничеству служащих датской телеграфной компании, которая обеспечивала связь между Европой и столицей Страны восходящего солнца. Профессор Инаба пишет, что «российский атташе регулярно получал в телеграфной конторе подлинники японских телеграмм, некоторые из них тут же переводились на русский язык и отправлялись в Россию. В экстренных случаях (дни Цусимы) российские офицеры находились на телеграфе безотлучно». Любопытно, что ключ для дешифровки корреспонденции был передан резиденту департамента полиции МВД России во Франции И.Ф. Манасевичу-Мануйлову одним из завербованных им агентов, служившим в японском дипломатическом представительстве на берегах Сены¹¹².

Исторически сложилось так, что военные моряки уделяли больше внимания техническим средствам разведки в военно-морском, чем офицеры сухопутных сил России. Свидетельством служит статья лейтенанта, впоследствии капитана 1-го ранга, начальника иностранного отдела Морского Генерального штаба Б.И. Доливо-Добровольского под красноречивым названием «Разведочная служба на флоте и ее организация». Характерно, что она увидела свет в самый канун русско-японской войны. Перечисляя главные ресурсы «узнавания» противника, автор подробно останавлива-

ется на организации работы сигнальных (наблюдательных) береговых станций и поисковых действиях быстроходных разведывательных судов (крейсеров и миноносцев). Как ни странно, трофейные документы неприятеля, по мнению эксперта, составляли относительно незначительную по степени важности группу информационных ресурсов¹¹³.

Однако при всем интересе к техническим средствам получения разведанных, главными их источниками оставались официальные и нелегальные агенты, работа которых в целом позволяла командованию составить объективное мнение о положении дел в регионе. Как подчеркивалось в докладе профессора Николаевской академии полковника Генерального штаба Н.А. Данилова о подготовке к вооруженному конфликту, «со стороны военного ведомства, прежде всего, было обращено внимание на изучение сил противника: военная и морская агентуры работали вполне удовлетворительно, доставляя необходимые сведения»¹¹⁴.

Именно они послужили основой для проведения необходимых расчетов и разработки планов военных действий на суше и на море, т.е. осуществления решающего этапа разведывательного цикла.

Оценка военной разведкой сил Японии и подготовка планов войны

Один из самых распространенных мифов, относящихся к событиям 1904–1905 гг., заключается в утверждении об отсутствии у русского командования каких-либо планов ведения войны против Японии. К примеру, в книге британского исследователя К. Мартина встречается следующая сентенция: «В Японии было принято решение остановить экспансию России в Азии, но русские этого не подозревали»¹¹⁵.

Столь поверхностный вывод опровергается имеющимися документами. Оценки вероятного регионального конфликта разрабатывались и корректировались главными сухопутным и морским штабами на протяжении десяти лет!

Обратимся к фактам. Буквально сразу же после окончания японо-китайской войны 1894–1895 гг. в Петербурге было создано Особое совещание, участники которого пришли к выводу о том, что Япония «подгоняет» завершение своей судостроительной программы к году окончания строительства Транссибирской магистрали и будет готова к вооруженному столкновению в 1903–1906 гг. Поэтому военное министерство получило высочайшее повеление составить проект отражения возможной агрессии дальневосточного соседа России, а морское ведомство — разработать

программу усиления Тихоокеанского флота, который бы в итоге «значительно превышал японский»¹¹⁶.

Таким образом, уже в 1895 г. на свет появился первый план кампании на берегах Тихого океана с учетом опыта японо-китайской войны¹¹⁷. В 1898–1899 гг. он был пересмотрен в связи с изменением стратегической ситуации на Дальнем Востоке, вызванном завершением так называемой «битвы за концессии», иначе говоря, разделом Цинской империи на сферы влияния европейских держав и Японии. Царское правительство, как известно, самым активным образом участвовало в «схватке гигантов», добившись от Пекина заключения договора о длительной аренде Ляодунского полуострова с крупной военно-морской базой в Порт-Артуре¹¹⁸.

До 1898 г. у России высшим тактическим соединением на Дальнем Востоке были бригады, а штаб Приамурского военного округа только формировался. После занятия Порт-Артура начался перевод сухопутных сил, дислоцированных в регионе, на корпусную систему, а штаб Приамурского округа приступил к формированию на его основе полевого командного органа. Кроме того, учреждение новой административно-территориальной единицы — Квантунской области — подготовило условия для создания в августе 1898 г. штаба военных сил на ее территории, преобразованного 30 июля (11 августа) 1903 г. в штаб Наместника¹¹⁹.

Тем временем план войны против Японии был уточнен при введении в действие нового общероссийского мобилизационного расписания под № 18. На его трансформацию повлияли также результаты участия русских войск в китайской кампании 1900 г. Свою лепту в составление различных вариантов плана внесли тогдашние командующие Приамурским округом — генерал-лейтенанты Н.И. Гродеков и Н.П. Линевиц, царский Наместник адмирал Е.И. Алексеев, а также военный министр А.Н. Куропаткин. К перечисленным проектам следует добавить план операций Тихоокеанского флота, разработанный Главным морским штабом в 1901 г.¹²⁰

В стратегическом аспекте трансформация плана региональной войны проходила по принципу увеличения объема сил и средств, привлекавшихся для разгрома японцев. Автор многотомной «Истории русской армии», сам в прошлом офицер, А.А. Керсновский охарактеризовал процесс уточнения документа следующим образом:

«Сперва считали, что с Японией справятся одни войска Приамурского округа. Затем войска эти решили усилить шестью резервными корпусами Сибирского и Казанского округов. И, наконец, было положено повысить качество подкреплений и направить на Дальний Восток два самых восточных полевых корпуса — X-го Киевского и XVII-го Московского военных округов»¹²¹.

В 1902–1903 гг. основная дискуссия развернулась между двумя фигурами: военным министром А.Н. Куропаткиным и фактическим вице-королем российского Приморья, как называли его иностранные наблюдатели, адмиралом Е.И. Алексеевым. Поразительный факт: план 1901 г., окончательно утвержденный Куропаткиным 30 июля (12 августа) 1902 г., не был, однако, скреплен подписью начальника Главного штаба В.В. Сахарова!¹²² Дело в том, что военный министр готовил его, отталкиваясь от пространного всеподданнейшего доклада 1900 г., в котором зафиксирована довольно пессимистическая оценка возможностей перехода в наступление сразу же после начала войны в связи с отсутствием, говоря современным языком, необходимой логистической инфраструктуры (системы транспортных узлов, перевалочных баз, складов и т.д.):

«Это обстоятельство, а равно неготовность железной дороги (напомним, что к 1900 г. сооружение Транссиба, не говоря о КВЖД, было еще далеко от завершения. — Е. С.), — подчеркивал Куропаткин, — и обязывают нас в ближайшие годы к крайней осторожности в наших внешних сношениях, дабы не быть вовлеченными в войну при обстановке, вполне для нас невыгодной, с силами недостаточными и крайне медленно собираемыми»¹²³.

Кроме того, исследования последних лет показали, что военный министр обратил самое пристальное внимание на записку бывшего начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, который изложил свое видение перспектив дальневосточной политики России с японо-китайской войной 1894–1895 гг. Фактически Куропаткин поддержал точку зрения Обручева по большинству вопросов, например, касательно превращения Северной Маньчжурии в новый российский протекторат по примеру Бухары или оставления за Японией преобладающего влияния в Корее¹²⁴.

Стремясь убедить царя в правильности своих выводов и опровергнуть завышенную оценку Алексеевым потенциала России в Приморье, глава военного ведомства летом 1903 г. отправился в поездку на Дальний Восток с посещением Японских островов. Царь поставил перед своим министром трудную задачу «в минимальный срок, не останавливаясь перед нужными расходами», поставить боевую готовность России в регионе на таком уровне, чтобы «дать очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Маньчжурии»¹²⁵.

Из анализа дневниковых записей Куропаткина во время своей поездки, найденных и опубликованных автором совместно с главным специалистом РГВИА И.В. Карпеевым в 1995 г. можно получить представление о военных планах противника России:

«Японцы, — размышлял автор дневника, — могут:

- 1) напасть на нас на Квантуне,
- 2) напасть на нас во Владивостоке,
- 3) занять Корею и укрепиться там или произвести наступление из Кореи в направлении к Мукдену, или к Порт-Артуру в связи с наступлением к сему пункту (Мукдену) китайских сил».

Кроме того, вспомогательные операции японского флота, по мнению Куропаткина, угрожали оккупацией противником Сахалина и овладением его силами устья важнейшей водной артерии — Амура¹²⁶.

Анализируя вероятные сценарии будущей войны, автор дневниковых записей далее писал:

«Нам надо преимущественно готовиться отстоять Порт-Артур. Овладение этим пунктом и затем занятие Кореи по линии Пхеньян — Гензан в ожидании нашего перехода в наступление, мне кажется, должно составить наиболее желательный и возможный план действий японцев.

Наступление из Кореи в Маньчжурию тоже возможно, если Китай дружно восстанет в Маньчжурии и прекратит связь с Россией по Восточно-Китайской железной дороге, и особенно возможно, если Россия будет одновременно с Японией воевать еще и на западе с Тройственным союзом.

Нападение на Владивосток, пока наши войска не выведены из Никольск-Уссурийского и Новокиевского районов, маловероятно, но готовиться и там надо (в том числе и в заливе Посыета).

Нападение на остров Сахалин и устье Амура при настоящем необеспеченном состоянии этих районов может обещать большой успех, так что и там надо нам принять меры»¹²⁷.

Посещение Японии и близкое знакомство с состоянием ее вооруженных сил в течение двух недель позволило А.Н. Куропаткину сделать вывод о необходимости избежать вооруженного конфликта с дальневосточным соседом. Отчет о поездке военного министра содержал обоснование вторичности интересов России в Корее по сравнению с задачами ее политики в остальной Азии и целями обеспечения спокойствия на западных рубежах.

«Первая война с Японией, какие бы таковая не имела результаты, — пророчески заключил Куропаткин, — не будет последней: напротив, эта война откроет целую серию войн России с Японией и, прибавим, с Китаем. В результате нам придется сразиться с миллионной армией японцев и китайцев, и при атаке нас одновременно и на западе, потерять Сибирь до Байкала»¹²⁸.

Однако предостережения главы военного ведомства не убедили Николая II. Дело дошло до подачи Куропаткиным прошения об отставке, хотя

царь, продолжая колебаться, прибегнул к паллиативу: в августе 1903 г. министра отправили в долгосрочный отпуск (и это было сделано накануне решающих событий на берегах Тихого океана!), а адмирал Е.И. Алексеев получил приказ подготовить свой проект отражения японской угрозы¹²⁹.

Штаб Наместника справился с поставленной задачей только наполовину. В октябре царю представили план начального периода кампании, предусматривавший организацию энергичного отпора противнику при его высадке на побережье Кореи и Ляодунского полуострова. Документ встретил серьезные возражения Куропаткина, который стремился придерживаться выжидательной тактики «скифского заманивания противника вглубь Маньчжурии».

Тем не менее, царь утвердил стратегический план Алексеева, хотя и с некоторыми поправками военного министра. Увы! Сделано это было слишком поздно — 14 (27) января 1904 г., когда времени на сколько-нибудь тщательную подготовку к вооруженному столкновению у России не оставалось¹³⁰.

Но даже после принятия окончательного решения, самодержец не перестал испытывать сомнения, которые губительным образом отразились на приведении войск в состояние требуемой боеготовности. Дело в том, что Николай II опасался обвинений в агрессии со стороны России, которые могли стать поводом для прямого вмешательства держав, например, Великобритании — союзника Страны восходящего солнца.

Наглядной иллюстрацией служит запись в дневнике царя 26 января (8 февраля) 1904 г.: «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим»¹³¹, и телеграмма, направленная им адмиралу Алексееву за несколько часов до нападения на Порт-Артур:

«Желательно, чтобы японцы, а не мы, открыли военные действия. Поэтому, если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в Южной Корее или на восточный берег до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот, с десантом или без оного, перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется атаковать, не дожидаясь первого выстрела со стороны»¹³².

Между тем еще 24 января (6 февраля) противник захватил в Корейском проливе гражданский пароход Добровольного флота, имевший название «Россия», что было расценено им как предзнаменование грядущей победы¹³³. Аналогичная участь постигла и другие мирные суда под русским флагом на рейдах в Японии и Корее. Почтовые учреждения России в корейских городах Фузан и Мазампо прекратили свою работу, а их служащие были интернированы японскими агентами¹³⁴.

И все же с началом боевых действий А.Н. Куропаткину удалось склонить самодержца на свою сторону. В докладной записке военного министра от 2 (15) февраля был представлен план всей дальневосточной кампании, а не только ее начальной фазы, как у Алексева. Он получил дальнейшую конкретизацию в последнем всеподданнейшем рапорте генерала перед отъездом на Маньчжурский фронт:

«Вдумываясь в сложную и трудную обстановку, при которой придется на Дальнем Востоке сосредотачиваться и действовать нашим войскам, — писал Куропаткин, — мне представляется, что в первый период кампании мы должны главной целью своих действий поставить: не допустить разбить наши войска по частям (подчеркнуто в тексте рукой Николая II. — Е. С.)».

И далее генерал излагал свое видение основных этапов будущей войны, которое, очевидно, не могло не импонировать самодержцу:

- «1. Борьба флотов за главенство на море;
2. Десант со стороны японцев и противодействие ему;
3. Оборонительные действия с широким развитием партизанского движения до сбора достаточных сил;
4. Переход в наступление:
 - а) вытеснение японцев из Маньчжурии;
 - б) вытеснение японцев из Кореи.
5. Десант в Японию. Разбитие (так в документе. — Е. С.) территориальных японских войск. Борьба с народным восстанием. Овладение столицами и особой императора»¹³⁵.

Учет стратегических интересов России на западе, стремление избежать разгрома русских сил по частям и намерение Куропаткина перенести военные действия на Японские острова воодушевили царя. Запись в его дневнике, сделанная 3 (16) февраля, т.е. после ознакомления с докладной запиской военачальника, датированной днем ранее указанного числа, подтверждает сделанный вывод. Свою роль в назначении военного министра главнокомандующим армией на Дальнем Востоке сыграло и общественное мнение, которое рассматривало Куропаткина как выходца не из придворной аристократии, а из слоев «рядового» служилого дворянства, да к тому же ближайшего соратника «белого генерала» М.Д. Скобелева — легендарного полководца времен балканских походов и покорения Центральной Азии.

Вспоминая патриотический подъем первых дней войны, один из ее участников, командир 6-го Сибирского корпуса генерал-лейтенант Л.Н. Соболев в частности отмечал:

«Куропаткину, когда его посылали на войну, верила почти вся Россия. Все надеялись, что, командуя славными русскими войсками, он нанесет

японцам поражение. Он верил в свою счастливую звезду и заявил, что мир будет заключен в Токио»¹³⁶.

9 (22) февраля 1904 г. газета «Московские ведомости» восторженно отзывалась о полководце:

«Не салюты орудий будут провожать генерала Куропаткина при его отъезде на Дальний Восток, не триумфальные огни будут гореть на всем пути его следования. Провожать его будут благословения русского народа, гореть ему будут русские сердца, полные веры в этого талантливоего вождя, в его опыт, в его хладнокровие и мужество»¹³⁷.

На практике, однако, назначение нового главнокомандующим имело далеко идущие негативные последствия, поскольку выполнение официально не отмененного плана адмирала Е.И. Алексеева противоречило стратегическим расчетам генерала А.Н. Куропаткина, что вызывало неразбериху в организации обороны Маньчжурии, а, следовательно, и в координации разведывательной деятельности. Войска, только что получившие директивы Наместника, вынуждены были уже через несколько недель перестраиваться на исполнение приказов главнокомандующего Маньчжурской армией, прибывшего в Ляоян 15 (28) марта 1904 г.¹³⁸

По мнению специалистов, к числу основных просчетов, допущенных Куропаткиным при планировании кампании, относилось игнорирование возможности внезапных атак противника, неучет вероятности одновременного наступления японцев в двух направлениях (на Порт-Артур и Ляоян), а также заниженная оценка темпа проведения десантной операции и продвижения армий неприятеля в условиях гористой местности на китайско-корейской границе¹³⁹.

Указанные недостатки коренились, как ни странно, в прошлых победах русского оружия. Речь шла о последней войне против Турции и особенно покорении Центральной Азии в 60–80-х гг. XIX в. Известный военный авторитет П.И. Драгомиров относил Куропаткина к типу офицеров колониальной армии — т.н. «ташкентцев». Поясняя свою мысль, Драгомиров писал:

«Ташкентец — это офицер, который, с точки зрения техники, был испорчен опытом маленьких экспедиций в Центральную Азию, где противная сторона не была представлена серьезными воинами, где тактика уступала по важности проблемам снабжения, санитарной службы и гигиены войск, которые были очень важны и трудны»¹⁴⁰.

Крупной проблемой, стоявшей перед командованием, являлась «нестыковка» концепций ведения войны на суше и на море. Заметим, что подготовка к действиям Тихоокеанского флота, также как и разработка планов сухопутной кампании, началась сразу же после окончания японо-

китайской войны. 20 февраля (4 марта) 1898 г. Николай II утвердил дополнительную судостроительную программу для Дальнего Востока. По данным морского министерства, представленным царю в 1901 г., через четыре года русский флот в Восточной Азии должен был превзойти японский по всем параметрам, несмотря на постоянное «урезание» финансирования со стороны С.Ю. Витте, скептически оценивавшего перспективы создания «Желтороссии»¹⁴¹.

Кроме того, в ходе штабных военно-морских «игр» 1896, 1900 и 1902–1903 гг. отрабатывался процесс постановки и выполнения боевых задач по уничтожению флота противника до высадки десанта на российском, корейском или китайском побережье. Последняя по времени проведения «игра» продемонстрировала низкий уровень защищенности основных портов и баз от Камчатки до Порт-Артура, подтвердив тем самым данные военно-морской разведки.

План военных действий на море, разработанный штабом адмирала Е.И. Алексеева и утвержденный царем 29 марта (11 апреля) 1903 г., предусматривал формирование походного штаба командующего морскими силами Дальнего Востока, подготовку кораблей к боевым действиям, развертывание дозоров и охранения на подходах к базам, возвращение стационарных из иностранных портов в места постоянного базирования, установку минных заграждений по принятой схеме¹⁴².

Коренная стратегическая ошибка этого документа заключалась в разделении Тихоокеанского флота на две группы кораблей с базированием части крейсеров во Владивостоке, а основных броненосных сил — в Порт-Артуре. Другим серьезным недостатком плана являлось противоречивое требование вести борьбу за обладание Желтым морем, избегая риска при столкновении с противником. Наконец, несмотря на довольно точные данные А.И. Русина и сведения из перехваченных телеграфных шифровок японцев, были допущены просчеты в определении районов высадки их десанта на материке¹⁴³.

К сожалению, маневры Тихоокеанского флота, проведенные адмиралом Алексеевым в сентябре 1903 г., носили, по свидетельству участников, формальный характер, «как бы для отбытия номера». Театр будущих военных действий изучался поверхностно, конкретных учебно-боевых задач фактически не ставилось, маневрирование и стрельбы кораблей проводились в ограниченных масштабах, да и то по статичным мишеням¹⁴⁴.

Уже первые месяцы войны показали, что самым существенным минусом всех описанных планов стали неточные оценки военного потенциала Японии, особенно численности ее сухопутных сил. В связи с этим возник-

кала проблема сопоставления боевой готовности России и ее противника. Наглядной иллюстрацией служит беседа А.Н. Куропаткина с военным агентом в Китае К.И. Вогаком во время поездки министра на Японские острова. Будучи спрошенным о том, что, по его мнению, необходимо сделать для усиления российского присутствия в регионе, Вогак, как записал в своем дневнике Куропаткин, «оказался совершенно не подготовленным к этому вопросу». И далее глава военного ведомства с удивлением констатировал:

«Никаких подсчетов сил наших и сил наших противников он не делал, и указать мне, какое же число батальонов, батарей и сотен нам надо еще прислать на Дальний Восток, не мог или не хотел сказать. Последнее маловероятно. Ему казалось, однако, совершенно правильным, что положение Порт-Артура пока не обеспечено, и, кроме того, он высказывал мысль, что японцы не могут сделать высадки одновременно всеми силами и что поэтому мы должны стремиться иметь достаточные силы для отражения первых эшелонов»¹⁴⁵.

Поразительно, но это все, что мог сообщить военному министру офицер, которому по самому роду службы следовало иметь точные суждения о предмете беседы!

Характерно, что отсутствие точной информации о численности сил противника приводило к телеграммам, аналогичным одной из отправленных Куропаткиным адмиралу Алексееву еще до начала войны. В ней министр рекомендовал Наместнику при планировании будущих операций иметь в виду, что «один русский солдат может равняться сорока японцам»¹⁴⁶.

Как уже отмечалось выше, сведения, поступавшие в Главный штаб из разных источников, противоречили друг другу, причем численность японского десанта на материк варьировалась от 150 до 500 тыс. солдат и офицеров¹⁴⁷. В реальности военная разведка России допустила просчет с определением величины резервных и территориальных войск, которые могли быть отоброшены и направлены в Маньчжурию для пополнения 12 кадровых дивизий Страны восходящего солнца. Уже к маю 1904 г. японцы имели на фронте более 200 тыс. человек, а к моменту заключения мира их общий состав был доведен до 442 тыс., тогда как на Японских островах оставались еще 20 тыс. войск резерва¹⁴⁸. Общее же число подданных императора Муцухито, мобилизованных в действующую армию и флот на протяжении февраля 1904 — сентября 1905 гг., составило по разным оценкам от 1 млн 185 тыс. до 1 млн 500 тыс. военнотружущих, из которых безвозвратные потери достигли 14,6%, а с учетом раненных и больных примерно 30%¹⁴⁹.

Следует отметить, что дискуссия о точной численности противоборствовавших сторон не утихает и сегодня. Свидетельством тому служат, например, сайты Интернета и последние по времени журнальные публикации¹⁵⁰.

Впрочем, ошибочными оценками количественного состава войск грешили и японцы. По откровенному признанию видного политического и военного деятеля Страны восходящего солнца конца XIX — начала XX вв. Кикудзиро Исии, «обе стороны чрезвычайно сильно преувеличивали свои действительные силы и средства, и каждая из них была очень плохо осведомлена о положении другой. Никакой шпионаж и никакая разведка не могли бросить свет на действительное положение вещей»¹⁵¹.

Однако в отличие от русских японцы не только проводили самое тщательное изучение противника, но и постоянно укрепляли боевой дух своих вооруженных сил. Игнорирование морального фактора будущей войны, которую в России воспринимали не только как «маленькую победоносную», но, прежде всего, как «колониальную», имея в виду опыт быстрого разгрома отрядов ихэтуаней и цинских войск летом — осенью 1900 г. в северо-восточном Китае¹⁵², не могло способствовать концентрации внимания на подготовке к дальневосточной кампании. Отсюда вытекал скептицизм высшего командования относительно данных военной разведки и предупреждений ее офицеров о необходимости дополнительных мероприятий по повышению боеготовности сил армии и флота в азиатско-тихоокеанском регионе.

Характерно, что впоследствии, подводя итоги маньчжурской кампании, вдумчивый генштабист А.А. Свечин писал:

«Судьба Маньчжурии, по господствующему мнению, должна была решиться на европейских полях сражений. Мы готовились к худшему случаю — к выступлению Японии против нас в момент большой европейской войны»¹⁵³.

Хотя справедливости ради отметим, что большинство европейских военных экспертов, особенно в Германии и Франции, разделяло мнение генералитета России о невысоком (по крайней мере, в сравнении с европейскими державами) военном потенциале японцев. На страницах газет и журналов, а также в специальных изданиях печатались утверждения о коррупции в японской армии, низком качестве ее кавалерии, слабой подготовке моряков, непригодности солдат к войне в зимних условиях, ограниченности живой силы и нехватке финансовых средств для длительного ведения боевых действий против одной из самых мощных империй начала XX в. Характерен в этом отношении вывод одного из «отцов» геополитики как научной дисциплины, немецкого исследователя графа Э. Ревентлова, сделанный им в 1903 г.:

«Судя же по всем внешним обстоятельствам, нападение Японии на Россию можно считать до такой степени неразумным актом, которого от Японии и ожидать нельзя»¹⁵⁴.

Не удивительно поэтому, что «русские, — говоря словами британского журналиста Ф. Маккормика, — смотрели на японцев примерно так же, как по описанию Геродота, персы смотрели на афинян, достаточно сумасшедших, чтобы атаковать своих противников»¹⁵⁵.

В подтверждение приведенной метафоры сошлемся на мнение человека, который по долгу службы обладал максимальным объемом разведанных о вероятном противнике. Им являлся уже упоминавшийся генерал-квартирмейстер Главного штаба Я.Г. Жилинский, изложивший свое видение ситуации следующим образом:

«Нет сомнения, что японская армия во всех отношениях еще весьма далека от совершенства и никоим образом не может быть сравниваема с главнейшими европейскими армиями, особенно — с нашей»¹⁵⁶.

Таким образом, возникла парадоксальная ситуация, когда с одной стороны, военная разведка России предоставляла командованию аналитические записки, проникнутые серьезной озабоченностью масштабом военных приготовлений Японии, а с другой, — среди офицеров продолжало доминировать представление о стране «желтых карликов» и «нецивилизованных макак». Надо сказать, что оно поддерживалось частью российской прессы, со страниц которой мало компетентные журналисты утверждали, что Япония — чуждая, враждебная страна, победить которую не составляет большого труда¹⁵⁷.

Очевидный просчет военной разведки России состоял также в игнорировании морального фактора японской армии. Уже постфактум его значение признал сам А.Н. Куропаткин:

«Мы проглядели, в каком патриотическом, воинственном направлении много лет велось воспитание японского народа, проглядели постановку школьного дела в Японии, где вместе с горячей любовью к Родине с малых лет подготавливались даже в начальных школах будущие воины. Проглядели, с какой гордостью служили японцы в своей армии и с каким глубоким доверием и уважением относился народ к ней. Проглядели железную дисциплину в этой армии. Проглядели роль самураев-офицеров в армии. Мы совершенно не оценили значения того возбуждения против нас, какое явилось после лишения японцев результатов их побед над Китаем»¹⁵⁸.

Кроме того, можно сказать, что Россия начала дальневосточную кампанию в момент, когда военная разведка столкнулась с необходимостью адаптации к условиям совершенно новой, индустриальной стадии развития

вооруженных сил, требовавшей иных методов и форм обеспечения безопасности империи. Их разработка обусловила потребность в скорейшем выведении военной разведки из эмбрионального состояния, в котором она пребывала к началу XX века.

Не стоило также упускать из вида региональные особенности вспыхнувшего конфликта, далеко не всегда получавшие объективную, всестороннюю оценку российских военных экспертов, а главное — часто не встречавших понимания их прямых начальников, не говоря о высшем руководстве империи.

Видимо, следует согласиться с выводом о том, что Россия вступила в такую колониальную войну, от которой общество ждало легких побед, а отнюдь не массовых жертв¹⁵⁹.

Оценивая роль военной разведки в подготовке к конфликту, нельзя не признать определенную долю ответственности, которую она несет за целый ряд противоречивых оценок и искаженных представлений о противнике, доминировавших в сознании, как армейских кругов, так и широкой общественности России.

ГЛАВА II

Русская военная разведка в начальный период войны (февраль — октябрь 1904 г.)

Сильна Россия, без сомненья,
Но мощь полков нам не страшна:
Пустынны русские владенья,
Душа солдата холодна.

А наша родина могуча,
Уж много лет стоит она.
Сыны Японии, как туча,
Ударят громом на врага.

Японская военная песня 1904 г.

Организация разведывательной службы

Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», утвержденному еще в 1890 г., открытие боевых действий влекло за собой сосредоточение текущей аналитической работы не в штабе командующего фронтом (к примеру, Маньчжурским), который не обладал для этого необходимым аппаратом, а в управлениях генерал-квартирмейстеров полевых штабов армий, находившихся в его непосредственном подчинении. Каждое такое управление состояло из четырех отделений: оперативного, отчетного, топографического и, обратим внимание, разведывательного.

При этом сфера ответственности самого генерал-квартирмейстера включала контроль за «собираанием сведений о неприятеле, о путях сообщения и местности», что предусматривало руководство «всеми рекогносцировочными и съемочными работами», а также анализом данных, полученных из различных источников, включая газетные корреспонденции. В свою оче-

редь офицеры разведывательного отделения обязывались собирать сведения «о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля...», вести поиск «надежных лазутчиков и проводников из местных жителей...», опрашивать пленных, проверять полученную информацию, а также составлять общий свод данных и сообщать их войскам¹⁶⁰.

Указанный документ возлагал на начальников штабов войсковых соединений следующие задачи:

«С разрешения командира корпуса (дивизии) он (т.е. начальник штаба. — Е. С.) осматривает лично и сколько возможно чаще расположение неприятеля; при этом он принимает на себя начальствование над войсками, для того назначенными.

Он представляет командиру корпуса (дивизии) справку о мерах к сбору сведений о противнике и испрашивает его разрешения на производство расходов по содержанию шпионов, лазутчиков и пр.»¹⁶¹.

Таким образом, в соответствии с «Положением» организация военно-разведывательной деятельности на период войны не приобрела четкого оформления. Штаб командующего должен был получать сведения о противнике из управлений генерал-квартирмейстеров армий, которые в свою очередь обязывались использовать данные корпусной и дивизионной разведки, организуемой генштабистами на должностях старших адъютантов или офицеров для особых поручений. Однако безупречная лишь на бумаге теоретическая конструкция не обеспечивала эффективного взаимодействия этих трех уровней во фронтовых условиях, поскольку отсутствовало четкое разграничение полномочий между ними.

Фактически на первом этапе войны — с февраля по октябрь 1904 г., когда действовала единая Маньчжурская армия, — разведывательное отделение штаба ее командующего и возникавшие органы разведки в корпусах, дивизиях и отдельных отрядах действовали автономно. Попытки А.Н. Куропаткина, начальника его штаба В.В. Сахарова и генерал-квартирмейстера В.И. Харкевича упорядочить стадии сбора, анализа и использования сведений о противнике сталкивались с огромными трудностями. Это приводило к тому, что обмен конфиденциальной информацией по вертикали и горизонтали практически отсутствовал, агентурная сеть создавалась на собственный страх и риск, а разведывательные донесения соседних корпусов или дивизий противоречили друг другу.

Кроме того, общую картину несогласованности районов и объектов разведки дополняла деятельность штабов, параллельных куропаткинскому, а именно: Наместника на Дальнем Востоке, Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи и Приамурского военного округа. Сюда же следует отнести штаб тыла самой Маньчжурской армии, струк-

тура которого была утверждена приказом адмирала Е.И. Алексеева 5 (18) февраля 1904 г., т.е. еще до приезда А.Н. Куропаткина на театр военных действий. К марту окружной штаб тыла состоял из восьми отделений, включая нештатное разведывательное¹⁶².

Руководителями генерал-квартирмейстерских частей, а значит, фактическими начальниками военной разведки в перечисленных штабах соответственно являлись генерал-майор В.Е. Флуг, полковник С.И. Богданович, генерал-майор Марданов и генерал-майор Добровольский (хотя фактически главная роль в организации разведывательной деятельности штаба тыла принадлежала начальнику Управления военных сообщений сначала полковнику, а затем генерал-майору Н.А. Ухач-Огородичу).

Но и это еще не все. С открытием боевых действий военные комиссары России в трех северо-восточных провинциях Китая — полковники М.А. Соковнин, М.Ф. Квецинский и Богданов продолжали руководить «административной» разведкой, а атташе в Китае полковники Ф.Е. Огородников и К.Н. Десино — стратегической. Кроме того, целый ряд опытных старших офицеров выполнял специальные поручения Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина. К ним следует отнести генерал-майора В.А. Косаговского, бывшего куратора российской разведки в Закавказье и Персии, полковника А.Д. Нечволодова, не успевшего, как уже говорилось, занять должность военного агента в Корее, капитана С.В. Афанасьева, выполнявшего ранее миссию инструктора по обучению корейских гвардейцев и др. Продолжали активно сотрудничать с военной разведкой России и упоминавшиеся нами гражданские лица: дипломатические чиновники, банкиры, торговцы, промышленники, клерки и журналисты.

Координацию разведывательной деятельности на море осуществлял сначала штаб Наместника, а с прибытием в Порт-Артур 24 февраля (9 марта) 1904 г. командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С.О. Макарова образованные им штабные структуры. К сожалению, план первоочередных мероприятий, составленный флотоводцем после ознакомления с положением дел, не был выполнен до конца. Причиной явилась внезапная гибель С.О. Макарова вместе с флагманским броненосцем «Петропавловск», подорвавшимся на японских минах 31 марта (12 апреля) того же года. Однако на протяжении месяца командования, отведенного адмиралу судьбой, по его указаниям было оборудовано боновое и минное заграждение в прибрежных водах Порт-Артура, усилен корабельный дозор, расширена сеть наблюдательных береговых постов, установлены дополнительные прожекторные станции для освещения рейда. Энергия и твердость С.О. Макарова вселила оптимизм даже в нерешительного, постоянно колеблющегося самодержца, который неза-

долго до смерти командующего Тихоокеанским флотом записал в дневнике:

«Получил интересные телеграммы от Алексеева после его возвращения из Порт-Артура — об исправлении судов, укреплении сухопутного фронта и Цзиньчжоуской позиции на перешейке (отделяющим Квантунскую область от остальной территории Ляодунского полуострова. — Е. С.) и, наконец, об очень успешном ходе сосредоточения армии. Благодаря Богу — все идет гладко и быстрее расчетов!»¹⁶³

Служебные рапорты флотоводца на имя Е.И. Алексеева свидетельствуют о том, что предполагалось постепенно расширять радиус действия кораблей эскадры по мере завершения ремонта поврежденных судов. В целях разведки и затруднения японского десанта на материк намечалось организовать патрулирование крейсерами из Порт-Артура и Владивостока акваторий Желтого и Японского (Восточного) морей, а также Корейского пролива¹⁶⁴.

Основной проблемой, с которой столкнулись военные разведчики на суше и на море, помимо скудости и недостаточной точности сведений о противнике, стал дефицит времени. Требовалось в кратчайшие сроки развернуть полевые штабы всех уровней, укомплектовать их компетентными лицами, распределить между ними обязанности и сферы внимания, наладить взаимодействие. При этом не стоит забывать, что обстановка на театре войны осложнялась несколькими факторами.

Во-первых, энергичными действиями японцев по высадке в корейских портах Чемульпо и Цинампо, сопровождавшимися отвлекающими маневрами эскадры адмирала Х. Того вблизи Порт-Артура. Во-вторых, постоянным прибытием в Маньчжурию из России все новых и новых частей, из которых формировались дивизии, корпуса и отдельные отряды со своими штабами. В-третьих, не прекращающейся чехардой с командными кадрами, в процессе назначения которых сталкивались личные амбиции, кумовство и протекционизм влиятельных сановников вплоть до царя (судя по документам, особым рвением в этом деле отличался генерал-квартирмейстер Главного штаба, впоследствии ближайший помощник адмирала Е.И. Алексеева генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский¹⁶⁵).

О неразберихе, царившей в разведывательном отделении штаба Маньчжурской армии на протяжении первых недель войны, красноречиво свидетельствует, например, признание уже знакомого читателю старшего адъютанта капитана А.А. Игнатьева:

«...К 1 апреля (14 апреля 1904 г. — Е. С.) у нас не было даже определенного мнения о месте вероятной высадки японцев на побережье, а сведения были самыми разноречивыми»¹⁶⁶.

Аналогичную оценку положения дел давал в своем дневнике еще один генштабист — генерал-майор В.А. Косаговский, которому впоследствии была поручена координация «дальней разведки по всей линии фронта Маньчжурской армии». 24 марта (6 апреля) 1904 г. он сделал следующую запись:

«В данную минуту армия в неопределенном состоянии: друг друга не знают, друг другу не доверяют; все лица новые, не в курсе дела; ничего не налажено»¹⁶⁷.

Наконец, иностранные военные наблюдатели, прибывшие вместе с Куропаткиным в действующую армию, высказывались о ситуации первых весенних недель 1904 г. еще более критично. Так, французский обозреватель Л. Нодо отмечал:

«Полнейшее неведение, как сил неприятеля, так и его передвижений. В один и тот же день я слышал, как один генерал говорил, что японцев в Маньчжурии не больше 150 тыс. человек, а другой генерал заметил, что неприятель располагает 26 дивизиями по 15 тыс. чел. каждая, т.е. 390 тыс. человек. А в действительности никто ничего не знает».

И далее, не называя конкретных лиц, журналист продолжал:

«За бутылкой вина полковник Х. меланхолично мне сказал: “Бедный наш Куропаткин, он в большом затруднении. Он не знает, что делать. Работает попусту. Ему не достается сведений”»¹⁶⁸.

Как это ни парадоксально, но определенные трудности для организации разведывательной службы в начальный период войны возникали даже из-за патриотических чувств, охвативших в России главным образом студенчество европейской части России и сибирское крестьянство. Что касается учащейся молодежи, то многие стремились на фронт в качестве добровольцев, защищающих христианский мир от «желтой опасности»¹⁶⁹. Напротив, далекие от романтических иллюзий сибирские крестьяне рассчитывали получить крупные земельные участки в Маньчжурии, ведь слух о бесплатной раздаче земли мобилизованным в армию нижним чином прошел по всем восточным губерниям империи¹⁷⁰.

«Дух был хороший, — вспоминал позднее полковник Е.И. Мартынов, командир 140-го Зарайского пехотного полка, упоминавшийся в предыдущей главе. — Правда, цель войны не могла вызывать особого воодушевления, но в солдатах было много молодого задора, веры в русскую непобедимость и желания отомстить японцам за неудачи нашего флота»¹⁷¹.

Другой участник событий, слушатель академии Генерального штаба, капитан А.А. Рябинин отмечал:

«Пожалуй, еще в самом начале войны замечался некоторый подъем национального духа, но как будто не сумели его развить и вызвать общий интерес к войне»¹⁷².

Именно это первоначально всеобщее желание, по меткому замечанию старшего адъютанта штаба 3-й Маньчжурской армии капитана Д.П. Парского, «идти в поход»¹⁷³, вызвало лавину ходатайств офицеров Генерального штаба о направлении их в действующую армию. До прибытия А.Н. Куропаткина на фронт практически идентичные по содержанию телеграммы направлялись в полевой штаб Наместника генерал-квартирмейстеру В.Е. Флугу, а со второй половины марта их поток переориентировался в направлении командования Маньчжурской армии. Типичным примером служит рапорт некоего полковника Рыжова:

«Убедительно прошу Ваше Превосходительство (имеется в виду все тот же В.Е. Флуг. — Е. С.) ходатайствовать о назначении на Дальний Восток на любую штабную или строевую должность. Нахожусь в Петербурге, по адресу: ул. Стремянная, д. 8»¹⁷⁴.

Дело дошло до того, что 23 марта (5 апреля) 1904 г. Главный штаб издал специальный циркуляр, в котором запретил офицерам, пребывавшим в отпусках, по собственной инициативе отправляться на театр военных действий и подавать в полевой штаб Наместника рапорты с просьбой о зачислении в Маньчжурскую армию.

Однако, как открытый патриотический порыв, так и внутреннее стремление офицеров, не исключая генштабистов, воспользоваться ситуацией для продвижения по служебной лестнице зачастую противоречили их профессиональной компетентности¹⁷⁵. Иными словами, абсолютное большинство добровольцев, отправлявшихся в войска на командные должности, плохо знали будущего противника, театр военных действий и специфику управления боем с использованием новейших тактических приемов (например, стрельбы с закрытых артиллерийских позиций или из пулеметов) при скоплении значительных людских масс. Именно в этом противоречии коренилась одна из главных причин неудач представителей офицерского корпуса на сопках Маньчжурии перед лицом закаленного, отличного тренированного противника (вспомним об опыте, полученном им на протяжении японо-китайской войны 1894–1895 гг.).

В своей итоговой работе по истории дальневосточного конфликта А.Н. Куропаткин выступил с критикой служебной деятельности генералов и офицеров Маньчжурской армии:

«Все же почти безошибочно можно сказать, что главным свойством нашего высшего командного элемента, особенно в первый период кампании, было отсутствие инициативы, неумение вести наступательный бой и недостаток настойчивости. Результатом этого всегда являлось несогласование действий крупных единиц, равнодушие к положению соседа и преждевременное признание боя проигранным».

Продолжая размышлять о роли офицеров, занимавших ключевые должности в армейских разведывательных отделениях, автор далее отмечал:

«При оценке деятельности Генерального штаба высшими строевыми начальниками, большинством высказывалось мнение, что теоретическая подготовка, умственные способности и самоотверженная служба офицеров Генерального штаба стоят высоко. Вместе с тем столь же единодушно высказывалось, что офицеры Генерального штаба недостаточно слиты с войсками и не обладают в достаточной мере практическими знаниями, дабы правильно судить, что от войск можно требовать и в какой мере исполнимо то или другое приказание при данной обстановке, что нужно предпринять для избежания невольных неправильностей при передаче и исполнении приказаний и т.п.»¹⁷⁶.

Негативная тональность оценок Куропаткиным генштабистов, составлявших ядро личного состава разведывательных органов в Маньчжурии, только подчеркивала просчеты и ошибки самого главнокомандующего, обусловленные в том числе и его неумением сформировать штат отделений разведки на уровне армии, корпуса, отряда или дивизии компетентными профессионалами. Хотя, справедливости ради отметим, что их круг в рассматриваемый период был довольно узок.

Иная ситуация складывалась на противоположной стороне. Правящим кругам империи микадо не было нужды концептуально обосновывать первостепенное значение победы в войне против «северного колосса» соображениями экономического, политического или философского характера¹⁷⁷. Достаточно было поместить на страницы японских газет призывы такого рода:

«Вперед же, пехотинцы Ниппона, вперед, кавалеристы Страны восходящего солнца, бейте и гоните дикую орду, пусть наше знамя водрузится на вершинах Урала!»¹⁷⁸

По свидетельству иностранных наблюдателей, к патриотизму, буквально впитанному японскими офицерами с «молоком матери», добавлялось воспитание у них инициативности, быстроты и сообразительности¹⁷⁹. Кроме того, для службы в органах разведки подбирались опытные офицеры, хорошо знакомые с жизнью россиян, прошедшие специальную психологическую и физическую подготовку. Примером может служить начальник разведывательного отделения 1-й армии полковник Хагино, который прожил в России семь лет¹⁸⁰.

В результате личный состав военно-разведывательной службы Страны восходящего солнца качественно превосходил генштабистов России. «С одной стороны, они (японские офицеры. — Е. С.) почти постоянно держат русских в абсолютном неведении своих операций и мешают им пре-

дугадывать свои планы, — отмечал уже знакомый нам Л. Нодо. — Они сумели маскировать свою численность, свои передвижения и свои средства. А с другой стороны, они, благодаря своей стачке с китайцами, сумели обеспечить себе доставку точных сведений»¹⁸¹.

А вот близкое к изложенному мнение другого француза, военного корреспондента при японской армии Р. Кана: «Все эти офицеры (японские. — Е. С.) поистине замечательны своей непроницаемой скрытностью и тем искусством, с каким они обходили все попытки узнать от них что-нибудь»¹⁸².

Однако, несмотря на преимущества, которыми, бесспорно, обладали военные разведчики Японии, их российским «коллегам», как свидетельствуют источники, все же удалось постепенно создать необходимые структуры и наладить взаимодействие между ними на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях. Причем эффективность их работы все время возрастала, заставляя японское командование концентрировать усилия по нейтрализации операций российских спецслужб.

Особенности стратегического и тактического уровней военной разведки

Составители отчета о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии с начала февраля до конца октября 1904 г., т.е. на протяжении главным образом маневренного периода войны, постарались выделить три направления активности офицеров Генерального штаба: проведение *дальней, фланговой* и *ближней* разведки¹⁸³.

Главными критериями при этом выступали оценки масштабов и глубины операций по отношению к линии фронта. Понимая всю их условность, попробуем дать им современную интерпретацию, соотнеся дальнюю со стратегической, фланговую с тактической, ближнюю с оперативной (войсковой) разведкой.

Начнем с первого из названных уровней.

Главными целями *стратегической* разведки, общее руководство которой первоначально осуществлялось сначала Е.И. Алексеевым, а затем постепенно перешло в руки А.Н. Куропаткина, являлись сбор и изучение сведений о планах неприятеля, политической, экономической и финансовой ситуации на Японских островах, подготовке резервов противника, закупке и транспортировке вооружения из третьих стран, а также содействию военным силам Токио со стороны дипломатических союзников

(Великобритании) и формально нейтральных государств Европы, Латинской Америки и Азии¹⁸⁴.

Поступление секретной информации обеспечивали военные атташе, аккредитованные в европейских столицах и Китае, а также негласные агенты из числа российских и иностранных подданных. Кроме того, анализу подвергались перехваченные дипломатические депеши и материалы прессы, как Старого Света, так и США, но особенно Японии и Китая.

Здесь уместно было бы с сожалением отметить, что репутация самодержавной России на Западе в описываемое время серьезно пострадала из-за русификаторской политики правительства в Польше, Финляндии и других имперских «окраинах» наряду с погромами «инородческого» населения (например, евреев) в европейской части империи. К этому добавлялись опасения потери колоссальных рынков сбыта для промышленной продукции западных держав на Дальнем Востоке в случае оккупации Россией Северного Китая, Монголии и Кореи. Названные обстоятельства умело использовались правящими кругами Великобритании, представители которых с высоких трибун и страниц периодической печати рисовали образ «агрессивного русского медведя», готового «проглотить» все новые и новые территории на всех континентах, разрешив тем самым свои внутренние проблемы за счет победоносной кампании.

«Во время войны объединившаяся пресса продолжала агитировать против нас настолько успешно, — отмечал в своем рапорте адмиралу Алексею из Шанхая К.Н. Десино спустя два месяца после начала боевых действий, — что не только среди китайцев, но и среди иностранцев, живущих на Дальнем Востоке, симпатии были на стороне японцев, и это затрудняло подавать извне какую-нибудь помощь нашим войскам»¹⁸⁵.

Аналогичным образом оценивал ситуацию посол в Вашингтоне А.П. Кассини, хотя его донесение на имя министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа относилось еще к последним дням мира:

«В данном случае ввиду кризиса на Крайнем Востоке и интереса, проявляемого к нему здешним обществом, — констатировал дипломат, — все силы англичан направлены к тому, чтобы расстроить наши искони дружественные отношения с Североамериканской республикой: для этого прибегают как к редакционным статьям, в которых стараются доказать будто бы полную непримиримость американских интересов с нашими стремлениями и задачами, так и прямо к распространению заведомо ложных известий, способных посеять недоверие между американцами и нами»¹⁸⁶.

Отсюда вытекали те затруднения, которые испытывали военные атташе и неофициальные резиденты русской разведки при установлении кон-

тактов с возможными информаторами. Даже традиционные партнеры России — французы — с большой осторожностью шли на сотрудничество с эмиссарами Петербурга в добывании конфиденциальной информации, стремясь разграничить заинтересованность Третьей республики в российской поддержке на европейском пространстве и индифферентное отношение Парижа к усилиям царского правительства расширить сферу влияния на берегах Тихого океана.

Однако и в описанных неблагоприятных условиях стратегическая разведка России достигла ряда заметных успехов.

Прежде всего, отечественные «дипломаты в погонах» самым активным образом действовали в Великобритании (Н.С. Ермолов и К.И. Вогак — для сухопутных сил, И.Ф. Бострем — для морских), Германии (соответственно — В.Н. Шебеко и А.А. Долгоруков), Франции (В.П. Лазарев и Г.А. Епанчин), Швеции (А.М. Алексеев и все тот же А.А. Долгоруков) и Австро-Венгрии (В.Х. Рооп и А.П. Капнист).

Так, например, большая часть донесений генерал-майоров Н.С. Ермолова и К.И. Вогака была посвящена проблеме реорганизации вооруженных сил Британской империи, которая осуществлялась после англо-бурской войны 1899–1902 гг. Ход и промежуточные итоги этого процесса вызывали повышенную заинтересованность Петербурга, поскольку отнюдь не исключалось участие англичан в дальневосточной войне на стороне Японии, особенно в случае побед русского оружия.

Для иллюстрации приведем оценку Н.С. Ермоловым азиатского направления стратегических разработок британского Комитета имперской обороны относительно традиционного геополитического противника. Сопровождая дайджест фрагментов наиболее значимых рапортов атташе на высочайшее имя в ноябре 1904 г., начальник отделения военной статистики иностранных государств генерал-майор В.П. Целебровский подчеркивал:

«Переходя к планам Англии на случай вооруженного столкновения с Россией, наш военный агент говорит, что таковые радикально изменились с начала нынешнего года под влиянием взглядов т.н. Керзон — Китченеровской школы. Школа эта признает единственно выгодным для Англии наступательный образ действий в Средней Азии, так как подобный образ действий нанесет при успехе наиболее чувствительный удар России, подорвет ее престиж на этой окраине и может при этом повести к еще более осязаемым успехам вроде занятия Сеистана и даже Персии»¹⁸⁷.

Отсюда становилось понятным то пристальное внимание, которое обращалось Петербургом на изменение дислокации англо-индийской армии и экспедиционных сил в многочисленных колониальных владениях Со-

единенного королевства, особенно в непосредственной близости от театра военных действий (Вэйхайвэй, Гонконг, Сингапур, Малайзия)¹⁸⁸.

В рапортах военно-морского агента капитана 1-го ранга И.Ф. Бострема подробно анализировались маршруты движения британских эскадр, состояние крупнейших баз и угольных станций. Выбор тематики объяснялся разработкой Главным Морским штабом масштабного плана действий вспомогательных крейсеров на океанских сообщениях Японии с Великобританией и США. Задача состояла в мониторинге движения торговых судов с военной контрабандой для противника¹⁸⁹. Однако первые же попытки России организовать такое патрулирование в районах Средиземного и Красного морей, в районе Мадагаскара и у северо-западных берегов Африки летом 1904 г. столкнулись с протестами держав и жестким отпором Лондона, который даже направил к Суэцу боевую эскадру¹⁹⁰.

Любопытно, что последний выход русских вспомогательных крейсеров на патрулирование до завершения беспрецедентного плавания 2-й Тихоокеанской эскадры З.П. Рождественского состоялся в середине декабря 1904 г. Дело в том, что полковник В.Н. Шебеко еще 30 июня (13 июля) того же года направил в Главный штаб донесение о крупном артиллерийском заказе японского правительства у компании Круппа в Эссене.

«Один из служащих на заводах, — сообщал российский атташе, — готов войти со мною в сношении за приличное вознаграждение, причем он будет в состоянии сообщить мне сведения не только о заказанных материалах, сроках их изготовления и доставления в приморскую гавань, но, вероятно, и название парохода, на коем они будут отправлены по назначению и сроки отхода парохода»¹⁹¹.

Продолжая отслеживать ситуацию, 24 ноября (7 декабря) того же года Шебеко рапортовал об отправке из Гамбурга на германском судне «Самбия» 326 полевых и 93 горных орудий, а также стальных плит для Японии¹⁹². Поэтому 2 (15) декабря 1904 г. крейсер «Урал» получил приказ выйти из порта Дакар на поиск транспорта. В течение нескольких суток он курсировал в Атлантике на подступах к Гибралтарскому проливу, но обнаружить «Самбию» не смог, так как германское судно прошло через Суэц. Позднее крейсер присоединился к кораблям эскадры З.П. Рождественского¹⁹³.

В своей оценке фарисейской позиции Берлина относительно Петербурга, военный и военно-морской атташе стремились к объективному анализу намерений Вильгельма II. С одной стороны, кайзер продолжал заверять царя в «самых лучших чувствах и твердой поддержке», однако, с другой, — как было показано, крупнейшие немецкие компании получали высокие доходы при выполнении японских заказов, а рейхстаг обсуждал

новый военный закон, согласно которому существенно возросли темпы модернизации вооруженных сил, особенно кавалерии, по опыту русско-японской кампании 1904 года¹⁹⁴.

Союзнический характер отношений между Россией и Францией способствовал тому, что Париж превратился в неофициальный центр деятельности российской военной разведки и контрразведки на европейском пространстве. Но, если вторая сторона довольно подробно описана Д.Б. Павловым и С.А. Петровым¹⁹⁵, то первая незаслуженно оставалась в «тени».

Ярким эпизодом активности российских военных атташе стала вербовка французских офицеров в 1904 г., когда полковник Лазарев сообщил в Главный штаб о предложении бывшего морского агента Франции в Токио, капитана виконта де Лабри организовать агентурную сеть на театре военных действий с привлечением к сотрудничеству отставных военных, также французов, Дори и Бугуена. Любопытно, что начальная сумма, запрошенная Лазаревым для оплаты услуг этих лиц, составила значительную величину 20 тыс. франков (около 7 500 руб. по тогдашнему курсу)¹⁹⁶. Впрочем, сотрудничество спецслужб двух стран отнюдь не мешало фирме «Крезо» изготавливать горные орудия для Японии.

После провозглашения Парижем нейтралитета, и особенно вслед за подписанием договора 1904 г. о разграничении интересов Франции и Великобритании в колониальных владениях, задача Петербурга, по мнению военного и военно-морского атташе, заключалась в противодействии «демилитаризации» французских вооруженных сил (например, сокращения срока действительной службы до двух лет) и поддержании авторитета Российской империи среди граждан Третьей республики на фоне неудач русской армии и флота в Восточной Азии. Описывая настроения среди военной элиты Франции летом 1904 г., Лазарев докладывал на берега Невы:

«По мнению Мулена (французского атташе в Петербурге. — Е. С.), в России «все гнило», все требует переустройства и пересоздания; большинство лиц, стоящих во главе правительства и армии являются ничтожествами. Генерал-адъютант Куропаткин, корпусные командиры действующей армии — всё это ничтожества без прошлого, не внушающие никакого к себе доверия. Среди руководителей событиями на Дальнем Востоке господствует разлад, несогласие, взаимные нарекания — пререкания»¹⁹⁷.

Сбор и анализ информации российскими военными атташе в скандинавских странах и Австро-Венгрии относительно дальневосточных событий был сфокусирован на отслеживании выполнения европейскими компаниями японских военных заказов. Например, 1 (14) декабря 1904 г. полковник А.М. Алексеев сообщал из Стокгольма, что для Японии на заводе известной фирмы «Бофор» спешно изготавливаются артиллерийские

гильзы и стальные (броневые) плиты, а полковник В.Х. Рооп доносил из Вены о закупке японцами лошадей в Австралии¹⁹⁸.

Вполне очевидно, что, несмотря на значительные усилия и финансовые расходы российских военных агентов в европейских столицах, основное бремя стратегической разведки в 1904–1905 гг. несли офицеры Генерального штаба на Дальнем Востоке, а также чиновники дипломатического и финансового ведомств. О высокой степени заинтересованности, говоря современным языком, регионального командования вооруженными силами России в информации такого рода свидетельствует телеграмма начальника полевого штаба адмирала Алексеева генерал-лейтенанта Я.Г. Жилинского в Главный штаб, датированная 17 (30) марта 1904 г.:

«Согласно желанию Наместника, прошу уведомить, не представляется ли возможным получать сведения непосредственно из Японии через шпионов или от французского посланника, а также французских военного и морского агентов, которые могли бы посылать нам эти сведения через Шанхай»¹⁹⁹.

Необходимые данные для своей работы военные атташе черпали из донесений собственных негласных информаторов — российских и иностранных подданных, а также в гораздо меньшей степени из газетных сообщений. Относительно последнего канала заметим, что первоначально систематическое получение периодических заданий, особенно на японском языке, было организовано из рук вон плохо. Как пишет К.К. Звонарев, «лишь изредка в руки русской разведки попадали отдельные разрозненные номера», которые к тому же могли прочесть только те офицеры, которые владели восточными языками²⁰⁰.

Отчет о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии с начала войны до 26 октября (8 ноября) 1904 г. содержит необходимую информацию касательно лиц, которые руководили «дальней» разведкой в дальневосточном регионе.

Одним из них выступал полковник А.Д. Нечволодов, который в конце апреля 1904 г. командировал в Японию, Корею и на о-в Формозу (Тайвань) под видом торговцев соответственно француза Ж. Шаффанжона, швейцарца О. Барбье и немца О. Мейера. Система передачи разведанных была следующей: агенты должны были телеграфировать их доверенным лицам в Европу, которые обязывались передавать телеграммы по условным адресам в Петербург, а уже оттуда депеши немедленно переправлялись в штаб Маньчжурской армии²⁰¹. Любопытно отметить, что донесения информаторов А.Д. Нечволодова составлялись ими с использованием «условных торговых фраз» или шифров, разработанных персонально для каждого агента. Русское командование поставило перед Нечволодовым

задачу определить через информаторов «состав и силу осадного корпуса, высаживающегося поблизости Порт-Артура», «выяснить точно, какие части наступают из Кореи, кроме войск 1-й армии» и «следить за формированием 4-й армии».

Услуги негласных агентов оплачивались довольно щедро. Согласно рапорту А. Д. Нечволодова от 28 апреля (11 мая) 1904 г., смета расходов по их содержанию предусматривала, что:

«а) Оскар Барбье получает в месяц... 1300 рублей, на покупку товаров — 1000 рублей, за каждое важное сведение, доставленное своевременно: 500 рублей — за первое, 1000 рублей — за второе, 1500 рублей — за третье и т. д. По 500 руб. надбавки за каждое последующее важное сведение.

По окончании войны ему выдается 2000 рублей.

б) Жан Шаффанжон — по 1000 рублей в месяц, 500 рублей на покупку товаров и по 500 рублей за каждое своевременно сообщенное важное сведение.

По окончании войны — 2000 рублей.

в) Отто Мейер по 1300 рублей в месяц, 1000 рублей на покупку товаров, по 500 рублей за каждое важное сведение и 3000 рублей по окончании войны.

Всем агентам возвращаются телеграфные расходы и им выдается при отправлении сведений по телеграфу аванс в 500 рублей каждому.

Агенты получают при отправлении жалованье за пять месяцев вперед, а дальнейшее содержание высылается им ежемесячными переводами через иностранные банки»²⁰².

Однако, как показали дальнейшие события, даже выплата таких значительных сумм не гарантировала эффективность работы агентуры полковника Нечволодова, поскольку поступавшая от нее информация была нерегулярной, носила фрагментарный характер и утрачивала оперативную ценность в процессе движения к заинтересованному потребителю — командованию Маньчжурской армии и Тихоокеанского флота. Попытка перенацелить Ж. Шаффанжона и О. Барбье на сбор сведений о японских морских силах по мере приближения эскадры Рождественского к Японским островам в апреле 1905 г. (первый был отправлен в Батавию, а второй — в Амой (Макао), видимо, также не увенчалась успехом. Вскоре от услуг Шаффанжона пришлось полностью отказаться²⁰³.

Серьезную помощь русской разведке продолжали оказывать военный атташе в Тяньцзине полковник Ф.Е. Огородников и его коллега в Шанхае генерал-майор К.Н. Десино. Используя собственных осведомителей в лице иностранных журналистов и коммерсантов²⁰⁴, они отслеживали про-

цесс реформирования вооруженных сил Цинской империи, попытки японцев разыграть «китайскую карту» против России и изменение отношения к ней Цинов. Так, 4 (17) июля 1904 г. уже после начала блокады Порт-Артура Десино телеграфировал Наместнику:

«Среди китайцев начинает распространяться слух, что если японцы возьмут Порт-Артур, то Китай соединится с ними для действий против русских и, кроме того, начнется повсюду движение вообще против иностранцев»²⁰⁵.

Вероятно, основываясь на этой информации, 3 (16) августа 1904 г. из столицы в штаб адмирала Е.И. Алексеева пришла зашифрованная телеграмма тревожного характера:

«По негласным сведениям, Китай открыто присоединится к Японии, как только Куроки (командующий 1-й японской армией. — Е. С.) возьмет Мукден»²⁰⁶.

Высадка японских дивизий в Корею весной 1904 г. обусловила значимость сбора информации и об этой стране. Поэтому К.Н. Десино рапортовал командованию об отправке им под видом либо коммерсантов, либо журналистов трех секретных агентов — М. Липпенова, Л. Кроуэля и Г. Кай-Глэра — по маршрутам соответственно Тяньцзинь — Синминтин, Гензан — Тунхуасянь и Гензан — Владивосток для наблюдения за действиями противника. К сожалению, имеющиеся документы не позволили нам установить национальность этих людей²⁰⁷.

Большое значение имели также превентивные меры военных атташе по недопущению возможных террористических актов японской разведки, хотя здесь мы вторгаемся в сферу контрразведывательной деятельности. Все же позволим себе привести одну из зашифровок генерал-майора В.П. Целебровского в полевой штаб адмирала Алексеева от 22 мая (4 июня) 1904 г.:

«Огородников доносит из надежных источников, что... японцы готовят яды для покушений на жизнь генерала Куропаткина и чинов штаба; имеется в виду также отравить воду в Ляояне, и вообще нужна крайняя осторожность с водой...»²⁰⁸

Заметным направлением деятельности военных агентов в Китае являлось издание газеты «China Review» с 10 (23) сентября 1904 г. Ее куратором был назначен все тот же полковник Огородников, которому приходилось ежемесячно тратить на организацию этого процесса около 2500 мексиканских долларов из казенных средств:

«Цель, преследуемая изданием “China Review”, — отмечалась в итоговом отчете разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера, — заключалась в том, чтобы на основании получаемых сведе-

ний от штаба главнокомандующего, нашего посольства в Пекине, консулов и проч., передавать события войны в правдивом виде, так как англо-японская пресса на Дальнем Востоке была всегда склонна изображать наши неудачи в преувеличенных размерах и в самых мрачных для нас красках, при этом с большим уклоном от истины»²⁰⁹.

В дальнейшем стратегическая разведка «регионального влияния» была дополнена публикацией в Мукдене еще одного печатного органа, но на китайском языке — газеты «Шэнцзиньбао». Речь о ней пойдет в следующей главе книги, поскольку процесс подготовки к ее изданию получил развитие на протяжении второго периода войны.

Как уже отмечалось, значительное содействие военной разведке оказывали дипломаты и служащие финансовых структур. Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что решающую роль в развертывании агентурной сети на территории Кореи сыграл бывший посланник в Стране утренней свежести действительный статский советник А.И. Павлов, который использовал связи при сеульском дворе, возникшие задолго до войны. Поэтому сеть его информаторов включала преимущественно корейцев и китайцев, хотя поддерживались контакты и с европейцами.

«Специально для разведки в Корею, — писали составители отчета разведывательного отделения штаба А.Н. Куропаткина, — в середине апреля 1904 г. действительным статским советником Павловым было предложено состоявшему при нашей миссии в Сеуле русскому подданному, корейцу М.И. Киму «установить непрерывные секретные сношения с местными корейскими властями и с тайными корейскими агентами, которые, согласно заранее сделанному в Сеуле условию, имеют быть посылаемы (так в документе. — Е. С.) к маньчжурской границе, как от корейского императора, так и от некоторых расположенных к нам влиятельных корейских сановников»²¹⁰.

В инструкции, подписанной В.В. Сахаровым и В.И. Харкевичем, для начальника Восточного отряда генерала Засулича, который должен был обеспечивать связь с агентом, далее говорилось:

«Переводчик Ким будет снабжен от г-на Павлова подробными указаниями относительно тех сведений, которые наиболее существенные для нас с точки зрения военных действий, а также частным секретным ключом для телеграфных сношений с дипломатической канцелярией Наместника и с находящимся при штабе армии чиновником дипломатической части.

Вместе с тем переводчику Киму будет вменено в обязанность все достоверные сведения, которые будут им получаться относительно японцев в районе, соседнем с расположением наших войск, и которые могли бы иметь срочный характер, безотлагательно сообщать ближайшим от него

нашим военным начальникам или лично, или через нарочных посыльных»²¹¹.

К сожалению, тщательно разработанный план впоследствии подвергся коррекции, вызванной отходом русских войск вглубь Маньчжурии после поражения в бою под Тюренченом 18 апреля (1 мая) 1904 г. Поэтому Н.И. Ким, хотя и с тем же заданием, направился не в Корею, а в Приамурский военный округ.

Документы свидетельствуют, что одним из лучших секретных агентов Павлова в самой Японии являлся французский журналист Бале, который кроме всего прочего использовался командованием для заполнения информационного вакуума о Стране восходящего солнца среди штабных чинов:

«Как отлично владеющий японским языком и будучи выдающимся знатоком японской армии, а также народного быта, истории и литературы Японии, — подчеркивали составители итогового отчета разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера, — г-н Бале принес нам большую пользу своими сообщениями о японской армии, переводами статей из японских газет военного содержания и чтением ряда лекций о Японии в штабе главнокомандующего и в штабах 1-й, 2-й и 3-й армий. Лекции эти были напечатаны для распространения между офицерами, весьма поверхностно знакомыми с нашим противником»²¹².

Ранее уже говорилось о роли российских консулов в сборе информации и вербовке агентуры, которое принадлежало российским консулам на территории Цинской империи. По свидетельству источников, они «тоже доставляли сведения о противнике, хотя и случайного характера, но нередко весьма интересные и ценные»²¹³.

В этой связи заслуживает внимание одна из секретных телеграмм Павлова из Телина, полученная В.И. Харкевичем 26 августа (8 сентября) 1904 г. Отправитель телеграммы упоминал о посещении генерального консульства России в Шанхае «приличным на вид немцем, который сообщил консулу Клейменову, что только что прибыл из Японии, что будто бы он состоит тайным агентом наших военных властей, что находится в секретных сношениях с генералом Куропаткиным, адмиралом Скрыдловым (начальником владивостокской эскадры. — Е. С.) и нашим военным агентом в Берлине полковником Шебеко; что он бывший германский морской офицер, что действительной своей фамилии назвать не может, но что условная фамилия его Беккер». Из дальнейшей беседы с посетителем выяснилось, что им направлены Куропаткину четыре связника с подробными донесениями о положении дел на Японских островах, в частности, о призыве в действующую армию 9 тыс. чел. резервов²¹⁴.

Нам неизвестно, чем закончилась описанная история, однако в архивном деле отложилась ответная телеграмма Харкевича Павлову о том, что германский подданный по фамилии Беккер русской военной разведке неизвестен²¹⁵.

Ценные услуги военной разведке продолжал добровольно оказывать член правления Русско-Китайского банка статский советник Л.Ф. Давыдов, работавший до войны в Японии²¹⁶. Свое служебное положение он использовал не только для сбора данных стратегического характера, но и выполнения различных конфиденциальных поручений. Главным информатором Давыдова являлся секретарь японского военного агента в Чифу, с которым был связан помощник статского советника, служащий того же банка Фридберг. По мнению офицеров разведывательного отделения, поступавшие сведения, «отличались всегда большою достоверностью и интересом»²¹⁷.

Любопытно отметить еще одно направление тайной деятельности Давыдова, совсем не соответствовавшее статусу респектабельного банкира, а именно, организацию диверсий в тылу неприятеля посредством уничтожения его складов, взрывов мостов и порчи железных дорог. В итоговом отчете разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера, к примеру, упоминается поджог японских лабазов в местечке Шахэцзы 1 (14) октября 1904 г.²¹⁸

Отдельного анализа заслуживают специальные мероприятия по сбору сведений о противнике из печати, хотя они, по мнению генштабистов, скорее относились не к «дальней», а к «ближней», то есть тактической разведке. В то же время специфика издания газет и журналов, отражавшая временной лаг между событием и его интерпретацией, не позволяет, на наш взгляд, согласиться с подобной трактовкой. Поэтому логичнее классифицировать данное направление служебной деятельности как сферу стратегической разведки.

Исчерпывающая характеристика положения дел в ней дана составителями итогового отчета Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем со ссылкой на редакционную статью газеты «The Japan Times»:

«С первых же дней войны японская печать получила **беспрекословное приказание правительства** (выделено в документе. — Е. С.): хранить в тайне все, что касается организации, мобилизации и передвижения морских и сухопутных сил их родины.

Правительство предостерегало прессу от разглашения военных тайн, подчеркивая, насколько печать может вредить военным операциям, ссылаясь на примеры последней японо-китайской войны. Оно взывало к пат-

риотизму печати не оглашать никаких сведений, которые, как бы они ни были интересны **для публики** (выделено в документе. — Е. С.), могли даже одними намеками принести пользу противнику, давая ему указания о намерениях или предполагаемых движениях японцев.

Несколько честно японская печать отозвалась на призыв правительства, красноречиво доказано той непроницаемой тайной, которой были окутаны все движения кораблей адмирала Того и армии маршала Ойямы»²¹⁹.

По признанию самих российских генштабистов, сведения стратегической важности об организации и численности вооруженных сил Японии попадали на страницы печати крайне редко, что опять-таки разительно контрастировало с ситуацией в России:

«...В то время как наши газеты, не исключая и официальных, — утверждалось в том же отчете, — с поразительной откровенностью сообщали сведения от себя и перепечатывали официальные распоряжения о составе и численности, усилении, группировке армий, мобилизациях в России, провозоспособности железной дороги и т.п. (яркими примером может служить публикация в «Новом времени» срока прибытия на фронт русской 53-й пехотной дивизии с указанием отряда, в который она была включена и места дислокации. — Е. С.), японская печать хранила обо всем, касавшемся войны, глубокое молчание, военная цензура, единая для всей Японии, не пропускала даже зачастую имен начальников, не говоря уже о номерах частей и названиях пунктов. Японский Главный штаб сознавал, что недостаточно организовать разведку, но еще необходимо затруднить противнику таковую»²²⁰.

В дополнение к указанным мерам у японцев на протяжении всей кампании было запрещено посылать телеграммы личного характера через полевые телеграфные учреждения армий²²¹. Кроме того, закрытость прессы Страны восходящего солнца осложнялась незнанием восточных языков подавляющим большинством офицеров Генерального штаба, составивших штат разведывательного отделения, особенно в первые месяцы войны.

И все же отдельные, разрозненные данные о японской тактике, духе военнослужащих, армейском быте можно было почерпнуть даже из осторожной на высказывания прессы сынов Ямато, но больше из корреспонденций западных журналистов. Для этой цели офицеры как разведывательного, так и цензурного отделений штаба А.Н. Куропаткина занимались составлением информационных досье на основе газетных вырезок.

Ситуация изменилась к лучшему только после привлечения к подготовке дайджестов прессы переводчиков из числа гражданских лиц: студентов Восточного института и иностранных подданных.

Новой попыткой объединить усилия штабов и ведомств по координации «дальней» разведки стала передача этого направления генерал-майору В.А. Косаговскому, который, напомним, служил ранее, на Кавказе и в Персии. Он занял должности начальника Ляохэйского отряда и одноименного укрепрайона, а затем — командира 12-й Сибирской казачьей дивизии. Тем самым Косаговский подчинялся напрямую А.Н. Куропаткину²²².

Однако деятельность генерал-майора скорее объединяла компоненты стратегического и тактического уровней разведки. Знакомство с его дневником позволяет составить общую картину столкновения ведомственных интересов и личных амбиций руководителей различного ранга, волей обстоятельств оказавшихся на командных должностях без какого-либо опыта военно-разведывательной деятельности, да еще в условиях энергичных, наступательных действий противника. Так, 17 (30) марта 1904 г. Косаговский сделал красноречивую запись следующего содержания:

«Из разговора с Сахаровым и Харкевичем выяснилось, что мы почти ничего не знаем и что нам предстоит еще организовать обширную сеть разведок всякого рода, пока же мы совершенно слепы»²²³.

Как видно, начальники автора дневника имели в виду не стратегическую («дальнюю»), а скорее тактическую («фланговую») разведку.

Продолжавшееся комплектование полевых штабов распыляло силы и средства разведывательных отделений. Тем не менее, командование не стремилось ускорить этот процесс.

«Генерал Сахаров производит хорошее впечатление, — отмечал Косаговский 24 марта (6 апреля) 1904 г., — но, во-первых, он и сам новый человек, а, во-вторых, у него нет опытных и талантливых помощников... И над всем этим тяготеет ужасная свинцовая гиря — царский Наместник...»²²⁴

В конце июня 1904 г. Косаговский получил в свое распоряжение 50 тыс. руб. аванса и несколько квалифицированных офицеров Генерального штаба, которые прослужили на Дальнем Востоке по несколько лет. К их числу относились уже известный нам полковник А.Д. Нечволодов, подполковники Потапов и Панов, капитан Одинцов, а также состоявшие при разведывательном отделении штаба Куропаткина капитан 12-го Восточно-Сибирского полка Нечволодов (очевидно, однофамилец или родственник полковника) и переводчик европейских языков, упоминавшийся выше швейцарец О. Барбье²²⁵. Это позволило расширить агентурную сеть, привлекая к сотрудничеству все новых европейцев.

Одним из примеров такого рода стала вербовка русской военной разведкой британца Коллинза, бывшего придворного жокея самого микадо,

впоследствии сотрудника «Восточно-Азиатского пароходного общества» и корреспондента одной из шанхайских газет. Начало военных действий поставило его вместе с семьей в довольно затруднительное материальное положение, поскольку проживание в Порт-Артуре не сулило хорошо оплачиваемой работы. Тогда Коллинз сам предложил русским свои услуги, попав в поле зрения В.А. Косаговского. Решающую роль сыграло знание этим «инициативником» японского и китайского языков, а также наличие старых связей при дворе Муцухито. Ежемесячная оплата услуг британского подданного по его желанию составила сумму 300 долларов США, а связь должна была поддерживаться шифром по телеграфу через Китай.

Однако деятельность информатора в Стране восходящего солнца продолжалась всего три месяца. Его арестовала японская контрразведка, а военный трибунал приговорил к 11 годам каторги. Правда, уже в 1906 г. Коллинз вышел на свободу по амнистии²²⁶.

К сожалению, судя по дневниковым записям Косаговского, его служебные отношения с генерал-квартирмейстером В.И. Харкевичем оставляли желать лучшего²²⁷. Постоянные столкновения генералов на почве личной неприязни, с одной стороны, и сдержанное отношение к своему начальнику подчиненных Косаговскому офицеров, — с другой, снижали эффективность тактической разведки театра военных действий. На практике возникало смешение функций его группы и разведывательного отделения штаба командующего Маньчжурской армией, где процесс сбора и анализа секретной информации курировался довольно опытными офицерами — старшими адъютантами подполковниками К.М. Слесаревым, затем С.Н. Люповым и, наконец, К.П. Линдой, причем последний из них еще в 1900 г. опубликовал подробное военно-статистическое описание Маньчжурии²²⁸.

Видимо, не случайно в отчете разведывательного отделения за первый период войны опущены результаты деятельности Косаговского со ссылкой на прямое подчинение генерал-майора командующему и ограниченное количество его донесений в адрес этого органа²²⁹.

Фактически с начала боевых действий ведущую роль в организации тактической разведки стали играть лазутчики, набранные из местных жителей. Однако, как утверждали составители отчета разведывательного отделения Маньчжурской армии, работа с ними шла неуспешно по причинам отсутствия заранее подготовленного контингента «сведущих агентов», слабой заинтересованности бедных крестьян в сотрудничестве с русскими и опасений жестокой расправы со стороны японской контрразведки²³⁰.

Думается, что свою роль в неэффективном использовании местного населения сыграл и низкий культурно-образовательный уровень большинства лазутчиков, которые, как правило, являлись сугубо гражданскими лицами, ничего не смыслившими в тактике войн начала XX века.

И все же деятельность такого рода была санкционирована временно исполнявшим обязанности командующего Маньчжурской армией генералом Н.П. Линевичем еще 10 (23) февраля 1904 г.²³¹ Примечательно, что уже через месяц — 8 (21) марта им же была утверждена «Ведомость расходов на тайную разведку», предполагавшая оплату услуг лазутчиков в сумме от 10 до 200 руб. за одно донесение. Дифференциация размера вознаграждения зависела от важности и срочности доставленной информации²³².

По свидетельству источников, с первых недель кампании этот вид добывания сведений координировался капитаном 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Кузьминым, направленным в Восточный отряд, а также начальником 9-й стрелковой дивизии в составе так называемого Южного авангарда генерал-майором Кондратовичем, «имевшим знакомства между китайцами и местными миссионерами»²³³.

В инструкции, данной последнему временно исполнявшим должность начальника штаба Маньчжурской армии генерал-майором И.В. Холщевниковым, требовалось «установить особую разведку при посредстве тайных агентов, живущих в сфере расположения противника и оттуда посылающих нам донесения». Сумма ассигнований на эти цели в течение четырех месяцев составила почти 10 тыс. руб.²³⁴ Однако, стоит отметить, что уже первоначальный опыт Кондратовича по созданию агентуры привел его к заключению о необходимости значительно увеличить оплату сведений, доставленных лазутчиками²³⁵.

В конце июня, как уже говорилось ранее, руководство подготовкой лазутчиков в масштабе всей армии была поручено В.А. Косаговскому. Поэтому уместно привести рапорт на его имя, составленный подполковником Пановым по этому вопросу 31 июля (12 августа) 1904 г. Сообщая о трудностях привлечения местного китайского (ханьского), маньчжурского и корейского населения к сотрудничеству с русскими разведывательными органами, Панов в частности писал:

«Жители, ссылаясь на опасность, на жестокие наказания, налагаемые японцами за шпионство, совершенно отказывались поддерживать в этом отношении с войском связь и даже заверяют, насколько справедливо — неизвестно, что вслед за уходом русских войск, все те китайцы, которые имели какие-либо сношения с русскими, должны покинуть оставленные нами селения, иначе им грозит чуть ли не смерть от японцев, которые ча-

стью подкупом, частью угрозами узнают через других китайцев об их сношениях с русскими и всех подозревают в шпионстве»²³⁶.

Как одна из необходимых, хотя и жестоких побудительных мер в отношении жителей Маньчжурии, по мнению Панова, могло быть взятие заложников из числа ближайших родственников потенциального лазутчика, учитывая опыт японской разведки, на который ссылался составитель рапорта.

Свидетельством распространенности такой практики среди командиров различного уровня выступает один из приказов начальника 4-й Донской казачьей дивизии генерал-майора Телешева от 10 (23) октября 1904 г.:

«Для пополнения своих разведок японцы имеют в распоряжении подготовленных еще до войны шпионов из числа местных жителей — китайцев; эти шпионы выучены японцами и умеют подавать им сигналы, давая знать о малейших передвижениях наших отрядов; сигналы подаются при помощи флагов, зеркал, а ночью цветными фонарями. Следует с большим подозрением относиться ко всем китайцам, как предлагающим свои услуги в качестве переводчиков и проводников, так и в особенности к местным жителям...

Чтобы избавиться от шпионов из местных жителей, необходимо перед тем, как занимать деревни, выгонять оттуда всех без исключения китайцев, или же можно взять заложниками старшин или же более влиятельных из местных жителей. Разъездам следует менять, возможно, чаще места своих стоянок и не оставаться долгое время в одном и том же пункте. Зачастую опрошенные разъездами местные жители показывают, что в деревне нет японцев. Следует крайне осмотрительно относиться к таким показаниям и, решаясь входить в деревню, необходимо брать с собой и китайца, давшего показания.

Кроме шпионов, японцы имеют отличных разведчиков в своей армии. Эти разведчики выдвигаются вперед и занимают возвышенные места, пользуясь для этого даже и деревьями, трубами и крышами домов. Двигаясь вперед, нашим разведчикам надо с большим вниманием осматривать все такие предметы, на которых можно предполагать присутствие японских разведчиков. Такие разведчики снабжены карманными телефонами (?) и могут быстро передавать свои наблюдения японским войскам, — избавиться от них можно только меткой пулей из винтовки»²³⁷.

Мы позволили себе привести столь пространный фрагмент источника, потому что он хорошо иллюстрирует взаимосвязь организации тактической разведки штабом главнокомандующего и непосредственным выполнением задач войсками. Вызывает лишь недоумение указание на «карманные телефоны», которыми были-де снабжены лазутчики противника,

поскольку в других документах никаких сведений о них нам обнаружить не удалось.

К аналогичным выводам пришел и капитан Нечволодов, который, напомним, летом 1904 г. действовал под началом генерал-майора Косаговского. Будучи направлен с миссией организации сети негласных осведомителей в крупный транспортный узел Инкоу еще до отступления Маньчжурской армии, Нечволодов сообщал 5 (18) июля о том, что, заручившись поддержкой градоначальника г-на Гроссе, сумел установить контакт с одним из местных предпринимателей, неким Пассеком, немцем по национальности. Последний согласился через своего компаньона, крупного китайского купца, на протяжении шести ближайших месяцев вербовать лазутчиков для сбора информации о японцах за вознаграждение в 15 тыс. руб.²³⁸ Однако изложенный план Нечволодова был отклонен генерал-квартирмейстером В.И. Харкевичем, вероятно, не без старания В.А. Косаговского²³⁹.

Совершенствование агентурной разведки силами лазутчиков-китайцев в полосе Маньчжурской армии с середины 1904 г. проходило под контролем штабс-капитанов 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка С.В. Афанасьева и 20-го Восточно-Сибирского полка Россова, причем первый взял на себя центр и левый фланг противника, а второй — правый. Существенную помощь при вербовке новых агентов Афанасьев получал от преподавателя Восточного института, китайца по фамилии Ци, который стремился привлечь к сотрудничеству бывших офицеров вооруженных сил Поднебесной империи. Как правило, Афанасьев или Россов выезжали на передовые позиции вместе с лазутчиками, обеспечивая их переход через линию фронта в тыл противника²⁴⁰.

С разделением одной армии на три ведения тактической разведки через лазутчиков было передано в соответствующие армейские штабы, а общая координация перешла в руки штабс-капитана 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка В.В. Блонского, владевшего китайским языком²⁴¹.

Несогласованность действий разведывательных органов в Маньчжурии приводила к дублированию и параллелизму осуществления тактических агентурных мероприятий. Источники свидетельствуют, что в рассматриваемый период весны — осени 1904 г. вербовку и отправку лазутчиков-китайцев также проводили начальник Управления транспортов тыла генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович, комиссар Мукденской провинции полковник М.Ф. Квевинский, его помощник штабс-капитан Пеневский и штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи.

Будучи опытным генштабистом, хорошо знавшим региональную специфику, да к тому же владевшим китайским языком, первый из перечис-

ленных лиц пользовался неограниченным доверием, а значит, и кредитом командующего Маньчжурской армией. Для организации вербовки секретной агентуры Ухач-Огорович составил круг помощников, выступавших, мягко говоря, не в ладах с законом. Наиболее деятельными среди них являлись бывший биржевой спекулянт Яков Персиц и проведенный на каторге несколько лет налетчик Мераб Иоселиани. Надежным прикрытием для осуществления агентурных разработок выступали командировки сотрудников Ухач-Огоровича по Маньчжурии с целью закупок лошадей, скота и продовольствия у местного населения для нужд войск.

Забегая вперед, отметим, что уже после окончания маньчжурской кампании выявились неприглядные факты деятельности начальника Управления транспортов. В частности, было документально доказано присвоение им казенных средств на сумму нескольких миллионов рублей. Ухач-Огоровича арестовали и судили военным трибуналом, который приговорил его в сентябре 1912 г. к лишению дворянства, звания и состояния с заключением на четыре года в тюрьму. Таким образом, он был объявлен чуть ли не единственным виновником поражения России в войне.

Подготовительная работа полковника М.Ф. Квещинского в 1901–1903 гг. позволила ему с открытием боевых действий направлять значительное количество ходоков в районы дислокации противника. Кроме того, с этой же целью использовались христианские, особенно католические, миссионеры²⁴². Однако сами лазутчики не были подготовлены к выполнению специальных заданий и поэтому сведения, поступавшие Квещинскому и его помощнику, носили отрывочный характер, хотя с сентября 1904 г. комиссару было разрешено вести агентурную разведку по всему фронту²⁴³.

Несколько более эффективными были усилия штабс-капитана Пеневского, сумевшего установить контакт с градоначальником (тифангуаном) Ляояна, который через свою агентуру сообщал русскому офицеру сведения о численности и расположении соединений и частей армии Куроки²⁴⁴. Вполне понятно, что с оставлением Маньчжурской армией этого города в конце августа 1904 г. ценный источник информации оказался потерянным.

Одновременно, как отмечалось выше, велась разведка через китайцев, служивших в пограничной страже, поскольку они еще до войны имели осведомителей среди местного населения. Судя по источникам, военные комиссары провинций, прежде всего полковник Богданов, отвечавший за самую северную область Маньчжурии — провинцию Хэйлунцзян, пытались координировать свои усилия в этом направлении с пограничниками. В пользу сделанного вывода говорит отчет штаба Заамурского округа за

сентябрь 1904 г. Разведданные, добытые чинами корпуса через китайскую агентуру, сгруппированы в нем по следующим разделам:

1. Настроения жителей.
2. Сведения о хунхузах и стычках с ними.
3. О Монголии.
4. О японцах.
5. Китайские войска.
6. Диверсии на железной дороге и телеграфных линиях.
7. Сообщения российских военных комиссаров»²⁴⁵.

Однако наибольшую пользу специальные мероприятия пограничников принесли в сфере не тактической, а оперативной разведки, проводившейся силами конных отрядов на территории Монголии и Китая.

К освещению этой стороны борьбы российских военно-разведывательных служб против Японии мы и перейдем в следующем параграфе.

Оперативная разведка штабов соединений и отдельных отрядов

С начала войны организация *войсковой*, или *оперативной*, разведки силами кавалерийских отрядов, охотничьих команд и отдельных волонтеров встретила многочисленные трудности объективного и субъективного свойства.

К первым следует отнести отсутствие опыта выслеживания противника на сильно пересеченной местности в условиях непривычного для россиян природно-климатического ландшафта Дальнего Востока. Чередование высоких сопок с глубокими, часто довольно узкими и темными ущельями лишало спокойствия и уверенности в собственных силах не только призванных из запаса крестьян, но и кадровых офицеров. Ведь все они за редким исключением были жителями равнин и плоскогорий. К тому же, с мая по октябрь разведку местности затрудняли посевы суходольного маньчжурского проса — гаоляна — высотой до двух метров.

Второй комплекс проблем был связан с недоверчивым и даже враждебным отношением местного населения к русским военным, что объяснялось воспоминаниями о карательных действиях царских войск при подавлении восстания ихэтуаней (1900–1901 гг.) и упоминавшимися выше опасениями преследований со стороны японцев²⁴⁶. Кроме того, свою роль играли языковой барьер и находившая отклик у китайцев пропаганда неприятелем идеи «единства народов желтой расы перед лицом северных варваров».

Показательно, что в одной из своих дневниковых записей В.А. Косаговский счел необходимым отметить:

«Китай заявляет о своем нейтралитете, но в то же время и средствами, и людьми, и душой — на стороне японцев против ненавистных им русских. Китайцы не любят и японцев, но этот вопрос еще впереди, лишь бы предварительно вырвать из русских рук Маньчжурию»²⁴⁷.

Серьезные опасения русского командования по поводу соблюдения нейтралитета как Пекином, так и полуавтономными правителями окраин Поднебесной, например, монгольскими и синьцзянскими феодалами, побуждали штабы Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина обратить внимание на войсковую разведку правого и левого флангов Маньчжурской армии, особенно первого. Стоит отметить, что одно время ими даже всерьез рассматривался вопрос о назначении русских офицеров состоять представителями командования при крупных соединениях цинских войск²⁴⁸. Дело в том, что в разведывательные отделения поступали сведения о передислокации наиболее боеспособных китайских частей генералов Юань Шикая и Ма Саюаня поближе к театру военных действий²⁴⁹.

С целью проверки этой информации военная разведка предприняла серию мероприятий в сотрудничестве с российскими атташе, консулами, пограничниками и даже гражданскими лицами, поскольку по примерно подсчету одного из офицеров Генерального штаба в полосе отчуждения КВЖД и торговых городах Маньчжурии к началу войны проживало до 40 тыс. подданных Николая II²⁵⁰.

Эти мероприятия представляли собой сочетание агентурной и кавалерийской разведки, для чего было сформировано несколько специальных отрядов под началом подполковника пограничной стражи Пеневского, поручика Коншина, бывшего слушателя Восточного института штабс-капитана Колонтаевского и других. В марте 1904 г. Куропаткин санкционировал объединение усилий разведки правого фланга, переименовав группу подразделений Пеневского в Ляохэйский отряд, который, как уже отмечалось выше, возглавил генерал-майор В.А. Косаговский. В задачи образованной группировки входила также борьба против китайских бандитов — хунхузов и предотвращение диверсий противника на коммуникациях²⁵¹.

Кроме того, для уточнения численности войск генералов Юань Шикая и Ма Саюаня в распоряжение их войск были командированы уже знакомый нам штабс-капитан Россов под видом датского корреспондента, а также есаул Уральского казачьего войска Д.И. Ливкин под именем торговца чаем Попова.

Наиболее успешной оказалась миссия последнего. Дело в том, что Ливкин получил блестящее специальное образование, окончив не только

военное училище, но и трехгодичные курсы восточных языков для офицеров при Азиатском департаменте МИД России. Он достаточно свободно владел арабским, турецким, персидским, татарским, киргизским, английским и французским языками, разбирался в специфике ислама и тонкостях мусульманского права. До войны Ливкину уже приходилось выполнять разведывательные миссии в Индии и Афганистане, поэтому лучшего эмиссара для установления контактов с китайским генералом Ма Саюанем, мусульманином по вероисповеданию, трудно было найти.

Возглавив купеческий караван, Ливкин по прошествии нескольких дней оказался в ставке генерала. Первоначально холодный, подозрительный прием со стороны окружения Ма Саюаня вскоре сменился благожелательным отношением, вызванным щедрыми подарками и умением есаула расположить к себе хозяев. Вероятно также, трансформация восприятия генералом Ливкина и его спутников объяснялась большей толерантностью китайских мусульман (например, дунган) к русским, в армии которых служило немало офицеров и нижних чинов, исповадавших ислам²⁵².

В беседах с русским эмиссаром китайский военачальник сообщил, что не получал приказа о каких-либо совместных с японцами действиях на фланге и в тылу Маньчжурской армии. Добытые сведения успокоили командование, позволив отказаться от переброски части войск на границу Внутренней Монголии.

К сожалению, дальнейшая судьба этого незаурядного разведчика сложилась драматически. Будучи тяжело ранен под Мукденом в феврале 1905 г., он уволился со службы в чине полковника и умер в нищете незадолго до начала Первой мировой войны²⁵³.

В качестве примера содействия военной разведке со стороны гражданских лиц следует упомянуть о поручении коммерческому заготовителю скота для Маньчжурской армии А.Г. Громову собирать сведения о противнике и местности. С июня 1904 г. за ним и его агентурой был закреплен для наблюдения участок Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) севернее 42-й параллели, на которой расположен г. Телин (современный Иньчжоу)²⁵⁴.

Как видно из отчета разведывательного отделения штаба Куропаткина, «г-н Громов являлся для названной цели весьма подходящим лицом как человек, знакомый еще в мирное время с Монголией и имевший сношения с монгольскими князьями»²⁵⁵.

В том же документе далее говорилось, что Громов снабжал своих агентов, командированных в Монголию и Маньчжурию для покупки скота, особыми инструкциями по сбору сведений о противнике, а один из его со-

трудников, некий фон Грунер, передавал секретную информацию о дислокации японских войск непосредственно генерал-квартирмейстеру В.И. Харкевичу²⁵⁶.

Очевидно, деятельность Громова в целом оказалась полезной для русской военной разведки. Поэтому недоумение советского эксперта К.К. Звонарева относительно мотивов, которыми руководствовалось командование, давая торговому подрядчику поручения столь деликатного свойства, представляется ошибочным. И уж совсем нелепо выглядит утверждение кадрового сотрудника ОГПУ–НКВД о том, что Громов вместе с начальником транспортов Маньчжурской армии генерал-майором Н.А. Ухач-Огоровичем одно время «как бы заменяли собой разведывательное отделение Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего»!²⁵⁷

Документы упоминают и о других гражданских лицах, которые добровольно сотрудничали с военной разведкой. Так, в фондах РГВИА отложилась целая серия донесений мещанина г. Канска Томской губернии С.А. Мягкова обо всем виденном и слышанном за время пребывания в Северном Китае с 23 февраля (7 марта) по 18 (31) мая 1904 г.²⁵⁸

На левом, примыкавшем к Корее фланге русских войск, наблюдение за перемещениями противника осуществляли специальные отряды полковника Генерального штаба Мадритова и упоминавшегося ранее генерал-майора артиллерии П.И. Мищенко. Впрочем, само их формирование, как признавали впоследствии генштабисты, вызывалось скорее «модой» на проведение кавалерийских рейдов по примеру тактики участников Гражданской войны в США 1861–1865 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., чем практической потребностью²⁵⁹.

Первый из них хорошо знал регион с 1900 г., будучи в течение двух лет главноуправляющим «Русского лесо-горнопромышленного торгового общества» на р. Ялу. Пользуясь особым расположением Е.И. Алексева, Мадритов не только проводил разведку силами своей конной группы численностью около 500 чел., действуя партизанскими методами в отрыве от основных сил, но и посылал в тыл японцам лазутчиков из числа маньчжур, корейцев или китайцев (ханьцев). Основанием для рейдов его отряда по корейской территории стало решение совещания в Мукдене, которое состоялось под председательством Наместника 19 февраля (2 марта) 1904 г., то есть еще до приезда А.Н. Куропаткина на фронт, о проведении диверсий на японских коммуникациях²⁶⁰.

Оценка результатов, достигнутых отрядом Мадритова, содержится в широко известных воспоминаниях А.А. Игнатьева:

«Куропаткин в зависимости от положения на Дальнем Востоке, то требовал увольнения полковника Мадритова из Генерального штаба (види-

мо, сказывалось недовольство командующего протекцией со стороны Е.И. Алексева. — Е. С.), то хотел использовать знания и большой опыт этого энергичного офицера как полезного эксперта в маньчжурском вопросе. В конце концов Мадритов войну провел во главе импровизированных отрядов, настолько оторванных от основной армии, что после мукденского погрома о нем даже забыли. Он очутился со своими частями в тылу японских армий, и ему удалось лишь с большим трудом пробиться из окружения»²⁶¹.

Действия конной группы, возглавляемой полковником Мадритовым, достаточно подробно описаны военным корреспондентом порт-артурской газеты «Русь» В.Д. Козловым, который сопровождал отряд в рейдах по корейской территории с 19 марта (1 апреля) по 22 мая (4 июня) 1904 г. Вполне естественно, что очерки, явившиеся результатом личных впечатлений и опубликованные, что называется, «по горячим следам» описанных событий, проникнуты оптимистическим ожиданием грядущих побед русского оружия:

«Два — три незначительных поражения, — и всё геройство, весь задор миниатюрных солдатиков как рукой снимет».

Интересно, как В.Д. Козлов передал обобщенное восприятие нижними чинами противника в первые недели войны:

«Очень хочется посмотреть на японца! Говорят, он храбрый, этот макакчий народ... Одначе (так в книге. — Е. С.), кажется немного в нем храбрости. Как побьют его разика два-три, так он станет бегать не хуже китайца. Тот тоже поначалу был не робкий, а под конец только и делал, что бегал взапуски (имеются в виду участники движения ихэтуаней. — Е. С.). Уж эта ихняя такая порода азиатская... Дрянной народ!..»²⁶²

Очевидно, что получение разведанных от Мадритова на регулярной основе было крайне затруднено из-за полупартизанского образа действия его отряда. Кроме того, в результате отхода конной группы в Маньчжурию под давлением передовых японских частей, вышедших к маю на р. Ялу, объем информации о противнике еще более снизился, поскольку отныне в тыл армии Куроки были способны проникать лишь мелкие разъезды отряда, а выполнение требований Куропаткина совершать масштабные рейды за линию расположения противника фактически саботировалось Мадритовым под предлогом отсутствия санкции со стороны Е.И. Алексева²⁶³.

Это вынудило командующего Маньчжурской армией привлечь к войсковой разведке дополнительные конные группы, в частности, Забайкальскую казачью бригаду генерал-майора П.И. Мищенко. Ее боевой путь рассмотрен одним из участников событий — офицером 11-го Оренбургского казачьего полка Д.И. Аничковым²⁶⁴.

Основными источниками получения разведданных у Мищенко, как и у Мадритова, выступали местные жители и христианские миссионеры, которые предоставляли малодостоверную информацию о количественном и качественном составе японских войск, частью намеренно, а частью просто по незнанию. Еще хуже обстояло дело с анализом оперативной обстановки офицерами казачьих разъездов и сотен бригады, проникавших в Корею на глубину до 150–160 км в соответствии с приказом адмирала Е.И. Алексеева от 9 (22) марта об усиленной войсковой разведке местности. Каких-либо достоверных сведений о японских дивизиях, высаживавшихся в портах полуострова, получено не было. Поэтому 20 марта (2 апреля) распоряжением уже А.Н. Куропаткина бригада Мищенко была отозвана за левый берег р. Ялу²⁶⁵.

По мнению генерал-лейтенанта В.Е. Келлера, сменившего генерала Засулича на должности начальника Восточного отряда и, к сожалению, погибшего в одном из сражений лета 1904 г., конные группы казаков оказались не в состоянии «проникнуть за завесу передовых частей противника и доставить сколько-нибудь определенные сведения, собранные путем личной разведки». Кроме того, даже полученные крупницы информации отличались «неправильностью и неполнотой», а составители донесений «постоянно преувеличивали силы неприятеля»²⁶⁶.

В конце мая — начале июня 1904 г., то есть к моменту завершения сосредоточения основной массы японских сухопутных сил на материке, генерал-квартирмейстер штаба Маньчжурской армии В.И. Харкевич потребовал от П.И. Мищенко перенести акцент на инженерную разведку силами лазутчиков:

«Разведка лазутчиками, — говорилось в указаниях Харкевича, — помимо выяснения номеров частей, фамилий начальников, числа орудий и численности войск, должна иметь целью сбор сведений о постройке укреплений, об усилении их искусственными препятствиями и минами, о местах устройства магазинов и численности в них гарнизонов и прочее.

Желательно, чтобы в таких пунктах, важность коих по сосредоточению в них войск или усилению их укреплениями будет установлена, имели постоянное пребывание наши лазутчики, которые организовали бы через помощников наблюдение за усилением или ослаблением в них войск, с указанием, откуда и в каком числе таковые прибыли или по каким дорогам выступили. Сведения об укреплениях не должны ограничиваться указанием, что такой-то пункт укрепляется, но должны давать данные о местах укреплений, размере и начертании их.

Отпуск денег будет производиться по мере надобности. Ежемесячно разрешается расходовать на разведку 3 тыс. руб. из хозяйственных сумм...»²⁶⁷

Но, несмотря на директивы командования, бригаде П.И. Мищенко в летне-осенние месяцы 1904 г. так и не удалось, как отмечается в отчете Военно-исторической комиссии, «дать сколько-нибудь ценных по достоверности сведений ни о силах, ни о группировке японских войск в Корею...»²⁶⁸

Забегая вперед, отметим, что довольно скромные результаты были достигнуты и в результате «набегов», или глубоких рейдов в тыл японцам, совершенных конной группой Мищенко в конце 1904 — начале 1905 г., а также в феврале и мае 1905 г. Они свелись в сущности к поджогу складов с провиантом и подрыву железнодорожного моста на линии ЮМЖД. С точки же зрения разведки, захват казаками Мищенко нескольких пленных, конечно, не мог быть отнесен к числу крупных достижений²⁶⁹.

Переход противоборствующих армий в непосредственное соприкосновение и возникновение сплошной линии фронта повысил значимость оперативной разведки небольшими кавалерийскими разъездами, пешими командами охотников (то есть добровольцев) и отдельными военнослужащими в полосе действий того или иного соединения. Хорошо известно, что до русско-японской войны полевой устав не предусматривал в штате корпуса, дивизии, бригады или полка разведывательных подразделений. Приведем характерное суждение одного из участников описываемых событий — начальника гарнизона станции Гайчжоу в Маньчжурии полковника К.И. Дружинина:

«Итак, мы добывали скудные сведения о противнике исключительно искусством и храбростью наших офицеров и притом самых младших, потому что ни сотенные командиры, ни штаб-офицеры в разведке не участвовали».

Любопытно также напутствие, которое, по свидетельству Дружинина, вместо четкого приказа командира получали добровольцы, вызвавшиеся собрать сведения о неприятеле:

«Поезжайте туда-то, посмотрите, а если встретите японцев, то уходите назад, а главное — не имейте потерь»²⁷⁰.

Несмотря на мнение большинства тогдашних экспертов, которые приводили эпизоды франко-прусской и других войн последней трети XIX в. для утверждения «невозможности добывать серьезные сведения о противнике путем разведки конницей»²⁷¹, командование Маньчжурской армии первоначально возлагало большие надежды именно на нее, поскольку разделяло точку зрения об «огромном перевесе в числе и качестве» русской кавалерии над японской, благодаря которым войсковым начальникам будет известно каждое движение противника, а последний, наоборот, станет «бродить впотьмах»²⁷².

Значительную роль в сотворении мифа о ничтожности конницы противника сыграли ошибочные выводы разведки, сделанные еще до войны. Дело доходило до высказываний, напоминавших анекдоты. Так, например, заинтересованные наблюдатели сообщали в Главный штаб, «при получении приказа наступать, японские кавалеристы не осмеливаются продвигаться вперед быстрее, чем шагом, из опасения упасть на землю»²⁷³.

Здесь, видимо, уместно привести отрывок из популярного в свое время романа П. Далецкого «На сопках Маньчжурии», увидевшего свет к 50-летию событий 1904–1905 гг. Описывая беседу русских офицеров в один из кратких моментов отдыха, автор устами героя своего произведения высказывал следующие мысли:

«В одной французской газете я прочел, что эту войну решит кавалерия. Автор пишет, что японцы, обладая малочисленной и посредственной кавалерией, будут лишены возможности получать даже ничтожнейшие сведения о нас. Более того, им совсем невозможно будут проникнуть за завесу из могучей русской кавалерии, лучшей в мире конницы казаков, позади которой русская армия сможет в абсолютной тайне производить свои эволюции. А мы о японцах будем знать все. Наша конница будет налетать на их фланги, на тылы, беспокоить, нарушать движение, рвать коммуникации...»²⁷⁴

Однако опыт боевых действий вскоре развеял эти иллюзии. Русская кавалерия, особенно казаки и этнические конные формирования (например, горские), оказалась неспособной проникать вглубь расположения противника, который обычно принимал меры к выставлению усиленного боевого охранения с использованием маскировки, засад и пулеметов. Но самое печальное состояло в том, что разъезды драгун, казаков и горцев, которым поручалось проведение войсковой разведки непосредственно в прифронтовой полосе, были совершенно неподготовлены к выполнению задания. Мало того, что они плохо ориентировались в холмистой местности, покрытой густыми лесами, но еще и не обладали навыками выслеживания японцев с применением, а чаще без использования оптических приборов.

Подполковник Генерального штаба В.В. Буняковский, написавший пособие по службе безопасности войск, обобщил недостатки войсковой кавалерийской разведки на протяжении дальневосточной кампании:

«В минувшую войну излюбленным способом действия наших кавалеристов при встрече с более слабыми разъездами противника было вступление с ними в бой, причем, если противник давал тыл, начиналось самое необузданное преследование его. Не говоря о том, что этим разъезд отвлекался от выполнения возложенной задачи, теряя и время и силы. Это при-

водило к тому, что преследовавшие разъезд весьма часто нарывались на пехотные части, обстреливались ими, несли потери, а иногда и поголовно уничтожались»²⁷⁵.

Справедливость выводов, сделанных автором пособия, подтверждалась иностранными наблюдателями. Так, в частности один из них, взявший псевдоним Азиатикус, указал причины серьезных просчетов в проведении разведки драгунами и казаками:

«Так как даже значительные конные отряды мало обращали внимания на надлежащее охранение, то столкновения с противником приобретали характер неожиданности и обыкновенно заканчивались отказом русских от активных действий и отступлением, причем определить силы противника удавалось лишь в исключительных случаях. На всякой местности и при всякой обстановке казакам приказывали спешиваться и им ни разу не удалось прорвать в конном строю линию охранения неприятеля. Все это взятое вместе вынудило формировать смешанные отряды, которые, однако, увлекаясь боем, не обращали надлежащего внимания на разведку»²⁷⁶.

Результаты неэффективного проведения полевой, прежде всего, конной разведки сказались на оперативном планировании обороны и контракта соединений и частей Маньчжурской армии. В первом же крупном бою на р. Ялу под Тюренченом 13 (26) апреля — 18 апреля (1 мая) 1904 г. русские войска узнали о переправе дивизий Куроки по грохоту колес артиллерийских повозок, которые проезжали мост, возведенный накануне японцами буквально у них под носом²⁷⁷.

Аналогичным образом развивались события и в других сухопутных сражениях первого периода войны: 12–13 (25–26) мая при Наньшане (Цзиньчжоу), 31 мая (13 июня) — 2 (15) июня под Вафангоу, 13 (26) августа — 22 августа (4 сентября) под Ляояном и, наконец, 25 сентября (8 октября) — 5 (18) октября на р. Шахэ. Картину постоянно встававших перед русскими проблем с отслеживанием маневров неприятеля в прифронтной полосе довольно точно сумел передать капитан Генерального штаба А.А. Игнатъев:

«Японцы ударили то по одному, то по другому нашему отряду, подтягивая для этого из соседних долин подкрепления. Разобраться в их передвижениях в этом горном лабиринте, столь непривычном для наших войск, было почти невозможно. И к моменту атак мы постоянно оказывались перед сильнейшим противником»²⁷⁸.

Не случайно поэтому 6 (19) сентября 1904 г., т.е. вслед за поражением под Ляояном, А.Н. Куропаткин был вынужден издать специальную директиву по совершенствованию войсковой разведки:

«К сожалению, нельзя не признать, — констатировал командующий, — что в тех случаях, когда мы переходим в наступление, мы до сих пор терпели неудачи. Основной причиной этих неудач я признаю неприятие нами мер к раскрытию сил и расположения противника: вследствие сего вместо сознательной атаки по определенному плану мы наносили удары недостаточно сознательно и поэтому терпели неудачи. Не принимая в расчет воли противника, мы решали направление главного удара слишком заблаговременно. Были случаи, что мы, не зная расположения противника, расписывали войска по мелким колоннам до батальона включительно. В других случаях мы действовали без определенного плана. Наконец, были и случаи слишком малого упорства в достижении поставленной при наступлении задачи»²⁷⁹.

Неудержимое движение армий Страны восходящего солнца на север, сопровождаемое значительными потерями русских корпусов в живой силе, конском составе и артиллерийских орудиях, заставляли командование постоянно корректировать методику ведения оперативной разведки, внося изменения даже в Устав полевой службы. Отныне § 68 этого документа гласил:

«Разведка в конном строю теперь крайне затруднительна; приблизившихся к неприятельской позиции выгоднее спешивать и производить разведку пешком»²⁸⁰.

Постепенный переход на протяжении лета – осени 1904 г. к организации войсковой разведки силами небольших по численности конных разъездов и пеших групп нашел отражение в приказах командиров, наиболее чутко улавливавших изменения оперативной обстановки. Таковым, например, являлся упоминавшийся начальник Восточного отряда генерал-лейтенант В.Е. Келлер, распоряжение которого от 11 (24) июня 1904 г. предписывало:

«...Во многих случаях вследствие закрытой, гористой местности с большей пользой и меньшей опасностью могут быть производимы дальние разведки пешком одним офицером с одним — двумя смелыми, расторопными казаками, чем даже сильными конными разъездами, принужденными двигаться на более доступной местности и всегда легко обнаруживаемыми»²⁸¹.

Но даже под началом лучших командиров уровень проведения разведывательных мероприятий пешими командами был невысок. Отсутствие даже минимальной подготовки добровольцев (к примеру, умения маскироваться на местности) и специальных средств наблюдения, а также связи; избыточный, хотя и объяснимый, энтузиазм офицеров при недостатке практического опыта; неумение начальников поставить четкие задачи подчиненным; надежно организованная японцами охрана своих позиций

с использованием сигнализации — все эти факторы сводили к нулю усилия разведчиков.

На наш взгляд, исчерпывающую картину нарисовал в своих воспоминаниях о войне один из ее участников, известный впоследствии теоретик и эксперт, а в то время офицер для особых поручений, штабс-капитан А.А. Свечин, обративший ко всему прочему внимание и на моральные издержки провалов оперативной разведки:

«Обследованием фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обследовать тыл противника, расположение его главных сил, открыть планы и намерения врага. Как сквозь сито гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие нижние чины, лучшие офицеры; им давались самые туманные инструкции; собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без вести оплачивали совершенно нестоящие сведения, принесенные одним удачником. В июне 1904 г. это преступное уничтожение лучших сил Восточного отряда (действовавшего против наступавшей армии Куроки. — Е. С.) достигло самого большого напряжения... Примерно около 8 (21) июня была выслана масса команд охотников — от всего Восточного отряда свыше 10 команд; никто не возвратился. В безрезультатных охотничьих предприятиях было загублено не менее 15% офицеров и 10% солдат... В этих разведочных делах мы теряли не только лучших людей Восточного отряда, мы теряли веру в себя, мы постепенно приучили всех к неудачам, постепенно разучивались одерживать победы»²⁸².

К сожалению, ситуация не облегчалась и тогда, когда команду охотников возглавлял кто-нибудь из офицеров Генерального штаба, стремившихся обратить на себя внимание командования. В воспоминаниях очевидца — полковника М. Грулева — описан следующий эпизод:

«Явился Генерального штаба капитан М-ъ (вероятно, имеется в виду помощник старшего адъютанта начальника штаба Маньчжурской армии Михайлов. — Е. С.), переправил он на японский берег несчастную охотничью команду, в которую японский пост со Столовой горы, как в открытую дичь, сделал десяток выстрелов, ранил тяжело несколько нижних чинов, смертельно ранил заведывающего командой подпоручика Иванова, который через несколько дней умер. А Генерального штаба капитан М-ъ вернулся в Мукден, представил реляцию и... получил Владимира с мечами, что и требовалось доказать»²⁸³.

Среди основных задач полевой разведки была рекогносцировка позиций японских войск, сбор документальных и вещественных данных, которые могли бы уточнить их дислокацию: предметов обмундирования,

снаряжения, карт, схем, записных книжек, писем и конвертов от них, а также захват пленных — «языков». Собранные предметы и военнопленные доставлялись сначала в полковые штабы, откуда наиболее ценные из них оправлялись в вышестоящие инстанции. Однако проблемы состояли в том, что японская контрразведка нередко подбрасывала русским ложные вещественные доказательства пребывания войсковых частей в том или ином месте; количество пленных было крайне ограничено, поскольку русские войска терпели одно поражение за другим. Любопытно, что учреждение командующим награды в 100 руб. за каждого пленного солдата и 300 руб. — за офицера встретило непонимание в рядах Маньчжурской армии, так как многие считали эту меру «глубоко противной... общепринятой морали при открытой войне между двумя равноправными (!) воюющими сторонами (весьма показательное изменение отношения к противнику. — Е. С.)». К тому же, довольно часто пленные либо молчали, либо давали искаженную информацию²⁸⁴.

И здесь неизмеримо возрастала роль квалифицированных переводчиков, которыми, как правило, выступали преподаватели и слушатели Восточного института во Владивостоке. Для срочного исправления положения в конце мая 1904 г. Главный штаб откомандировал на театр военных действий 5 корейцев — студентов Казанской учительской семинарии, из которых, однако, по разным обстоятельствам в армии остался только один. Поэтому разведывательное отделение штаба А.Н. Куропаткина вынуждено было санкционировать привлечение китайцев из гражданских лиц для выполнения функций толмачей. Вполне естественно, что точность их перевода оставляла желать лучшего. Кроме того, часть переводчиков, как выяснилось позднее, оказалась подкупленной японцами²⁸⁵.

По воспоминаниям А.А. Игнатьева, который пользовался услугами одного из толмачей, «он упорно не хотел глядеть в глаза и внашало мало доверия», а вместо перевода коротких вопросов, которые русский офицер задавал жителям деревень, «входил с ними в непонятные длинные беседы». «Я еще не подозревал тогда, — заключил Игнатьев, — что большинство наших переводчиков были японскими шпионами»²⁸⁶.

Попытки штабов соединений и частей, только что прибывших на фронт или сформированных в прифронтовой полосе Маньчжурской армии, организовать полевою разведку через лазутчиков, либо китайцев, либо российских солдат-добровольцев, без тщательной подготовки были обречены на неудачу. Показателен случай, произошедший с рядовым 284 пехотного Чембарского полка Василием Рябовым, 33-х лет, призванным из Пензенской губернии. Будучи послан в тыл противника под видом местного крестьянина с целью уточнения дислокации японских войск, он

был пойман солдатами неприятеля поблизости от передовой и расстрелян как шпион 17 (30) сентября 1904 г. Мужественное поведения Рябова, встретившего свой последний час с достоинством и спокойствием, потрясло японцев, передавших на русскую сторону письменное описание обстоятельств гибели этого человека²⁸⁷.

Отсутствие разработанной методики подготовки и заброски лазутчиков в тыл противника самым негативным образом отражалось на полноте и оперативности информации, доставляемой русскому командованию. Поэтому в сентябре 1904 г. генерал-квартирмейстер В.И. Харкевич направил специальную инструкцию начальникам штабов корпусов с целью упорядочения этого процесса. В документе, учитывавшем полугодовой опыт кампании, говорилось:

«Независимо (от) тайной разведки, производимой штабом армии, штабам корпусов следует вести самостоятельную тайную разведку в районах, соответствующих поставленных им задач. Для этой цели надлежит с помощью переводчиков подыскать соответствующих агентов, коих иметь на жаловании. Люди эти должны жить в районе расположения противника и по возможности чаще иметь дело с японскими войсками в качестве перевозчиков груза, носильщиков, продавцов и т.п. и сообщать в штаб корпуса сведения о передвижении неприятеля и о силе отрядов...

В штаб армии надо сообщать сведения от тайных агентов лишь после необходимой критики и сопоставления с прочими донесениями и сведениями, имеющимися в корпусном или отрядном штабе»²⁸⁸.

Думается, что появление инструкции было также связано с успехами японских информаторов, которые постоянно отслеживали изменения дислокации русских войск. По свидетельствам наблюдателей, командованию Страны восходящего солнца удалось создать четко действующую систему полевой разведки силами заранее подготовленных агентов из числа подданных микадо или местных жителей. Сошлемся на донесение капитана П. Марча, прикомандированного американским правительством к одной из армий Страны восходящего солнца:

«Их (японская. — Е. С.) система шпионажа совершенна. Их знание китайского языка, готовность, с которой японец может имитировать поведение китайца на фоне полной невозможности для большого, голубоглазого светловолосого русского удачно сделать это предоставляет японцам огромное преимущество в этой стране, не говоря уже о дружелюбии местного населения по отношению к ним»²⁸⁹.

И все же постепенно русская военная разведка набиралась опыта, учась на своих и чужих ошибках. Это позволило ей создать к концу войны разветвленную агентурную сеть в прифронтовой полосе (см. главу III).

Специального упоминания заслуживает организация разведки защитниками Порт-Артура. В ее задачи входило не только выяснение намерений противника, наблюдение за перемещением его войск и прогнозирование каждого следующего удара с суши и моря, но и содействие снабжению защитников боеприпасами, медикаментами, обмундированием, продовольствием сухопутным и морским путями. Этими вопросами занимались как военные, так и гражданские лица, включая чиновников дипломатического и финансового ведомств, например, упоминавшихся выше Павлова, Давыдова, Тидемана, Лаптева и др.²⁹⁰

После установления блокады крепости в мае 1904 г. связь с ее гарнизоном осуществлялась посылкой добровольцев — офицеров и нижних чинов — с шифрованными донесениями из Ляояна и Мукдена для штаба обороны. В отчете разведывательного отделения Маньчжурской армии перечислены некоторые лица, выполнявшие эту миссию с риском для жизни: хорунжие Штенгер, Костливец, Радзивилл, корнет Христофоров, поручик Эггарде. Из них в плен к японцам попал только последний.

Кроме того, командование пыталось организовать связь с Порт-Артуром по морю и воздуху с использованием миноносцев, джонок и специально обученных голубей (впрочем, противник также использовал пернатых почтальонов²⁹¹). Однако вследствие тесной блокады миноносцы не рисковали выходить в море, а большая часть джонок была уничтожена артиллерийским огнем японских батарей. Что же касается голубиной почты, то при эвакуации из Ляояна, где размещалась станция по дрессировке 45 птиц, клетки с ними не успели погрузить на поезд. Поэтому голуби были выпущены одним из солдат на волю, причем до Порт-Артура смогли долететь только три птицы²⁹².

Проведение оперативных разведывательных мероприятий самими обороняющимися затруднялось теми конфликтами и трениями, которые возникли среди начальников сухопутных войск и фортификационной зоны — генералов Стесселя, Фока, Смирнова и Кондратенко, а также между ними и адмиралами Тихоокеанской эскадры — Старком, Витгефтом, Ухтомским и Виреном. В результате каждый из перечисленных командиров предпочитал собирать и анализировать сведения о противнике, используя собственные каналы.

Так, на суше посылались лазутчики в тыл противника, а на море разведка проводилась силами крейсеров и миноносцев с применением прожекторов и радиопеленга. Примером служит бой против японской эскадры в Желтом море (июль – август 1904 г.).

Новым словом в борьбе против минной опасности стало траление порт-артурского фарватера, к которому специальный отряд судов присту-

пил на систематической основе в мае 1904 г. Кроме того, благодаря успешной постановке мин заградителем «Амур», 2 (15) мая два японских броненосца «Хацусе» и «Ясима» были уничтожены в непосредственной близости от Порт-Артура. Всего же за время войны флот противника потерял на русских минах 12 боевых кораблей²⁹³.

Однако, несмотря на все усилия защитников, восьмимесячная осада крепости закончилась капитуляцией гарнизона в январе 1905 г. (по новому стилю). Колоссальное негативное впечатление у россиян от этого трагического события передано в мемуарах корреспондента «Таймс» У. Гринера, занимавшегося в крепости сбором конфиденциальной информации по заданию британских спецслужб:

«Жители России без исключения очень дорожили Порт-Артуром; все русские и многие иностранцы относились к крепости с симпатией. Она выступала символом русской экспансии и господства в Тихом океане. Флот боготворил Артур, поскольку он был единственным незамерзающим морским портом; солдаты гордились крепостью — свидетельством несокрушимой мощи вооруженных сил империи»²⁹⁴.

Падение Порт-Артура, конечно же, ускорило стратегическое поражение самодержавной России. В то же время оно способствовало усилению активности разведки всех уровней — стратегической, тактической и оперативной, поскольку с завершением схватки вокруг российского аванпоста в Восточной Азии создавалась непосредственная угроза другим, гораздо менее защищенным опорным пунктам романовской империи на Тихом океане: Владивостоку, Петропавловску, Корсакову. Как будет показано ниже, оценка этой угрозы отнимала у военной разведки немало времени в течение позиционного периода дальневосточной кампании.

Но перед тем как проанализировать его особенности, рассмотрим последний этап разведывательного цикла — оценку сведений о противнике, поступавших в штаб Маньчжурской армии.

Возникновение системы обработки разведывательной информации

Прежде всего, необходимо отметить, что штабы всех уровней — от Главного до полковых — не имели к началу войны никакого конкретного плана, четкой методики или функциональной схемы поступления, обобщения и циркуляции сведений о противнике в условиях масштабных и продолжительных боевых действий. Поэтому практически всё приходи-

лось создавать заново, что называется, с «чистого листа» и по возможности быстро.

Отчетные материалы свидетельствуют, что вся информация стратегического, тактического и оперативного характера поступала в штаб Маньчжурской армии через упоминавшиеся каналы без предварительной оценки и сортировки, которую осуществлял личный состав разведывательного отделения. Отобранные наиболее важные данные готовились для ежедневных докладов по разведке генерал-квартирмейстеру и главнокомандующему²⁹⁵.

Помимо этого, некоторые офицеры (Косаговский, Нечволодов, Кондратович, Мадритов, Мищенко, Квещинский) и гражданские лица (Павлов, Давыдов, Громов) с разрешения Алексеева или Куропаткина направляли свои донесения непосредственно командованию, в обход разведывательного отделения. Надо ли говорить, как это затрудняло аналитическую работу его персонала, который эмпирическим путем «проб и ошибок» лишь с течением времени сумели создать методику верификации разведанных и подготовки сводок сведений о противнике.

Первые документы такого рода начали составляться в отделении с марта 1904 г., приобретя вскоре вид ежедневных информационных бюллетеней. Однако вся беда состояла в том, что печатались они на гектографе только в четырех экземплярах для командующего, начальника штаба, генерал-квартирмейстера и личного состава самого разведывательного отделения, поскольку В.И. Харкевич считал излишним направлять копии сводок в войска. С другой стороны, ощущалась нехватка современного типографского оборудования, которое было получено только в марте 1905 г.

Только под влиянием поражений на фронте и явных промахов возглавляемой им службы генерал-квартирмейстер санкционировал рассылку сводок по корпусам в сентябре 1904 г. После реформирования Маньчжурской армии в три новых войсковых объединения такая практика была распространена и на их штабы, которые в свою очередь направляли копии сводок в подчиненные им корпуса, дивизии и отдельные отряды. По справедливому замечанию авторов отчета разведывательного отделения, результатом функционирования многоуровневой системы являлось серьезное запаздывание в получении оперативных данных теми, кто в них особенно нуждался, т.е. войсками на фронте²⁹⁶.

К середине 1904 г. сам контекст сводок приобрел стандартную форму, которая до конца войны получила лишь незначительные уточнения. Обычно сводка включала следующие разделы:

1. О численности и группировке японских войск (сначала по южной и восточной группам, а затем по армиям);

2. Об укреплениях;
3. О планах японцев;
4. Об устройстве тыла;
5. Об организации японских войск, ходе мобилизации и новых формированиях;
6. О китайских войсках;
7. О настроениях местного населения (Маньчжурии, Монголии и Кореи);
8. Об отдельных интересных фактах, заслуживающих внимания (взятых главным образом из иностранной прессы).

В качестве дополнений к сводкам иногда прилагались схемы, чертежи, кроки, планы, рисунки и фотографии, а процесс их составления подразумевал сортировку первичных, «сырых» данных по степени достоверности на следующие две группы: *документальных* (т.е. не требовавших дальнейшей верификации вещественных доказательств) и *предположительных* (т.е. заслуживавших перепроверки донесений военных атташе, негласных агентов и лазутчиков). Любопытно, что примерно до середины 1904 г. вторая группа сведений абсолютно преобладала над первой²⁹⁷.

К сожалению, качество разведывательных сводок и бюллетеней зачастую оставляло желать лучшего. По свидетельству помощника старшего адъютанта штаба 2-й Маньчжурской армии капитана, а затем полковника П.И. Измestьева, бывали случаи, когда в них «документально устанавливалось то, что на другой день документально же опровергалось». Дополнительные трудности с получением объективной информации высшим командованием объяснялись постоянной конкуренцией и разобщенностью штабов различного уровня, каждый из которых стремился «щегольнуть друг перед другом богатством добываемых сведений» в ущерб их тщательной верификации²⁹⁸.

Подводя итоги аналитической работы русской военной разведки в рассматриваемый период, необходимо также упомянуть публикацию нескольких справочников, а именно: «Перечня начальников дивизий и командиров бригад японской армии» (два издания), «Организации японских сухопутных вооруженных сил» (также два издания) и «Боевого расписания японских армий» по состоянию на 1 (14) декабря 1904 г. Работа по составлению и изданию аналогичных статистических сборников была успешно продолжена в позиционный период войны и не прекратилась после установления мира на Дальнем Востоке.

ГЛАВА III

Русская военная разведка в период позиционной войны (ноябрь 1904 — сентябрь 1905 гг.)

Настал уж час, настало время!
Мы восстановим вновь закон!
Войны не тяжело нам бремя,
России — смерть! Вперед, Ниппон!

Японская военная песня 1904 г.

Совершенствование организации военно-разведывательной службы

6 (19) октября 1904 г. Николай II сообщал кайзеру Вильгельму, или своему «дорогому кузену Вилли», как называл царь германского императора:

«Буду продолжать войну до конца, до дня, когда последний японец будет изгнан из Маньчжурии!»²⁹⁹

Казалось бы, складывавшаяся к середине октября обстановка на фронте благоприятствовала твердой решимости российского самодержца победоносно закончить дальневосточную кампанию: японское наступление в Северо-Восточном Китае было остановлено на р. Шахэ, количественный состав сосредоточенной там группировки русских войск, несмотря на потери, достиг 210 тыс. чел. (а к 1 января 1905 г. — уже более 300 тыс.), Транссибирская дорога пропускала до 14 (вместо 4-х еще десять месяцев

назад) пар поездов в сутки, защитники морской крепости Порт-Артур продолжали героически отбивать яростные атаки противника, который не смог захватить ни один из фортов внешних укреплений, наконец, у России оставался в запасе Балтийский и Черноморский флоты, объединенные силы которых с лихвой перекрывали боевую мощь японских броненосцев и крейсеров.

Кроме того, царь после долгих колебаний решил все-таки внести давно назревшие изменения в структуру управления действующей армии и флота, отражавшие переход войны в качественно иную стадию — позиционную. 10 (23) октября 1904 г. император записал в своем дневнике:

«...Решил назначить Куропаткина главнокомандующим на Дальнем Востоке с освобождением Алексея от этой обязанности, но с оставлением его Наместником. Много внутренней борьбы понадобилось для того, чтобы я пришел к этому решению»³⁰⁰.

Таким образом, пагубное для русской армии двуначалие было устранено — адмирал Е.И. Алексеев отзывался в столицу, его штаб ликвидировался, а все нити общего управления сухопутными и морскими силами сосредотачивались в руках наиболее популярного в народе генерала А.Н. Куропаткина. С середины октября он стал главнокомандующим, а прежде единая Маньчжурская армия была разделена на три, каждая со своим штабом и, естественно, разведывательным отделением.

Приказом нового главнокомандующего официальные атташе в Цинской империи и военные комиссары трех ее северо-восточных провинций переподчинялись напрямую Куропаткину, штаб которого, тем самым, де-юре был призван координировать стратегическую разведку на театре войны³⁰¹.

Одновременно непосредственная работа на тактическом и оперативном уровнях перешла к разведывательным отделениям 1-й, 2-й и 3-й армий, которые направляли в штаб главнокомандующего сводки сведений о противнике уже в обработанном виде. Вместе с тем сохранилась практика прямых контактов этой высшей командной структуры с другими штабами (тыла, Приамурского военного округа, Заамурского округа пограничной стражи), а также с дипломатическими и финансовыми представителями России на Дальнем Востоке.

Не удивительно, что столь масштабная перестройка руководящих органов потребовала кадровых изменений. Вместо В.И. Харкевича, получившего должность начальника штаба главнокомандующего, Управление генерал-квартирмейстера возглавил генерал-майор А.Е. Эверт (после Мукденской катастрофы в марте 1905 г. его заменил генерал-майор В.А. Орановский, который приходился зятем Н.П. Линевичу).

С ноября – декабря 1904 г. квартирмейстерские части армий, курировавшие разведывательные отделения, возглавили соответственно: в 1-й – генерал-майор В.Е. Флуг (с марта 1905 г. замещен генерал-лейтенантом Харкевичем), во 2-й – генерал-майор Г.М. Шванк (замещен Флугом) и в 3-й – генерал-майор М.В. Алексеев³⁰².

Помимо перестановок на уровне высших офицеров личный состав разведывательных отделений также пополнился новыми лицами, в том числе и прикомандированными к ним генштабистами – от капитана до полковника включительно. Кроме того, объем и содержание их функций были уточнены. В частности, из ведения разведывательных отделений изъяли вопросы контрразведки, цензуры и контроля за иностранными корреспондентами на театре войны, что позволило им сосредоточить внимание на качественном улучшении всего цикла сбора, анализа и распространения информации о противнике³⁰³.

Поражение русских войск под Мукденом в феврале – марте 1905 г. и поспешное отступление трех маньчжурских армий на север привели не только к потере соприкосновения с противником, но и к захвату японцами обоза штаба А.Н. Куропаткина вместе со всеми оперативными документами и архивом. Это затруднило, а в отдельных случаях сделало невозможным продолжение работы с агентурой сетью в странах региона. Мукденская катастрофа самым негативным образом сказалась на умах местного населения, которое окончательно потеряло веру в победу русского оружия. Показательно, что многие китайцы, которые ранее склонялись к сотрудничеству с российской военной разведкой, стремились теперь прекратить всякие контакты, не соглашаясь поступать на службу к подданным «белого царя» в качестве лазутчиков ни за какое вознаграждение.

2 (15) марта 1905 г., то есть менее чем через полгода после своего назначения главнокомандующим, генерал Куропаткин был смещен царем с этого поста, хотя и оставлен во главе 1-й армии³⁰⁴. Заменивший его Н.П. Линевич проявлял еще большую осторожность, не помышляя уже о наступлении вплоть до заключения мира, хотя к середине 1905 г. количественно русские почти вдвое превышали японцев.

Однако, как это ни выглядело парадоксально на фоне поражений сухопутных и морских сил России, ее военная разведка именно в заключительные месяцы войны, оправившись от урона, понесенного под Мукденом, достигла высокого профессионального мастерства своей деятельности. Заметный прогресс наблюдался в сфере координации оперативных мероприятий штабов, применения новых методик агентурной работы, использовании ряда технических новинок.

На протяжении второго периода войны все направления русской военной разведки получили дальнейшее развитие. Но особое значение для окончания затянувшейся маньчжурской кампании по-прежнему имел стратегический уровень обеспечения разведывательного цикла.

Российская стратегическая разведка в Европе и на Дальнем Востоке

К основным задачам стратегической разведки, с которыми она столкнулась в предыдущие месяцы войны, добавились новые, а именно, точная оценка перспектив ее продолжения, учитывая внутреннее состояние Японии и России, а также возможность вмешательства других держав (прежде всего, Великобритании, Франции, Германии и США). В сфере военноморской деятельности разведка была призвана обеспечить безопасность эскадры З.П. Рожественского на маршруте плавания через три океана протяженностью около 18 тыс. миль. Помимо этого, необходимо было усилить наблюдение за военными заказами японцев в Европе на фоне затяжного позиционного противостояния.

Источники свидетельствуют, что самое пристальное внимание в этот период уделялось традиционному геостратегическому сопернику России — Великобритании, продлившей союз с Японией в сентябре 1905 г. Очевидно, неслучайно наибольшая доля из ассигнований, отпущенных военным атташе для сбора информации о противнике, предназначалась генерал-майору Н.С. Ермолову, аккредитованному на берегах Темзы. По смете Главного штаба она составила 15 тыс. руб. из совокупного отпуска на стратегическую разведку в размере 65 тыс. руб.³⁰⁵

На протяжении войны Лондон делал все от него зависящее, чтобы помешать переброске русских сил, особенно морских, из европейской в азиатскую часть империи. И дело здесь было не только в том, чтобы сорвать процесс усиления военного присутствия России на Дальнем Востоке, но и чтобы сохранить баланс сил в Европе на фоне ускоренной милитаризации Германии.

Крайне опасного рубежа конфронтация между Лондоном и Петербургом достигла как раз в дни крупного сражения на р. Шахэ. 2 (15) октября 1904 г. эскадра адмирала З.П. Рожественского вышла из Ливавы, а уже через неделю в Северном море у Доггер-банки недалеко от британского порта Гулль произошел хорошо известный инцидент с кораблями эскадры, обстрелявшими по ошибке в условиях плохой видимости рыбаков-

кие суда англичан, которые были приняты русскими моряками за японские миноносцы.

Все обстоятельства этого эпизода не раскрыты до конца. Однако сам характер происшествия, отчасти вызванного, по мнению некоторых исследователей, излишней антироссийской активностью Лондона, хорошо передает атмосферу нервозности, в которой проходил поход 2-й Тихоокеанской эскадры³⁰⁶.

Неуверенность в собственных силах и, как следствие, сверхподозрительность, граничившая со шпиономанией, охватили военное и военно-морское ведомства России. «Японские агенты были повсюду, — передавал настроения участников похода один из британских историков. — Они наблюдали за каждым маневром флота из подводных лодок, с помощью воздушных шаров, с нейтральных торговых судов. Говорили, что они поставили мины вдоль морского побережья Нидерландов. Некоторые люди клялись, что они видели японские эсминцы, притаившиеся в голландских и английских портах»³⁰⁷.

Вполне естественно, что адмирал З.П. Рожественский отдал команду усилить наблюдение, сохраняя высокую степень боеготовности. «Всякое судно, которое попытается приблизиться к эскадре, должно быть обстреляно», — так гласил его приказ. Менее объяснима пассивность официальных военных атташе России в европейских столицах, особенно генерал-майора Н.С. Ермолова, который спустя две недели после инцидента, то есть 23 октября (5 ноября) 1904 г., ограничился отправкой в Петербург шифротелеграммы с описанием непрекращающихся заседаний Комитета имперской обороны и военно-морских приготовлений англичан на случай провала усилий третейского арбитража по мирному разрешению конфликта³⁰⁸.

Представляя свое видение ситуации в секретном донесении от 29 октября (11 ноября) того же года, Ермолов следующим образом оценивал позицию сторонников разрыва отношений с Россией в британском истэблিশменте:

«Конечно, и в этом случае (то есть, если международная арбитражная комиссия, созванная по инициативе России, не смогла бы урегулировать конфликт. — Е. С.) вопрос о возможности войны будет еще зависеть от многих обстоятельств, например, от отношения к политическому положению Германии, Франции и т.п. Кроме того, насколько я могу судить, в финансовых и деловых сферах, в публике войны не желают. Возбуждение, поднятое случаем в Северном море, здесь несколько успокоилось. Но, тем не менее, мне кажется, что нам необходимо иметь в виду неблагоприятную возможность, причем возбуждение может снова возникнуть и даже увлечь слабый кабинет Бальфура»³⁰⁹.

О серьезности момента свидетельствовало приведение британского флота в повышенную боевую готовность и посылка крейсерской группы для контроля за продвижением эскадры через Атлантику. Реальность разрыва российско-британских отношений подтверждалась также широкой кампанией протеста в европейской прессе, демонстрациями общественности на берегах Темзы с требованиями немедленно объявить войну романовской империи, а также попыткой задержать главные силы эскадры испанским правительством с подачи англичан в порту Виго³¹⁰.

Опасения широкого международного резонанса и пассивность военных атташе в европейских столицах заставили Петербург прибегнуть к услугам зарубежной агентуры Департамента полиции Министерства внутренних дел. Из архивных материалов этого ведомства следует, что операцию по обеспечению безопасности маршрута эскадры Рождественского возглавил чиновник по особым поручениям И.Ф. Манусевич-Мануйлов, обладавший богатым опытом выполнения различных поручений весьма деликатного свойства.

Результатом довольно активной деятельности последнего стало привлечение к сотрудничеству информаторов в японских дипломатических миссиях, аккредитованных при правительствах Франции (например, некоего дворецкого по фамилии ван Веркенс), Нидерландов и Великобритании. Кроме того, были установлены контакты с сотрудниками американского посольства в Бельгии и итальянского в Париже. С помощью этой агентурной сети Мануйлов установил наблюдение за секретной перепиской японцев, дешифровав при содействии начальника французской секретной полиции Кавара и руководителя Разведывательного бюро Министерства внутренних дел Моро не только дипломатическую почту, но и донесения бывшего военного атташе в России полковника М. Акаси, обосновавшегося с началом войны на территории Швеции.

В феврале 1905 г. Мануйлову удалось завербовать горничную одной из парижских гостиниц, где обычно останавливался Акаси, что позволило быть в курсе дел «одного из деятельных агентов японского правительства». При этом общая сумма ассигнований полицейскому чиновнику на цели военной разведки составила довольно внушительную цифру 300 тыс. руб.³¹¹

Мемуаристы ссылались на противоречивые мнения современников относительно деятельности И.Ф. Манусевича-Мануйлова. Весьма скептически оценивали ее и специалисты, изучившие данный сюжет в деталях. Однако документально зафиксирована передача Мануйловым сменившему его на берегах Сены чиновнику Департамента полиции шести ящиков документации на японском и китайском языках³¹².

Реальным успехом военной разведки, безусловно, следует признать то, что на всем маршруте следования 2-й Тихоокеанской эскадры не было зафиксировано каких-либо диверсионных актов против нее, хотя слухи о японских крейсерах и миноносцах, готовых к неожиданной атаке русских кораблей в портах Атлантики и Индийского океана по образцу Порт-Артура и Чемульпо, продолжали будоражить их экипажи и после Гульско-го инцидента³¹³.

Завершая тему возможного столкновения России и Британии в связи с эпизодом в Северном море, сошлемся также на шифротелеграмму военного агента во Франции полковника В.П. Лазарева от 24 октября (6 ноября) 1904 г., которая вызвала эффект «холодного душа» на берегах Невы. В ответ на запрос военного ведомства о возможной поддержке Парижем Петербурга атташе информировал руководство со всей категоричностью:

«Ввиду неопределенности отношений с Англией считаю долгом донести, что Франция ни в каком случае не окажет вооруженное содействие нам в борьбе с ней»³¹⁴.

Официальные военные агенты России в государствах Старого Света, имена которых приведены в предыдущей главе, продолжали собирать информацию о стратегических целях командования Страны восходящего солнца, закупках вооружения и финансовых займах Токио для продолжения кампании.

Так, осенью 1904 г. В.П. Лазарев представил в Главный штаб копию письма одного из своих агентов в Японии, француза по национальности, сообщавшего о ситуации вокруг Порт-Артура, положении дел в японской артиллерии и планах противника по увеличению сроков пребывания в запасе³¹⁵. Позднее, уже весной 1905 г., этот же военный атташе докладывал в Петербург о суждениях одного из французских офицеров, возвратившихся из командировки в штаб главнокомандующего маршала Ойямы, по поводу дальнейших намерений неприятеля:

«...Японцы боятся «нового Порт-Артура» — Владивостока; они вряд ли будут серьезно осаждать его до взятия Харбина. Они находят, что мы не умеем пользоваться кавалерией и конной артиллерией; последняя часто отстает, наши строи слишком густые, и мы плохо стреляем; японцы больше всего боятся затяжки войны на долгое время и постройки второй колеи на Сибирской железной дороге. Единственная тактика с ними — медленно истощать их силы, бить отдельные, слишком удаляющиеся отряды и не давать боя без уверенности в победе, для чего надо двойное превосходство. Для Владивостока он считает необходимым гарнизон в 50 тыс. и запас на два года»³¹⁶.

Впрочем, в данном случае не исключена дезинформация, поскольку сведения о возможной атаке Владивостока заставляли А.Н. Куропаткина и сменившего его Н.П. Линевича, выделять все новые и новые части для гипотетической обороны последней морской крепости, оставшейся у России на театре военных действий, ослабляя тем самым полевые армии.

Другой секретный осведомитель по фамилии Ботхер, состоявший в контакте с полковником В.Н. Шебеко, передавал через него в российскую столицу результаты своих наблюдений, которые он сделал, проехав вдоль нейтральной полосы между линиями позиций обеих сторон. Оценивая работу информатора, Шебеко 18 февраля (3 марта) 1905 г. сообщал в Главный штаб из Берлина:

«Общий вывод Ботхера сводится к тому, что собственно опасности от хунхузов нет; на самом театре войны японцы очень мало пользуются китайцами; гораздо важнее поддерживаемое японцами брожение в массах народных против русских и всяких иностранцев...»³¹⁷

Реакция командования маньчжурских армий на подобные донесения состояла в отправке конных экспедиций и усилении агентурной разведки на территориях, прилегавших к районам боевых действий, т.е. Внутренней Монголии и Северной Маньчжурии (речь о них пойдет ниже).

Кроме того, полковник Шебеко не обходил вниманием и военные поставки для Токио. Его рапорты об отправке орудий, изготовленных для противника на заводах Круппа, содержали указания конкретных графиков погрузки транспортных судов и захода в порты на пути следования к японским берегам³¹⁸. Однако практического использования эти ценные сведения не нашли, поскольку, как отмечалось выше, план Главного морского штаба организовать перехват транспортов противника силами крейсерских групп на океанских коммуникациях оказался по ряду причин трудновыполнимым. Не помогло даже использование каналов связи, которые контролировали военно-морские атташе России в европейских государствах, а также секретные агенты в Суэце и на островах Зеленого мыса.

Впрочем, протесты Петербурга по поводу выполнения немецкими фирмами японских военных заказов, высказанные на страницах газет и в доверительных посланиях Николая «кузену Вилли», равно не имели успеха, поскольку кайзер назвал сведения военных атташе ложными. Их якобы дезинформировали британские и французские компании, заинтересованные в очернении конкурентов — германских концернов³¹⁹.

На протяжении всего второго этапа войны продолжали активно работать российские военные атташе и гражданские лица в Китае, хотя оккупация японскими войсками Кореи и возраставшее разочарование цинских

властей в боеспособности царских войск сужали пространство информационно-разведывательной деятельности. Тем не менее, полковник Ф.Е. Огородников и генерал-майор К.Н. Десино не оставляли усилий по предотвращению сползания Пекина к конфронтации с Россией, стремясь использовать любую благоприятную возможность. В этой связи стоит упомянуть о телеграмме уже знакомого нам А.И. Павлова в МИД с информацией о перспективах организации антияпонского восстания населения острова Формоза (Тайвань) при содействии одного из китайских генералов, имевших беседу с Десино в декабре 1904 г. (январе 1905 г.)³²⁰.

Основой для разработки планов, говоря современным языком, дестабилизации глубокого тыла японской армии послужила аналитическая записка разведывательного отделения штаба главнокомандующего от 29 ноября (11 декабря) 1904 г., в которой оценивались политические и военные цели Токио на ближайший период войны. Вывод, сделанный ее составителями — полковником Линда и подполковниками Левандовским и Винекеном, не оставлял сомнений по поводу главной задачи противника — полного уничтожения Тихоокеанского флота и его баз в Порт-Артуре, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском. Примечательно, что А.Н. Куропаткин по прочтении документа 5 (18) декабря наложил следующую резолюцию на его первой странице:

«Весьма интересная записка. Прошу послать ее командующим армиями»³²¹.

Как отмечалось ранее, дополнительные проблемы у русской военной разведки на Дальнем Востоке возникли в связи с захватом японцами штабного обоза под Мукденом. Дело дошло до того, что А.И. Павлову пришлось отозвать из Японии одного из лучших своих агентов — французского журналиста Бале, имя которого открыто упоминалось в документации разведывательного отделения³²². Кстати, это обстоятельство вкупе с провалом отставного французского капитана Бугуена, упомянутого в предыдущей главе, заставили одного из руководителей военной разведки полковника М.А. Адабаша предложить всему персоналу специальных служб впредь именовать секретных агентов, хотя бы и в служебной переписке, по номерам или оперативным кличкам³²³.

Усиление стратегической разведки силами тайной агентуры последовало в апреле — июне 1905 г. Оно включало расширение сети информаторов, диверсификацию каналов получения сведений, совершенствование методики проведения операций. В частности, зимой 1904–1905 гг. полковником Линда были привлечены к сотрудничеству французские граждане Эшар и Пларр, которые были отправлены в Японию: первый — в феврале, а второй — в июне 1905 г. Круг поставленных перед ними задач

охватывал выяснение номеров и численности формируемых частей в составе бригад и дивизий. Особое внимание информаторам следовало уделить планам японцев относительно Владивостока и Сахалина. Связь с ними поддерживалась через военных агентов и консулов в Шанхае, Чифу и Хабаровске³²⁴.

Практически в то же время, а именно 8 (21) апреля 1905 г., один из старших офицеров разведывательного отделения штаба главнокомандующего — подполковник Винекен — разработал операцию с заброской на Японские острова поручика 11-го Восточного-Сибирского стрелкового полка Субботича под видом сербского журналиста Маринковича. Докладная записка Винекена по этому вопросу на имя генерал-квартирмейстера В.А. Орановского содержала следующее обоснование секретной миссии этой незаурядной личности:

«...Наша тайная агентура в Японии потерпела почти непоправимый удар вследствие пропажи материалов с обозначением фамилий агентов при отступлении от Мукдена; ввиду грозящей им жизненной опасности почти все агенты были вызваны из Японии. Тем более полагал бы необходимым воспользоваться благоприятным случаем, который дает нам возможность командировать в Японию ныне же лицо, знакомое с военным делом и заслуживающее полное доверие. Поручик 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Субботич вызвался добровольно на столь опасное и рискованное предприятие. Его военное образование, нерусское происхождение, великолепное знание иностранных языков, немецкого и французского, заграничное воспитание, родственные связи в правящих сферах Сербии — все это данные, сулящие успешное и блестящее выполнение возложенной на него Вашим Превосходительством задачи».

Далее автор докладной записки предлагал открыть агенту самый широкий кредит, чтобы дать возможность останавливаться в лучших отелях, вращаться в «интеллигентных слоях общества», не привлекая внимания японской полиции. Связь с Субботичем предполагалось организовать через известного читателю представителя Министерства финансов в Пекине статского советника Л.Ф. Давыдова. В резолюции Н.П. Линевича на документе высказывалось одобрение плана проведения операции и санкционировалось выделение Субботичу 2 тыс. руб. одновременно и по 1 тыс. руб. ежемесячно для пребывания на Японских островах³²⁵.

К сожалению, нам не известны результаты деятельности эмиссара подполковника Винекена. Зато в деталях изучена биография другого секретного агента-двойника — португальца по происхождению, британского подданного, коммивояжера по профессии Хосе Марии Гидиса, который с началом военных действий предложил свои услуги сначала полковнику

Огородникову, а затем консулу в Тяньцзине Н.В. Лаптеву, представлявшему по совместительству интересы Португалии в этом китайском городе. Гидис дважды арестовывался сначала японской, а затем и русской контрразведкой, снабжая секретными сведениями, как первую, так и вторую на протяжении апреля – декабря 1904 г. В основном они касались численности и дислокации войск противоборствовавших сторон, хотя в одной из шифротелеграмм Огородникова на имя Харкевича, датированной 22 мая (4 июня), передавалось сообщение Гидиса о подготовке японскими диверсантами покушений на жизни Куропаткина и чинов его штаба. Окончание эпопеи агента связано с выдачей его после заключения в российских тюрьмах варшавским генерал-губернатором Скалоном британскому консулу в январе 1906 г.³²⁶

К началу июня 1905 г. в штабе главнокомандующего, наконец, поняли значимость более четкого разграничения задач и функций стратегической разведки по районам. Директивы первому военному агенту в Китае полковнику Огородникову формулировали новое видение проблемы:

«В целях постановки дела дальней разведки на более прочных основаниях и установления более тесной связи с вверенным мне штабом, — подчеркивал начальник штаба главнокомандующего В.И. Харкевич, — я решил изменить постановку дальней разведки на нижеследующих началах.

Разведка делится по районам, а именно на три части:

1. Япония и Корея.
2. Маньчжурия — к западу от меридиана Фынхуачень расположения противника на фронте и его тыле.
3. Порты Маньчжурии — Инкоу, Дальний, Далиенван, Бицзыво, Дагушань, Датунгоу, Шахэцзы и др.; и разведка специально на Ляодунском полуострове и восточной Маньчжурии — к востоку от меридиана Фынхуачень.

При этом разведки эти возлагаются:

- а) первая на первого военного агента в Китае (Тяньцзинь) (т. е. самого Огородникова. — *Е. С.*), с уменьшением ежемесячного аванса до 15 тыс. руб.;
- б) вторая — на его помощника (Шанхайгуань) (т.е. уже известного нам капитана Афанасьева. — *Е. С.*) с ежемесячным авансом до 7 тыс. 500 руб.;
- в) третья — на особого офицера, место пребывания коего назначено в Чифу (т.е. упоминавшегося выше штабс-капитана П. Россова. — *Е. С.*), как пункте, наиболее отвечающем условиям ведения этой разведки; при этом ежемесячный аванс определен в 7 тыс. 500 руб.

Расходы на телеграммы в эти авансы не включены.

Для поддержания тесной связи между штабом главнокомандующего и ведущими тайную разведку этими последними в целях взаимной провер-

ки будет сообщаться вкратце сводка достоверных данных по телеграфу, не считая посылки на имя первого военного агента в Пекине текущих сводок по почте.

Уведомляя об изложенном, прошу Вас принять на себя ведение тайной разведки в Японии и Корее.

Разведка эта обнимает сведения о вооруженных силах Японии, их организации, новых формированиях, комплектовании, строевых и административных приготовлениях, о снабжении армии, о гарнизонах и передвижениях войск в Японии и Корее, наконец, сведения о корейском театре и настроении жителей в обеих странах»³²⁷.

Установленная впервые в практике схема организации стратегической разведки на Дальнем Востоке требовала изменения руководства агентурной сетью. Поэтому полковнику Огородникову было предложено передать своих осведомителей капитану Афанасьеву, а генерал-майору Десино — штабс-капитану Россову. Как отмечалось в отчете разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера, внедрение этой схемы в жизнь сопровождалось попытками заброски агентов в тыл японских войск на материке из Шанхайгуаня — важного стратегического пункта на маршруте следования из провинций, окружавших Пекин, в Маньчжурию. Агенты, среди которых у Афанасьева и Россова в отличие от официальных военных атташе стали преобладать китайцы, должны были наниматься на работу у японцев и после пребывания в расположении какой-либо части стремиться перейти линию фронта в направлении позиций, занимаемых русскими, для передачи собранной информации в штабы армий и главнокомандующего³²⁸.

Специальная инструкция, составленная капитаном Афанасьевым для своих агентов, указывала им на необходимость точно знать, «по какой дороге шли, через какие пункты, деревни, города, где останавливались». Далее от них требовалось составить подробный маршрут передвижения с описанием всего виденного и слышанного. Получив работу у японцев, следовало предложить им свои услуги в качестве лазутчика для проникновения в расположение русских войск, обеспечив себе тем самым алиби для перехода линии фронта. В случае невозможности использовать заранее намеченные маршруты агенты должны были пробираться в штаб Н.П. Линевица кружным путем:

«Помощник военного агента в Китае капитан Афанасьев, — информировал генерал-квартирмейстер главнокомандующего В.А. Орановский своего подчиненного, генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии М.В. Алексеева 21 июня (3 июля) 1905 г., — будет посылать из Шанхайгуаня в штаб главнокомандующего разведчиков-китайцев через располо-

жение японских армий, где они будут наниматься у японцев разведчиками-носильщиками и т.п. На подкладке левого рукава агентов капитана Афанасьева будет иероглиф «фу» (счастье) во избежание задержек...»³²⁹

Общая численность таких «сквозных» агентов к середине 1905 г. достигала 17 человек, а ежемесячная сумма расходов на них составляла примерно 7–9 тыс. руб. Переговоры о мире не позволили развернуть эту работу в должном масштабе³³⁰.

Важное место в проведении стратегической разведки на протяжении рассматриваемого периода занимала отправка специальной группы под видом буддийских монахов в Тибет осенью 1904 г. Руководителем миссии был назначен подъяесаул Н.Э. Уланов, калмык по национальности, выпускник академии Генерального штаба, свободно владевший тибетским и некоторыми другими восточными языками, хорошо знавший традиции и обряды жителей высокогорной страны.

Дело в том, что Петербург прилагал энергичные усилия с целью нейтрализации влияния Лондона в Центральной Азии, с одной стороны, и создания обстановки нестабильности на западе Цинской империи, — с другой. Это, по мысли российской дипломатии, помогло бы связать руки англичанам на подступах к Индии, а китайцам — в Синьцзяне и Монголии. О значении, которое придавалось миссии Уланова, свидетельствовал личный контроль за ее подготовкой не только военного министра А.Н. Куропаткина, но и самого Николая II. И хотя она задумывалась еще до русско-японской войны, с началом боевых действий важность сбора сведений о Тибете только возросла.

Непосредственную помощь в организации экспедиции оказало дипломатическое представительство России в Кульдже, куда она прибыла в октябре 1904 г. Отсюда группа в составе семи человек, одетых паломниками, на десяти верблюдах выступила в направлении столицы Тибета — Лхасы. Неожиданная смерть Уланова в результате какой-то инфекционной болезни задержала членов миссии, которых теперь возглавил заместитель руководителя, также калмык, буддийский священник Ульянов.

Достигнув Лхасы в середине мая 1905 г., группа Ульянова провела там целых три месяца, собирая разнообразную информацию о региональной военно-политической ситуации. Все это время Ульянов, которого приняли за крупного знатока ламаизма, продолжал вести секретный путевой журнал, куда заносил свои наблюдения и сведения о событиях, случившихся с членами экспедиции. Для того, чтобы никто не смог прочитать эти записи, он вел журнал на калмыцком языке.

В результате миссии Ульянова, возвратившегося на берега Невы 17 (30) марта 1906 г., было принято решение о подготовке переезда Далай-

ламы из Урги в Лхасу, откуда он бежал в 1904 г., спасаясь от британского вооруженного отряда, захватившего столицу Страны снегов (попутно стоит отметить, что еще более далеко идущие планы военного ведомства переселить тибетского духовного и политического лидера в Забайкалье не получили поддержки министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа и Наместника Е.И. Алексеева). Кроме того, сведения собранные экспедицией, сыграли впоследствии свою роль при подготовке известного российско-британского соглашения 1907 г. о разграничении сфер интересов двух империй в Азии³³¹.

Завершая рассказ о стратегическом уровне военно-разведывательной деятельности, необходимо вернуться к попыткам русского командования воздействовать на общественное мнение стран Дальнего Востока через газеты. Мы уже рассказывали о двух печатных органах: «China Review» («Обозрение Китая») и «Шэнцзиньбао» («Возрождение»), выходявших с осени 1904 г. соответственно на английском и китайском языках в Пекине и Мукдене (не считая издававшихся на русском языке в Харбине газет «Харбинский вестник», «Новый край» и «Вестник маньчжурских армий»). Особенно важно было разъяснять местному населению, или, по крайней мере, его образованной части, смысл действий военных властей России в Маньчжурии, поскольку газета «Шэнцзиньбао» оставалась единственной на китайском языке в северо-восточных провинциях Поднебесной³³².

Однако противодействие японцев и весьма сдержанное отношение цинских властей привели к прекращению издания силами китайских рабочих в арендованной частной типографии. С начала 1905 г. Куропаткин приказал возобновить публикацию газеты, которая выходила теперь два раза в неделю. Однако поражение под Мукденом и отступление русских армий дальше на север не позволило продолжить издание этого печатного органа, последний номер которого вышел 24 февраля (9 марта) того же года. Только в конце марта — начале апреля к проблеме вернулись, поручив восстановление газеты военному комиссару Мукденской провинции полковнику М.Ф. Квещинскому, который зарекомендовал себя неплохим организатором.

28 марта (10 апреля) 1905 г. В.А. Орановский, занявший должность генерал-квартирмейстера штаба Н.П. Линевича, писал на имя комиссара Квещинского:

«Главкомандующий придает огромное значение распространению среди местного китайского населения посредством печати достоверных и нам благоприятных сведений о положении дел на театре военных действий. Его Высокопревосходительство находит в настоящее время и при данном положении вещей крайне необходимым безотлагательно возобно-

вить издание китайской газеты под Вашим руководством. Это послужит наилучшим противовесом тем ложным, тенденциозным, вредящим нам сведениям, которые японцы нарочно распускают среди местного китайского населения для подрыва нашего престижа в глазах этого последнего. Поэтому главнокомандующий приказал немедленно приступить к изданию газеты на китайском языке на тех же основаниях, как и издание газеты «Шэнцинъбао» в г. Харбине или другом каком-либо пункте по Вашему усмотрению»³³³.

Однако, несмотря на выделение средств для приобретения типографского оборудования в Шанхае и найма работников в количестве 18 человек, издание газеты так и не возобновилось. Дело в том, что станки и персонал «застряли» в Тяньцзине до конца войны, откуда уже 21 октября (3 ноября) 1905 г. они были переправлены морем во Владивосток, а затем в январе 1906 г. приказом Н.П. Линевича доставлены в Управление КВЖД. Так был упущен шанс использовать одно из эффективных средств влияния на местных жителей региона в интересах России³³⁴.

И все же опыт, приобретенный военной разведкой России на стратегическом уровне, не только позволил предотвратить захват японцами Владивостока и Петропавловска, но и способствовал успешному завершению мирных переговоров между дипломатическими представителями обеих империй в американском Портсмуте к концу августа (началу сентября) 1905 г.

Достижения и неудачи тактической разведки на театре войны

Новая стратегическая обстановка, сложившаяся на русско-японском фронте по завершении преимущественно маневренной стадии войны, заставила командование маньчжурских армий усилить тактическую разведку флангов. Переключение внимания к указанной области разведывательной деятельности диктовалось также двумя дополнительными обстоятельствами, а именно: отражением попыток японцев совершать глубокие фланговые обходы и возраставшими опасениями А.Н. Куропаткина массовых антироссийских выступлений местного населения в непосредственной близости от линии фронта при подстрекательстве со стороны противника.

О серьезности угрозы повторения «боксерского» восстания 1900–1901 гг., но теперь уже исключительно против русских, говорили сообще-

ния, поступавшие в штаб главнокомандующего из различных источников. Так, например, военный корреспондент Н. Кравченко, который опубликовал содержательный сборник своих корреспонденций, очерков и воспоминаний о событиях 1904–1905 гг., неоднократно упоминал о попытках японцев использовать прежние «обиды» китайского населения против русских под лозунгом «Азия для азиатов». В его книге можно найти сообщение о том, что уже через несколько дней после открытия боевых действий в Кантоне (Гуанчжоу), т.е. на юге Китая, появились прокламации, побуждавшие китайцев к восстанию и убийству всех европейцев, а значит, прежде всего, русских. Как писали в них руководители нового движения: «Нужно уничтожить следы заморских чертей так, чтобы даже стебелька травы не осталось от них»³³⁵.

В этой связи наибольшее значение приобретал **правый фланг** обороны маньчжурских армий, который прилегал к Внутренней Монголии. Русское командование получало сведения о движении крупных бандформирований хунхузов во главе с японскими инструкторами на Цицикар — узловой транспортный пункт КВЖД. Причем совершались они в условиях отсутствия четкого разграничения театра военных действий и нейтральной территории Китая, а также наличия лагун в топографическом обеспечении действий царских войск на флангах.³³⁶

Свою роль играло также изменение отношения монгольских князей и аратов к русским — от доброжелательного в начале войны до неприязненного в ее завершающей фазе — из-за нередких бесчинств со стороны армейских фуражиров³³⁷. Для иллюстрации сказанного приведем отрывок из рапорта начальника штаба 3-й Маньчжурской армии генерал-лейтенанта Ф.Ф. Мартсона на имя Харкевича от 6 (19) июля 1905 г.:

«За последнее время все чаще стали поступать сведения, что население монгольских ванов (князей. — Е. С.) уже открыто выражает недовольство против русских. Бесцеремонное отношение наших фуражиров и покупателей скота иногда доходит до того, что, судя по жалобам монголов, отнимается последний скот с уплатой ничтожной цены. Ныне уже предписано прекратить посылку фуражиров за скотом, возложив покупку его на интендантских комиссаров, но пока их действия дает результаты, покупка будет продолжаться. Помимо этой причины недовольства, монголы не понимают наших кредитных билетов и смотрят на них как на реквизиционные квитанции, а японцы платят серебром...»³³⁸

Отсюда стремление А.Н. Куропаткина, а затем и Н.П. Линевича при содействии штабов 3-й Маньчжурской армии, тыла и пограничной стражи, а также военных комиссаров (особенно Хэйлунцзянской провинции — полковника К.П. Линда) и консулов (например, в Урге — В.Ф. Люба)

направить экспедиции в районы Восточной (Внутренней) Монголии под руководством не только военных, но и гражданских лиц. Основными задачами этих миссий являлись:

- проверка сведений о передвижении диверсионных групп в направлении мостов, туннелей и интендантских складов на линии КВЖД и ЮМЖД;
- сбор статистических сведений о количестве скота у местного населения, пригодного для покупки фуражирами;
- оценка настроений монгольских князей и предоставление им крупных денежных субсидий, чтобы предотвратить переход на сторону японцев;
- топографическое описание местности.

Отчеты разведывательных отделений содержат фамилии военных и гражданских лиц, которые принимали самое активное участие в этих поездках: офицеров пограничной стражи — подполковника Хитрово (декабрь 1904 г.) и поручика Яковлева (февраль 1905 г.); чиновника консульства в Урге Долбежева (вторая половина февраля 1905 г.); штабс-капитана Губерского, причисленного к корпусу Генерального штаба (начало апреля 1905 г.); хорошо известного нам штабс-капитана Россова вместе с переводчиком монгольского языка В. Шангиным (конец апреля 1905 г.); служащего Русско-Китайского банка Москвитина (также апрель 1905 г.); продолжавшего свою работу заготовителя А.Г. Громова, о котором мы уже рассказывали; и чиновника для особых поручений Д. Янчевецкого, выполнявшего секретные задания командования с конца 1904 г. до окончания войны³³⁹.

Любопытно, что среди боевых офицеров, которые привлекались военной разведкой к сотрудничеству, встречается фамилия будущего президента Финляндской республики, фельдмаршала барона К.Г.-Э. Маннергейма. Будучи скромным подполковником 52-го драгунского Нежинского полка, он в феврале 1905 г. добровольно вызвался провести конную разведку местности до условной границы с Внутренней Монголией.

Спустя много лет в своих мемуарах Маннергейм так описывал эту экспедицию:

«В мои задачи входило проводить разведывательные операции в западной стороне, не вступая при этом в длительные перестрелки. Весной 1905 г. я с двумя сотнями китайских хунхузов (о привлечении их на службу России будет рассказано ниже. — Е. С.) далеко углубился на территорию неприятеля, пройдя в обход его правого фланга. Несмотря на нежелание хунхузов подчиняться дисциплине, мне удалось выполнить задачу: я собрал разведанные о группировках противника и даже сумел вырвать-

ся из окружения, куда нас загнало одно из японских кавалерийских подразделений»³⁴⁰.

Источники свидетельствуют, что командировки с разведывательными целями на правом фланге русско-японского фронта предпринимались Маннергеймом неоднократно в течение весны – лета 1905 г.³⁴¹

Как правило, эмиссары разведывательных отделений отправлялись в многодневные экспедиции по степям и горам Внешней Монголии под видом либо священников (христианских, буддийских), либо торговцев, либо корреспондентов европейских газет, либо ученых-путешественников. Связь и доставка оперативных донесений осуществлялась казачьими конными разъездами численностью до 10–15 чел.

Типичным примером организации таких миссий служит экспедиция подполковника Хитрово и ротмистра Линицкого в ставку влиятельного монгольского князя Удая. Их задача состояла помимо прочего в том, чтобы добиться избрания этого вана главой объединения десяти монгольских хошунов, предложив ему выплату ежемесячной субсидии в 5 тыс. руб. за соблюдение благожелательного нейтралитета, а главное, — обеспечение безопасности КВЖД, которая проходила вблизи кочевий племен, входивших в так называемый Чжеримский сейм. Иначе говоря, российская дипломатия совместно с военной разведкой стремилась не только элиминировать влияние японцев, но и представить себя в глазах удельных князей как защитника монголов от колонизации их территории цинской администрацией³⁴².

Много любопытных подробностей о методике проведения тактической разведки в сопредельном с Россией регионе можно почерпнуть из рапорта главного начальника тыла маньчжурских армий генерал-лейтенанта Надарова, направленного 22 февраля (7 марта) 1905 г. генерал-квартирмейстеру главнокомандующего А.Е. Эверту. Примечательно, что документ содержит предложения относительно подготовки и отправки 17 микропартий разведчиков в составе всего двух-трех человек: буддийского монаха — ламы и китайца (или монгола). Условный язык членов группы при отправке донесений мог включать следующие понятия: арба — японец, лошадь — хунхуз, мул — артиллерийское орудие, пшеница — пехота, галянь — кавалерия и т.д.

«Для отличия китайца-разведчика от прочих, случайно являющихся китайцев к начальнику гарнизона, — писал далее Надаров, — каждому такому разведчику выдается для курения табаку простая трубка, на металлической части которой вырезаны номера: 001, 002, 003 и т.п. Такой разведчик через переводчика просит начальника гарнизона пропустить обзор с продуктами, вынимает трубку с целью закурить. Номер на трубке будет

служить удостоверением личности разведчика. Более важные сведения будут доставляться самими ламами или же пересылаться письмами...

Для контроля действий лам в тех же 17 пунктах будут находиться состоящие непосредственно на службе при штабе тыла по два агента монгола. Ламы не будут знать, что монголы-агенты состоят на службе русских; тоже и монголы не будут знать, что ламы служат нам...»³⁴³

Как видим, технология проведения секретных операций российской военной разведкой постепенно усложнялась, обогащаясь опытом борьбы с Японией. Представленная генерал-лейтенантом Надаровым схема получила одобрение вышестоящего штаба и могла успешно конкурировать с аналогичными разработками противника, а инициатива присвоения агентам-китайцам номеров, начинавшихся с двух нулей, впоследствии широко использовалась спецслужбами (вспомним хотя бы «бондиану» Я. Флемминга).

Функции проведения тактической разведки на *левом фланге* маньчжурских армий, где наибольшую тревогу командования после падения Порт-Артура вызывали слухи о намерениях японцев захватить Владивосток³⁴⁴, были поручены, с одной стороны, кавалерийским отрядам полковника Мадритова, генералов Мищенко и Ренненкампа, а с другой, — штабам Приамурского военного округа, 1-й и 2-й Маньчжурских армий, а также персонально полковнику А.Д. Нечволодову, упоминавшемуся начальнику транспортов штаба тыла генерал-майору Н.А. Ухач-Огоровичу и военному комиссару Гиринской провинции полковнику М.А. Соковнину.

По свидетельству источников, главным методом военно-разведывательной деятельности для всех этих лиц выступала агентурная сеть, созданием и развитием которой они постоянно занимались вплоть до конца войны. При этом некоторые командиры, например, Мадритов, подобно представителям японских спецслужб использовали взятие заложников из числа местных крестьян и даже сожжение селений китайцев (маньчжур) с целью либо устрашения, либо возмездия за укрывательство банд хунхузов, которые действовали на коммуникациях русских войск, как это следовало из жалоб губернатора (цзян-цзюня) Гиринской провинции³⁴⁵.

Один из рапортов полковника Нечволодова, который осуществлял мониторинг ситуации в российском Приморье, и, что было особенно важно, в районе Владивостока, дает представление о совершенствовании системы сбора и передачи разведанных на уровне тактической разведки после Мукденского сражения:

«Доношу Вашему Превосходительству, — писал Нечволодов на имя начальника обороны Приморской области генерал-майора Андреева

21 марта (3 апреля) 1905 г., — что организация тайной разведки мною предполагается на следующих основаниях:

1. Для организации разведки Гириного района отправлен мной чиновник Иванов с письмом к местному князю Ханденгю (одному из влиятельных полевых командиров, участвовавших в движении ихэтуаней, который сумел сохранить под своим контролем отряды хунхузов численностью до 10 тыс. чел. — *Е. С.*), коим предлагается ему взять на себя организацию разведки в этом районе при помощи китайцев.

2. Для организации разведки в чрезвычайно важном в стратегическом отношении Нанчанском районе мной предполагается привлечь председателя Чанбошанских императорских охотников Лю Данцзы, находящегося ныне в Хабаровске и имеющего огромные связи в означенном районе...

3. Организация тайной разведки через корейцев мной поручена:

1. штабс-капитану Бирюкову, который будет иметь свое постоянное пребывание во Владивостоке;

2. флигель-адъютанту корейского императора Пак Ю Пфуну, проживающему в Никольске (т.е. Никольск-Уссурийске. — *Е. С.*);

3. юнкеру Хиону, отправленному в Корею...

4. Разведка между крепостью Владивосток и реками Батальянца и Болотная... — капитану Хабаровского резервного батальона Стельмашенко совместно с Генерального штаба капитаном Таракановым;

5. Разведка между рекой Суйфуном и Новокиевском — поручику 8-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Бакичу;

6. Разведка побережья Уссурийского залива до Сучана — волостному старшине Цимухинской волости Пыркову...

Для принятия сведений от всех агентов по организуемой мною тайной разведке в штабе обороны (Приморской области. — *Е. С.*) полагал бы необходимым назначить Генерального штаба капитана Томилина как уже ознакомленного мной с этим делом и не заведывающего ни одним из отделений штаба»³⁴⁶.

При внимательном ознакомлении с этим документом бросается в глаза два противоречивых момента: один — позитивного характера, демонстрирующий процесс районирования тактической разведки по зонам ответственности конкретных лиц, а второй — негативного плана, свидетельствующий о проблемах с подбором кадров для агентурной работы. Ведь среди привлеченных полковником Нечволодовым к сотрудничеству лиц упоминаются русские, китайцы и корейцы; генштабисты, кадровые военнослужащие и офицеры, призванные из запаса; наконец, просто гражданские лица. Вряд ли большинство из них имело какое-либо представление о специфике войны начала XX в., не говоря уже о тонкостях разведыва-

тельной службы, что естественным образом снижало качество и полноту доставляемых ими сведений, облегчая противнику дезинформацию или даже раскрытие сети, которую курировал А.Д. Нечволодов.

Стоит подчеркнуть, что усилия русского командования по расширению агентурной деятельности находили отклик у части неханьского населения. Показательным с этой точки зрения являлось прошение корейских добровольцев, направленное в штаб Приамурского военного округа, о содействии в формировании партизанского отряда численностью до 300 человек с целью борьбы против японских диверсионных групп и отрядов хунхузов³⁴⁷.

1 (14) июня 1905 г. окружной генерал-квартирмейстер Марданов утвердил инструкцию по организации тайной разведки силами местных жителей, как русских, так и корейцев, китайцев, маньчжур, подготовленную старшим адъютантом штаба капитаном Томилиным. В этом документе предусматривалось создание корейского батальона для совместных действий с русскими войсками. Приказ о его формировании был подписан спустя пять дней — 6 (19) июня³⁴⁸.

Одновременно в штабе округа, дислоцированном в Хабаровске, развернулась работа по созданию партизанских отрядов на случай вторжения японцев на российскую территорию в Приморье и на Сахалине. Так, в проекте штатной структуры третьего по счету партизанского отряда, командиром которого планировалось назначить штабс-капитана 6-го Восточно-Сибирского стрелкового корпуса Бунина, говорилось о том, что целями действий партизан является наблюдение за морским побережьем, противодействие шпионажу неприятеля и истребление хунхузов, а в случае японского десанта — развертывание народной войны против оккупантов.

Состав отряда включал по 20 кавалеристов и пеших охотников из числа нижних чинов 8-го Восточно-Сибирского стрелкового корпуса, команду конных дружинников из запасных казаков, подразделение добровольцев — крестьян, группу китайских и корейских разведчиков. В дополнение к легкому стрелковому вооружению планировалось предоставить отряду два пулемета и небольшое полевое орудие системы Гочкиса.

Проект организации отряда был одобрен в начале июня 1905 г. начальником штаба Приамурского военного округа генерал-майором П.К. Рутковским, который приказал выдать для этого аванс в 500 руб.³⁴⁹

Через месяц было сформировано четыре партизанских отряда с предполагаемыми зонами действия в Посыетском, Хунчунском, Шкотовском и Никольск-Уссурийском районах Приморской области. Это показывает, насколько серьезно русской командование воспринимало угрозу захвата ее японцами в середине 1905 г.³⁵⁰

Судя по донесениям одного из руководителей предполагаемого партизанского движения в пограничных районах Кореи штабс-капитана Бирюкова, созданная агентурная сеть смогла обеспечить регулярное поступление информации о дислокации и перемещениях войск противника на протяжении летних месяцев 1905 г.³⁵¹

Однако помощь партизан регулярной армии в Приморье не потребовалась, а там, где действительно возникла такая необходимость, то есть на острове Сахалин после высадки японцев в июне (июле) — августе 1905 г., отряды местных сил обороны под началом генерал-лейтенанта Ляпунова представляли собой группы плохо вооруженных людей, главным образом местных жителей и каторжан. Вполне понятно, что их сопротивление японским десантным подразделениям оказалось недолгим и малоэффективным³⁵².

Как указывалось выше, высокую степень активности в сфере тактической разведки проявлял главный начальник тыла генерал-лейтенант Надаров, которому на период войны был оперативно подчинен штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. По приказу Надарова была разработана специальная инструкция офицерам-пограничникам «для производства разведок и сбора статистических сведений о Маньчжурии». В изданной типографским способом брошюре очерчивалась следующая тематика разведывательной деятельности на территориях, прилегающих к районам боевых действий: военные силы противника, местное население, иностранцы и русские, китайская администрация, миссионеры, тайные общества и секты, прокламации, воззвания и объявления, переводчики³⁵³.

Примечательно, что уже в самом конце войны тот же генерал-лейтенант Надаров утвердил инструкцию для борьбы со шпионами в тылу маньчжурских армий, то есть в Гиринской и Цицикарской (Хэйлунцзянской) провинциях, а также в полосе отчуждения КВЖД, составленную начальником его штаба генерал-майором Добровольским и офицером разведки подполковником Пановым³⁵⁴.

Об успехах пограничников, которые руководствовались директивами штаба тыла, в пресечении попыток некоторых цинских администраторов собирать данные о русской армии и участвовать в диверсиях на их коммуникациях, свидетельствует, например, рапорт начальника Заамурского округа генерал-лейтенанта Н.М. Чичагова, отправленный им Надарову 6 (19) марта 1905 г. Констатируя падение престижа России в Китае под влиянием поражений на фронте, документ упоминал о захвате в последних числах января разведчиками штаба пограничной стражи «целого правильно организованного бюро шпионов, часть которых оказалась прavitельственными чиновниками». Кроме того, в рапорте акцентировалось

внимание на пресечение подрывной деятельности ряда хунхузских шаек, состоявших частично из членов тайных обществ, сохранившихся со времен «боксерского» восстания³⁵⁵.

Следует подчеркнуть, что еще летом 1904 г. штаб пограничной стражи сформировал специальный отряд под командованием генштабиста капитана Чеснокова для борьбы против хунхузов и ликвидации диверсионных групп противника³⁵⁶.

О постоянной угрозе небольшим подразделениям и отдельным постам Маньчжурской армии свидетельствовали случаи нападений хунхузов. Так, например, в конце августа 1904 г. по неосторожности в плен к бандитам попали подъесаул Е. Кандалов и урядник Фомичев из 12-го Оренбургского казачьего полка. Их повесили вверх ногами и расстреляли из ружей и луков³⁵⁷.

Ухудшение ситуации в тылу (19 октября (1 ноября) 1904 г. хунхузами был убит военный комиссар Цицикарской провинции подполковник Богданов) и на фронте потребовало усиление внимания командования к этой проблеме. Поэтому в конце декабря того же года Надаров обратился к Куропаткину с ходатайством о санкции на формирование так называемых туземных сотен или подразделений китайской милиции, а проще говоря, переманивании хунхузских отрядов на российскую службу, используя опыт полковника Мадритова, который первым прибегнул к аналогичной практике еще в начале войны³⁵⁸.

Судя по документам, начальник военных транспортов штаба тыла генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович, не дожидаясь решения Куропаткина, но с одобрения Надарова создал один конный отряд так называемой туземной милиции в январе 1905 г., просуществовавший до июня того же года³⁵⁹. В рапорте В.А. Орановского своему непосредственному начальнику В.И. Харкевичу взвешивались возможные позитивные и негативные последствия формирования указанных подразделений и рекомендовалось унифицировать состав, структуру, знаки различия и порядок оплаты их членов. Предлагалось учредить конные туземные сотни численностью до 150 бойцов при двух русских офицерах, двух писарях и 15 нижних чинах, а также пешие — в 250 бойцов с увеличением при них состава нижних чинов казачьих войск до 25 чел.³⁶⁰

Впоследствии Н.А. Ухач-Огорович, издавший мемуары о маньчжурском театре войны, образно называл хунхузов не просто бандитами, а «лицами с повышенной энергией и жадной деятельностью», этакими «кондотьерами Дальнего Востока», защищая от нападков недоброжелателей свою репутацию, а вместе с ней и идею формирования вспомогательных отрядов из местных жителей³⁶¹.

Но, с нашей точки зрения, планы использования хунхузских формирований в диверсионно-разведывательных целях возникли у русских все же под влиянием японской практики. В подтверждение сошлемся на мнения иностранных военных наблюдателей, один из которых — офицер германского Генерального штаба Ф. Иммануэль — в частности отмечал:

«Меры, принятые японцами с целью придать хунхузам военную организацию и сформировать из них отряды, подчиненные японским офицерам, имели серьезное значение. Таким образом, с одной стороны, этот беспокойный элемент делался безвредным для местностей, занятых японцами, а с другой, — приобреталось средство для производства разведок и нечаянных нападений, оказавшихся лучше, чем русские охотничьи команды. Однако все попытки хунхузов разрушить в декабре 1904 г. железную дорогу севернее Мукдена (имеется в виду КВЖД. — Е. С.) не имели успеха благодаря бдительности весьма сильной железнодорожной охранной стражи»³⁶².

События на фронте в зимние месяцы 1904–1905 гг. отвлекли внимание штаба А.Н. Куропаткина от решения вопроса. Уже после катастрофы под Мукденом инициативу в деле формирования туземных сотен перехватил начальник Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Чичагов. Но только к середине мая того же года последовало утверждение Н.П. Линевицем штатов и денежных окладов для пяти конных китайских сотен под началом русских инструкторов.

Согласно приказу главнокомандующего, номинальный командир сотни из числа авторитетных вожаков должен был получать 200 руб., остальные «офицеры» — китайцы — по 150 руб., а рядовые — по 50 руб. ежемесячно. Планировалась, что общее руководство сводным туземным милиционным отрядом будет осуществлять специально созданное Управление, временное штатно-должностное расписание которого также санкционировалось Линевицем 14 (27) мая 1905 г.³⁶³

О значении сохранения высокой боевой готовности фланговыми и тыловыми группировками русских войск, особенно дислоцированными вблизи транспортных узлов, регулярно напоминали приказы и распоряжения командиров всех уровней, тем более что банды хунхузов могли составлять десятки и даже сотни бойцов, хорошо вооруженных и закаленных в постоянной партизанской войне против цинских властей. Уместно привести оценку возможного ущерба от действий хунхузов на коммуникациях маньчжурских армий, которую дал в своих заметках офицер-топограф Я. Алексеев:

«Подобные большие отряды, иногда руководимые японскими инструкторами, бродили главным образом на западе, по границе с Монголи-

ей. Они делали нападения на наши посты, этапы и другие тыловые учреждения, мешали производству заготовок в Монголии, отбивали гурты скота, даже были попытки разрушить железную дорогу.

Небольшие банды хунхузов оперировали в окрестностях городов и местечек по всему пространству Маньчжурии и даже в районе расположения войск»³⁶⁴.

В подтверждение наблюдений Алексеева укажем на значительный массив информационных сообщений о стычках с отрядами хунхузов в тылу маньчжурских армий. Им посвящено, например, более ста листов оперативных документов, которые отложились в фонде Управления военного комиссара Мукденской провинции за восемь месяцев 1905 г.³⁶⁵

Не случайно поэтому в продолжение второго этапа войны наряду со штабами тыла и пограничной стражи «замирение» хунхузов и привлечение их полевых командиров на сторону русских было возложено, как отмечалось выше, на одного из представителей оккупационной администрации — полковника М.А. Соковнина.

В мае – июне 1905 г. он вслед за А.Д. Нечволодовым предпринял попытку склонить к взаимодействию упоминавшегося главаря хунхузов Хандэнгю, предложив ему и его людям щедрое денежное вознаграждение, учитывая аналогичное стремление японской разведки. Как свидетельствует отчет разведывательного отделения штаба главнокомандующего, сотрудничество полевого командира с русской военной администрацией строилось на следующих условиях: его люди не должны были оказывать содействие противнику или поступать на японскую службу. Кроме того, они обязывались вести непрерывный оперативный мониторинг, докладывая о ситуации в тылу армий микадо. Отличительным знаком «русских хунхузов» являлась трехцветная (бело-сине-красная по примеру русского флага) нашивка на левом рукаве.

После длительных переговоров в июле того же года Хандэнгю принял предложение Соковнина и начал «аккуратно посылать своих людей для разведки»³⁶⁶. Можно с уверенностью заключить, что взаимовыгодное сотрудничество имело продолжение уже в мирных условиях.

Отдельным заслуживающим внимание эпизодом истории русской военной разведки в период войны явилось прошение подданного Российской империи, но китайца по национальности, крупного хабаровского торговца Тифонтая, который оказывал услуги царской администрации еще до начала боевых действий, о формировании отдельного китайского конного отряда численностью до 500 чел. с целью разведки и партизанских действий. 10 (23) июня 1905 г. создание этого подразделения было санкционировано Линевицем. Отряд учреждался под началом лично известного главно-

командующему отставного полковника китайской службы Чжан Чжэньюаня, носившего прозвище Пинтуй («Все сбивающий перед собой»).

«Этот человек, — подчеркивал в своем прошении Тифонтай, — всей душой предан русским. Обладая в высшей степени хорошим умом, железной энергией и предприимчивостью, он очень полезен нам»³⁶⁷.

Финансирование отряда, получившего наименование, аналогичное прозвищу Чжан Чжэньюаня, организационно разделенного на три сотни и оказавшегося в непосредственном ведении штаба главнокомандующего, осуществлял сам Тифонтай. Сфера деятельности «Пинтуя» включала левый фланг маньчжурских армий, где действовала кавалерийская группа генерал-майора Ренненкампа. Для наблюдения за отрядом Чжан Чжэньюаня при нем состояли сначала штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского полка В.В. Блонский, а затем поручик 35-го Восточного-Сибирского стрелкового полка Суслов. Кроме того, в состав подразделения входили десять нижних чинов и два фельдшера, командированных из казачьих частей³⁶⁸.

Однако, несмотря на серьезные организационные усилия и крупные финансовые затраты, туземные сотни в общем не оправдали возлагавшихся на них надежд русского командования. Такой вывод следует сделать, например, при ознакомлении с аналитической запиской упоминавшегося капитана Генерального штаба Одинцова, который критически оценивал результаты пребывания подразделений «китайской милиции» на службе «белому царю»:

«Неся печать случайной организации, отряды эти не имеют во главе своей одного общего руководителя, а у последнего не может быть опытных помощников, проникнутых идеей и могущих завоевать глубокую симпатию у предводимых ими наемников-китайцев».

Высказывая глубокий скепсис по поводу их «годности даже к простому сторожевому охранению», составитель записки, возможно, несколько сгущая краски, далее констатировал:

«Пополняемые разным сбродом, по большей части грабителями мирного населения, еще недавно служившими у японцев, команды эти между мирными китайцами носят название «русских хунхузов». Ничего не делая, они грабят жителей в районе, занятом нашими войсками, увеличивая раздражение населения против нас. Единственный стимул этих наемников — нажива, и служат они у нас лишь из-за денег (плата от 40 до 60 руб. человеку, а у японцев — не более 35 руб.)»³⁶⁹.

Выводы Одинцова подкрепляет рапорт старшины сводного кавалерийского туземного отряда Алтухова относительно одного из командированных китайцев, датированный 8 (21) июля 1905 г.:

«Бывший предводитель хунхузов Сяобей, ныне офицер 5-й туземной конной сотни, наводивший страх и трепет на все мирное население Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, с поступлением к нам на службу не только не бросил своего разбойного промысла, но, наоборот, прикрываясь русским именем, стал производить грабежи и разбои в еще большем масштабе, чуть ли не среди белого дня, опираясь на то, что китайские власти бессильны предпринять что-либо против него как находящихся под русским покровительством».

Любопытно, что Алтухов предлагал арестовать Сяобея и тихо выслать его на Нерчинскую каторгу. К сожалению, нам не известен финал этого дела³⁷⁰.

Более объективный анализ достоинств и пороков милиционных разведывательных групп представлен в отчете штабс-капитана В.В. Блонского, мнению которого, на наш взгляд, вполне можно доверять:

«Что касается пригодности отрядов типа “Пинтуй” для партизанских и разведывательных действий, то на основании прежнего моего знакомства с китайскими войсками и опыта, полученного за время пребывания при отряде “Пинтуй”, я пришел к такому выводу: отряды из милиционеров и хунхузов обладают многими неочтенными (так в документе. — Е. С.) свойствами и могли бы принести нам огромную пользу, если же в действительности действия их оказались менее полезными, чем можно было ожидать, — то это произошло по причинам внешним, от чинов отряда независящим.

Упомянутые выше полезные свойства китайских отрядов, принадлежащие каждому чину в отдельности, суть следующие:

1. знание местности,
2. умение ориентироваться на местности,
3. владение местным языком,
4. имение (так в документе. — Е. С.) во многих пунктах театра войны родных и знакомых,
5. отношение населения, выражающееся в оказании всякого рода содействий отряду.

К вредным свойствам отряда надо отнести лишь абсолютное незнакомство с постановкой военного дела в европейских войсках и приверженность к китайской рутине.

Внешние причины, по которым отряды оказались малополезными, заключаются в том, что они формировались спешно и без всякой подготовки отправлялись в дело. Действовать, как разведчики им было трудно, потому что они не имели представления о том, о чем надо разведывать — о японской армии; для боевых же действий против европейски обученных войск они не были подготовлены и представляли из себя слишком слабые

силы. Конечно, замеченные недостатки могли бы быть в значительной мере исправлены с течением времени, но прекращение войны и вызванное им расформирование отряда, не дало сделать это»³⁷¹.

В свою очередь составители итогового отчета разведывательного отделения штаба главнокомандующего акцентировали внимание на других, не менее существенных причинах роспуска туземных сотен, который был санкционирован Н.П. Линевичем 2 (15) сентября 1905 г.:

«...Постоянно поступали жалобы от населения на милиционеров-китайцев, состоявших на нашей службе, за чинимые ими грабежи и насилия, что заставило в конце концов отказаться от содержания на нашей службе китайских отрядов...

Главная причина неудовлетворительной деятельности китайских отрядов заключалась в недостатке офицеров, знающих китайский язык, которые могли бы быть назначены состоять при названных отрядах для руководства и наблюдения за их деятельностью»³⁷².

Впрочем, разочарование командования в использовании конных и пеших отрядов хунхузов не только не снизило, но даже усилило интерес штабов к тактической разведке силами секретной агентуры, организация которой также претерпела изменения по сравнению с начальными месяцами войны.

Общую координацию осуществляло Управление генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего, но непосредственное руководство агентурой перешло в ведение штабов армий, тыла (до июля 1905 г.) и военных комиссаров при содействии пограничной стражи и Приамурского округа. На корпуса и отдельные отряды возлагалось проведение войсковой разведки в соответствующих секторах фронта. Этим вопросом занимались специально назначенные офицеры, как правило, генштабисты. Речь о них еще впереди.

«Таким образом, — отмечалось в итоговом отчете разведывательного отделения штаба Н.П. Линевича, — достигалось тройное наблюдение над фронтом и ближайшем тылом противника (корпусами, штабами армий, штабом главнокомандующего»³⁷³.

Анализ источников показывает, что было бы ошибочно проводить резкую грань между тактическими и оперативными агентурными разработками. Различие состояло лишь в уровне координации и масштабности конкретных задач. Более того, новая инструкция армейским штабам, одобренная Куропаткиным в конце 1904 г., указывала на необходимость тесной связи между тайной и войсковой разведкой³⁷⁴.

Основную часть работы по расширению, а после Мукдена и в значительной мере воссозданию агентурной сети из числа китайцев (ханьцев),

маньчжур, монголов, корейцев и других народов Дальнего Востока, выполняли, как уже отмечалось выше, опытные специалисты, владевшие китайским языком и хорошо знакомые с местными условиями штабс-капитаны Россов и Блонский. Районы их ответственности делились примерно по линии ЮМЖД. Однако в связи с командировкой первого из них в Монголию фактически весь комплекс обязанностей по этому направлению военно-разведывательной службы с марта 1905 г. оказался в непосредственном ведении второго офицера.

В своем отчете В.В. Блонский стремился не только объективно рассмотреть систему организации тактической разведки силами лазутчиков-китайцев, но и сопоставить ее с аналогичной практикой японских спецслужб. Поэтому он выделил четыре ключевых момента: поиск кандидатов на выполнение секретных заданий, методика их подготовки, процедура заброски и схема оплаты услуг.

Делясь своим опытом, составитель отчета писал, что вербовка представителей местного населения, особенно после поражения при Мукдене, была сопряжена со значительными трудностями, вызванными недоверием китайцев к русским, «потерей» ими «лица» в глазах цинских властей и нараставшим страхом репрессий со стороны потенциальных победителей — японцев. Поэтому Блонскому приходилось опираться на помощь своеобразных посредников, вроде купца Тифонтая или полковника Чжан Чжэньюаня, о которых мы уже говорили.

«Главный контингент агентов составляли китайские солдаты, мелкие торговцы и простые деревенские жители, прельщаемые возможностью получать солидное вознаграждение, превышающее ежедневный заработок, — отмечал офицер. — Все эти агенты не имели представления о японской армии и способны были доставлять сведения, не имеющие никакой цены: «В деревне X — 100 человек солдат, в деревне Y — 50 конных» и т.д.; ввиду изложенного агентов приходилось подвергать специальной подготовке»³⁷⁵.

Разработка ее методики явилась для русской военной разведки несомненным шагом вперед. По свидетельству Блонского, минимум обучения лазутчиков включал ознакомление со структурой японской армии, знаками отличия войск и спецификой надписей на форменных бланках. Особым «ноу-хау» штабс-капитана стала выдача агентам перед отправкой в тыл противника таблицы наименований японских частей и военных учреждений, которую следовало лишь заполнить, проставив в соответствующих графах их номера и названия мест дислокации³⁷⁶.

Командирование агента имело целью выполнение конкретного задания: выяснение расположения частей, наблюдательных пунктов, складов,

переправ и т.п. противника. Помимо этого он должен был замечать все связанное с военными мероприятиями японцев на маршруте следования. Срок исполнения задания варьировался от двух до четырех недель, причем каждый из информаторов снабжался крошечным по размерам удостоверением с указанием фамилии, времени выдачи и действия документа для беспрепятственного прохода через расположение русских войск³⁷⁷.

Схема оплаты командировки подразумевала выдачу путевого пособия из расчета одного рубля в день, а также выплату «гонораров» за доставленные разведданные в суммах от 25 до 100 руб. Их конкретная величина зависела от степени важности, срочности и правдивости информации. Для верификации сведений Блонский требовал от агентов вещественных доказательств пребывания в заданном районе — каких-либо предметов: объявлений, конвертов, флажков, компонентов амуниции. Тем не менее, по его признанию, случаи подделки и обмана были нередки, поскольку, с одной стороны, возникли целые «обменные пункты» таких вещей, организованные самими китайцами, а с другой, — контрразведка противника создала сеть «бюро», которые фабриковали такие «доказательства» и разбрасывали их в своем тылу с целью дезинформации³⁷⁸.

Дополнительные сложности для работы секретной агентуры, причем не только Блонского, создавались мерами, принятыми японцами для строгой проверки всех постоянных дворов и лиц, передвигавшихся по дорогам. Однако, пожалуй, наиболее действенными средствами явились строгий подворный учет на захваченной территории, а также консервация традиционных для Восточной Азии системы «круговой поруки» и института заложников.

Совершенствование агентурной разведки офицерами квартирмейстерской части трех формировавшихся маньчжурских армий не могло не встретить значительные трудности на своем пути. Главная из них состояла в замедленном темпе развертывания штабов, когда ситуация на фронте требовала решительного ускорения этого процесса. Характерно, что штабные управления 2-й и 3-й армий получили законченный вид только к середине марта 1905 г., то есть после всех важнейших сухопутных операций второго этапа войны³⁷⁹.

В результате, как следует из дневников генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии М.В. Алексева, изученных московским историком О.Р. Айрапетовым, служба штабных офицеров, не исключая сотрудников разведывательных отделений, продолжала, как и ранее, хотя, возможно, в меньшей степени по сравнению с начальным периодом страдать отсутствием единой системы действий и противоборством высоких протекций³⁸⁰.

В доказательство сошлемся на отчет разведывательного отделения 3-й Маньчжурской армии, составители которого с горечью констатировали:

«Ни инструкций по организации разведки, ни руководителей и агентов, ни сведений, как поставлено дело сбора сведений о противнике и указаний, в каком направлении должен был работать вновь сформированный штаб, — дано не было»³⁸¹.

Кроме того, негативное влияние оказывала кадровая чехарда, вызванная поражениями на фронте и перманентными трансформациями структуры управления. Так, в 1-й армии начальника квартирмейстерской части генерал-майора В.Е. Флуга после Мукдена заменил все тот же В.И. Харкевич, причем первый был переведен на должность аналогичного уровня во 2-ю армию вместо генерал-майора Г.М. Шванка. И только генерал-майор М.В. Алексеев оставался на своем месте с декабря 1904 г. до окончания войны³⁸².

В наиболее детальном виде практика создания агентурной сети изложена составителями отчета о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, находившейся в тактическом резерве главнокомандующего. Район разведки охватывал для нее ближайший тыл 2-й и 4-й японских армий под командованием генералов Оку и Нодзи, а также территорию между г. Ляояном и р. Шахэ, где могли группироваться резервы маршала Оямы³⁸³.

Любопытно, что содержание документа, посвященное деятельности разведывательного отделения, открывается психологической характеристикой восприятия дальневосточными народами россиян, которое оказывало воздействие на процессы вербовки агентов и выполнения ими заданий:

«Китаец, как и вообще всякий азиат, в сношениях с представителями белой расы смотрит на последних как на нечто неизмеримо низшее себя: он считает всякого европейца варваром, он готов завязать с ним торговые отношения, но ревниво оберегает свой внутренний мир. Китаец миролюбив настолько, что это миролюбие трудно отличить от трусости. При этом обидчив и за обиду готов жестоко отомстить, не брезгуя никакими средствами, в особенности, когда обида нанесена его семье. Китаец предупредителен и вежлив, но эта предупредительность и вежливость далека от сердечности; но в то же время мягкость и сердечность в обращении с ним может сделать из него преданного человека. Китаец мастерски скрывает свой настоящий образ мысли и в этом отношении при сношении с европейцами он придерживается афоризма: «Сердце — лед, а язык — мед». Это китайское изречение само по себе уже характеризует китайца. Китай-

цы обладают удивительным стремлением и способностью извлекать из всего доходы, а потому очень склонны к подкупам»³⁸⁴.

Далее из специфики менталитета населения Маньчжурии выводились характерные черты лазутчиков-китайцев: «хитрость, изворотливость, любознательность, наблюдательность, известная интеллигентность, нетребовательность к пище»³⁸⁵. Именно они позволяли разделить агентов на три категории в зависимости от мотивации: «добровольные, по принуждению или по ремеслу»³⁸⁶.

Как следует из отчета, лазутчики высылались сериями по известным маршрутам с временным промежутком два-три дня. Каждый из них, как и у Блонского, должен был принести с собой вещественное доказательство посещения заданного пункта³⁸⁷. В дополнение к агентам-ходакам офицеры разведывательного отделения стремились использовать агентов-резидентов. К примеру, четверо постоянных лазутчиков были внедрены в состав обслуживающего персонала постоянных дворов на дороге Синминтин — Мукден с целью опроса проезжавших путников. Аналогичная схема применялась и для контрразведывательной деятельности в тылу 3-й армии³⁸⁸.

Заметным нововведением личного состава отделения стал регистрационный журнал, куда заносились фамилии лазутчиков, поставленные им задачи, время отправок на задание и ожидаемые сроки возвращения. Там же нередко записывалась и сумма выданных путевых расходов, а также «гонорары» агентов за собранную ими информацию³⁸⁹.

По данным отчета, с марта по сентябрь 1905 г. штаб 3-й армии выслал 121 лазутчика, из которых вернулись 56 (около 46%) с 44 донесениями (впрочем, по признанию самих офицеров, часто неполными, хотя иногда и ценными). Своего максимума заброска лазутчиков достигла в июле–августе того же года. Что касается тыла, то там с мая по сентябрь действовали 21 резидент и 46 ходоков, а самая высокая интенсивность была достигнута также накануне подписания мирного договора.

Данные показывают, что завершение создания эффективной агентурной сети пришлось, к сожалению, именно на момент окончания войны, причем из общей суммы 100 тыс. руб., отпущенных 3-ей армии для финансирования разведки в первом полугодии, было израсходовано всего 30 тыс. (12 тыс. — на переводчиков и 18 тыс. — на агентуру)³⁹⁰. При этом ежемесячное вознаграждение лазутчикам-китайцам оказалось ниже, чем в штабе главнокомандующего — от 15 до 50 руб. у ходоков и от 50 до 100 руб. — у резидентов³⁹¹.

Отчеты разведывательных отделений 1-й и 2-й армий с небольшими вариациями демонстрируют организацию агентурной сети, примерно идентичную вышеизложенной.

Так, офицеры штаба 1-й армии дифференцировали лазутчиков по трем категориям: агенты-резиденты, агенты со специальными поручениями, посыльные-связные. Особого недостатка в агентах-ходаках из числа крестьян штаб не испытывал. Хуже по изложенным выше причинам обстояло дело с привлечением к сотрудничеству образованных лиц — коммерсантов, чиновников, учителей.

В то же время, будучи ограниченным в средствах, разведывательное отделение предпочло переложить фактически всю агентурную разведку на плечи офицеров-востоковедов в штабах корпусов³⁹². К несчастью, отступление русских армий на Сьпингайские позиции в феврале – марте 1905 г. способствовало частичной ликвидации агентурной сети. По компетентному мнению одного из непосредственных участников событий, «бывали случаи, когда лазутчики наши целыми сотнями исчезали с выданными им удостоверениями, как, например, в штабе 1-й армии»³⁹³.

Однако и воссозданная система тактической разведки силами лазутчиков, несмотря на значительные затраты в сумме 49 769 руб., оказалась неэффективной. Специально изучавший этот вопрос К.К. Звонарев оценивал ее следующим образом:

«Донесения, отрывочные и противоречивые, не давали почти никакого материала для каких-либо выводов и могли служить лишь слабым подтверждением данных, добывавшихся войсковой разведкой и установленных документами. Так, например, агентура 1-й армии довольно долго утверждала, что за армией Куроки стоит армия Нодзи. Этому в штабе армии поверили и приняли соответствующие меры. Потом все это оказалось ложью»³⁹⁴.

В свою очередь из отчета разведывательного отделения 2-й Маньчжурской армии, следовало, что его ближайшей целью в области агентурной разведки стало формирование группы лазутчиков численностью в 10–12 чел., достаточной, по мнению офицеров штаба, для наблюдения за вверенным им сектором фронта. После Мукдена отделение также стремилось организовать сеть агентов-резидентов, которые поддерживали связь с ходаками, проникавшими в расположение противника на глубину 50–60 км. По свидетельству источников, резиденты «оказывали большие услуги и давали весьма ценные сведения». Однако требовалось усилить контроль за агентурной сетью, поскольку «разведчики различных армий собирались вместе и сообща сговаривались, что они будут показывать», причем, как говорилось в отчете, «по-видимому, в этих сборищах принимали участие и японские шпионы...»³⁹⁵.

Важно отметить, что для пресечения этой деятельности, пожалуй, впервые в практике русской военной разведки летом 1905 г. штаб 2-й ар-

мии стал создавать вторую, параллельную агентурную сеть, призванную контролировать первую. Руководить ей вызвался штатный переводчик разведывательного отделения коллежский секретарь Н.Н. Гомбоев, свободно владевший китайским языком³⁹⁶.

Кроме этого, заслуживала внимания практика фотографирования лиц лазутчиков и обмен фотографиями между штабами 2-й армии и ее корпусов с целью не допустить дублирования вербовки конкретных агентов³⁹⁷.

Согласно калькуляции составителей отчета, общий расход финансовых средств на агентурную разведку во 2-й армии, превысив показатель 1-й, достиг 52 013 руб.³⁹⁸

Завершая анализ организации секретной агентуры на тактическом уровне, нельзя не упомянуть о вкладе военных комиссаров Гиринской и Мукденской провинций, подчинявшихся главнокомандующему через штаб тыла маньчжурских армий. В силу служебного положения полковники М.А. Соковнин и М.Ф. Квещинский имели тесные контакты как с цинской администрацией, так и местным населением, представители которого зачастую обращались к российским властям с различными просьбами и жалобами. Кроме того, ранее мы отмечали, что инструкциями сначала Е.И. Алексеева, а затем и А.Н. Куропаткина комиссарам вменялось в обязанность проводить тыловую «административную разведку» на территории, контролируемой маньчжурскими армиями и корпусом пограничной стражи.

На протяжении русско-японской кампании штаты управлений военных комиссаров претерпевали постоянную трансформацию, вызванную отходом царских войск на север, а, следовательно, — возрастанием стратегической значимости Гиринской провинции в сравнении с Мукденской. Для содействия Соковнину и Квещинскому на местах были учреждены должности их помощников (по три в каждой из провинций) и военных приставов (пять — в Гиринской и четыре — в Мукденской). Как объясняли эти меры офицеры разведывательного отделения штаба главнокомандующего, цель состояла в «урегулировании отношений между войсками и местным населением», особенно в плане «ограждения последнего от обид и притеснений со стороны войск», чтобы «поднять авторитет русской власти в глазах китайцев»³⁹⁹.

На основе директив штаба главнокомандующего полковник Соковнин в свою очередь подготовил инструкции окружным помощникам и военным приставам, которые предписывали им «вести явные и тайные разведки через агентов из туземцев или иных лиц (например, христианских миссионеров. — Е. С.), дабы быть в курсе положения дел в своем округе». Перечень сведений, интересовавших российскую военную администрацию, был весьма широк и включал информацию о слухах, настроениях,

общественных организациях, запасах продовольствия, складах вооружения, состоянии коммуникаций и т. п. К сожалению, обе эти директивы вышли из-под пера комиссара только в августе 1905 г.⁴⁰⁰

Примерно в том же направлении развивалась деятельность и полковника Квецинского, составившего по ее итогам довольно объемистый отчет. В осуществлении военно-разведывательных функций ему помогали сначала причисленный к Генеральному штабу, уже упоминавшийся в предыдущей главе капитан Михайлов, а затем Генерального штаба капитан А.В. Сапожников⁴⁰¹.

Поскольку центр провинции, а в прошлом древняя столица Маньчжурии — город Мукден, занимал ключевое положение в полосе обороны русских войск, должность военного комиссара представляла собой значимое место приложения сил с точки зрения сбора и анализа разведанных. Видимо, неслучайно поэтому именно к Квецинскому обратился генерал-квартирмейстер сформированной 3-й армии М.В. Алексеев с просьбой передать в распоряжение разведывательного отделения группу лазутчиков-китайцев, которые в дальнейшем использовались как агенты-ходоки. Кроме того, по рекомендации Мукденского отделения Русско-Китайского банка при участии военного комиссара был завербован некий цинский чиновник, который обязался подыскивать, нанимать и инструктировать новых информаторов из местных жителей для выполнения заданий штаба все той же 3-й армии. Агенты этого чиновника, селились под видом торговцев в указанных им стратегически важных пунктах ближайшего тыла противника для наблюдения и сбора информации. В свою очередь они обязаны были высылать помощников-ходоков, которым на проходимых маршрутах следовало замечать все перемещения японских обозов, расположение складов и дислокацию воинских частей. В дальнейшем собранные агентами-резидентами сведения через лазутчиков-связных сообщались куратору — упомянутому чиновнику-китайцу, а последний еженедельно доставлял их в штаб 3-й армии, офицеры которого по примеру своих коллег из разведывательного отделения 2-й армии использовали методику перекрестной разведки для верификации получаемой информации.

Оплата услуг чиновника осуществлялась следующим образом: по достижении договоренности он получил аванс в 5 тыс. руб. плюс 500 руб. для обустройства торговых предприятий в пунктах расселения агентов-резидентов. Затем он должен был получать от русских властей по 1800 руб. ежемесячно и уже самостоятельно расплачиваться со своими подопечными⁴⁰².

Любопытно отметить, что при отступлении из Мукдена, когда население ожидало общую передислокацию царских войск из южной Маньчжурии на север к Харбину, и поэтому вербовка новых лазутчиков представ-

ляла немалые трудности, чиновник-китаец продолжил сотрудничество с военной разведкой, привлекая грамотных селян и жителей небольших городков частью за деньги, а частью играя на желании мести за насилия, причиненные японцами, их родственникам⁴⁰³.

По данным итогового отчета Квецинского, количество агентов, направленных им и его помощниками в распоряжение противника с 18 (31) марта по 16 (29) октября 1905 г. (то есть уже после окончания войны) составило 885 ходоков, из которых 797 чел. (90%) не вернулись с первого задания, 59 чел. исполнили поручения дважды, 17 — трижды, 6 — четырежды и 3 — пять и более раз. Обычная сумма выплат лазутчикам составляла 5–10 руб. кормовых и 10–40 руб. наградных за успешное решение поставленной задачи⁴⁰⁴.

При этом, как и у В.В. Блонского, от лазутчиков требовалось обязательное доставление документов и предметов, оброненных японскими военнослужащими, а для беспрепятственного прохода через расположение маньчжурских армий им выдавались удостоверения, образец которых приведен ниже:

«Удостоверение № __

Дано сие китайцу (имярек), состоящему на службе при управлении военного комиссара (помощника комиссара или пристава) в (название населенного пункта) на свободный пропуск через линии расположения русских войск.

Дата. Подпись военного комиссара (чаще — помощника или пристава)»⁴⁰⁵.

Надо полагать, что система, созданная Квецинским совместно с офицерами разведывательного отделения 3-й Маньчжурской армии функционировала достаточно эффективно. В отчете о своей деятельности, составленном в октябре 1905 г., он резюмировал ее итоги следующим образом:

«На основании годичного опыта нельзя не прийти к заключению, что вышеизложенная постановка разведки через туземцев настолько оказалась соответствующей и удовлетворяющей предъявляемым к ней требованиям, что в случае новой войны на Дальнем Востоке её следует принять за основную и уже из неё исходить для дальнейшего усовершенствования приемов разведки»⁴⁰⁶.

Даже критически настроенный по отношению к самодержавному режиму К.К. Звонарев вынужден был констатировать:

«В первое время доставлявшиеся сведения можно было считать мало надежными. Они были отрывочны. Тем не менее, при сопоставлении получаемых этим путем сведений с другими источниками они все-таки по-

могли воспроизвести общую картину, как расположения противника, так и тех перемещений, которые совершались в указанном районе»⁴⁰⁷.

Однако по-настоящему революционным нововведением полковника Квецинского стало учреждение разведывательной школы для обучения лазутчиков-китайцев. Очевидно, в ответ на соответствующий рапорт военного комиссара, генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего В.А. Орановский писал ему 28 марта (10 апреля) 1905 г.:

«Если Вам время и средства людьми и деньгами дадут возможность одновременно устроить школу для подготовки постоянных военных разведчиков из китайцев, то главнокомандующий вполне одобряет такую меру, но на первом месте ставит требование возможно скорого издания газеты на китайском языке»⁴⁰⁸.

Можно предположить, что затруднения с возобновлением издания печатного органа, о которых мы уже говорили, только стимулировали открытие школы. Оно состоялось 1 (14) апреля 1905 г. в соответствии с приказом начальника штаба главнокомандующего. Правда, отсутствие опыта и квалифицированных кадров привело к тому, что во главе нее был поставлен студент Восточного института г. Владивостока, некий Спицын, предназначенный сначала на должность редактора все той же газеты «Шэнцзиньбао». Вполне очевидно, что слабое знание им структуры японской армии, не говоря уже о приемах тактической разведки, снижало эффективность подготовки лазутчиков⁴⁰⁹.

Отчет полковника Квецинского дает представление об итогах работы разведшколы. За период ее функционирования в апреле – мае 1905 г. было подготовлено 24 лазутчика, которые ежемесячно получали 15 руб. жалования в период обучения и 50–100 руб. после окончания, не считая единовременной выплаты 15 руб. на закупку фуража и 75 руб. на приобретение лошади и седла. Однако, по признанию самого Квецинского, выпускники школы «не выказали сколько-нибудь значительной разницы от других агентов и не оправдали затраченных на них денег»⁴¹⁰.

Попытка офицеров – помощников Квецинского реорганизовать эту структуру, упростив программу и сократив срок обучения с трех недель до трех дней, несколько улучшила ситуацию. Однако в июле ее деятельность была признана мало целесообразной, что привело к закрытию школы, хотя практика проведения с агентами начального инструктажа сохранилась даже после подписания мирного договора⁴¹¹.

Тем не менее, опыт формирования первых в истории российских спецслужб «обучающих центров» оказался очень полезным. Как справедливо подчеркивалось в итоговом докладе разведывательного отделения штаба главнокомандующего:

«К сожалению, школа была учреждена только после мукденских боев и нельзя не признать, что такого рода школы могли бы служить наилучшим средством для подготовки надежных и сведущих разведчиков...»

И далее составители доклада констатировали:

«Опыт войны равным образом показал, что только надлежащим образом подготовленные, ознакомленные с организацией японских войск и направленные с определенной задачей лазутчики были в состоянии давать полные, достоверные и полезные сведения о неприятеле, добывая документальные данные в виде конвертов от писем, ярлыков, блях и т. п. или указывая номер части (полка, дивизии, армии).

Насколько сведения от китайцев-лазутчиков бывали при соблюдении вышеназванных требований полными и полезными, можно судить по прилагаемой схеме (не сохранилась. — Е. С.) расположения войск противника перед фронтом 1-й Маньчжурской армии, составленной капитаном Афанасьевым исключительно на основании донесений от лазутчиков и по чертежам, составленным самостоятельно агентами-китайцами»⁴¹².

В этой связи трудно согласиться с мнением М. Алексева, который после детального описания агентурной работы разведывательных отделений на протяжении второго периода войны неожиданно для читателя безапелляционно заявляет:

«Окончательный удар по использованию лазутчиков-китайцев в интересах разведки был нанесен поражением русских войск под Мукденом»⁴¹³.

Но весь корпус источников, приведенных нами выше, говорит как раз об обратном: именно к середине 1905 г. система организации агентурной разведки на театре военных действий наконец-то приобрела более или менее стройный вид, что значительно усилило ее эффективность.

Рассмотрев тактический уровень военно-разведывательной деятельности маньчжурских армий, перейдем к характеристике оперативной работы спецслужб в полосе непосредственного соприкосновения с противником.

Изменение методики проведения войсковой разведки

Возрастание значения полевой разведки вызывалось сначала процессом реформирования структуры управления и организации сухопутных и морских сил России на Дальнем Востоке, а затем утратой армейскими штабами значительной части агентурной сети в результате катастрофы

под Мукденом. При этом основное бремя проведения разведывательных операций легло на плечи штабов отдельных отрядов и корпусов, точнее, старших адъютантов и офицеров для особых поручений, которые координировали эту сферу деятельности в дивизиях и полках.

Их рапорты и донесения составили значительную часть массива документов, включенных в отчеты разведывательных отделений трех маньчжурских армий.

Поскольку, как уже говорилось выше, штаб первой из них фактически возложил функции оперативной разработки агентуры на генштабистов в составе корпусов и отрядов, то рассмотрение этого вопроса целесообразно начать именно с армии под командованием Н.П. Линевича, а со 2 (15) марта 1905 г. — А.Н. Куропаткина.

Так, например, рапорт временно исполняющего должность начальника штаба 1-го армейского корпуса полковника Стаховича, направленный им в вышестоящее разведывательное отделение, раскрывал методику работы с агентами-китайцами в полевых условиях:

«...За все время тайной разведки на службе штаба было 13 лазутчиков. Эти лазутчики не были постоянными. Лучшие из них удерживались более продолжительное время; те же, которые оказывались мало способными, отпускались нередко после первого же исполнения поручения...

Скорость возвращения лазутчиков вполне зависела от полученной ими задачи. Продолжительность пребывания лазутчиков в районе, занятом противником, длилась от 6 дней до полутора месяцев (добавим, что на территорию, занятую японцами они забрасывались в большинстве случаев с флангов расположения корпуса⁴¹⁴. — Е. С.).

Агенты получали 60 руб. в месяц на всем готовом. Лучшие лазутчики получали ежемесячное жалование в размере 120 руб.; кроме того, при каждой посылке им выдавалось обыкновенно около 30 руб. на различные расходы, сопряженные с посылкой, а по выполнению удачно возложенного поручения награждали до 25 руб. ...

Лазутчики, еще не испытанные, получали отдельно плату за известное поручение от 30 до 50 руб., расходы их и еда также оплачивалась, но в размере не свыше 15 руб., наградные выдавались от 10 до 25 руб. Лазутчик-резидент за каждое присланное им письмо из места, назначенного ему для жительства, получал 10–15 руб.»⁴¹⁵

Как следует из этого и других донесений, офицеры, занимавшиеся разведкой в полевых условиях, аналогично своим коллегам из вышестоящих штабов, стремились разделить лазутчиков на резидентов (например, в тылу японцев на Янтайских копях, в Ляояне и Инкоу), лиц, выполнявших специальные задания, и просто посыльных-связных.

Эффективность оперативной разведки возростала с участием в ее организации российских подданных, владевших китайским и японским языками, как это было, скажем, в Таулуском отряде, подчинявшимся штабу 1-й армии. Здесь офицер Генерального штаба, ответственный за агентурную работу, привлек к сотрудничеству лектора и студента Восточного института, которые владели разговорным китайским, а также местного переводчика. Количество лазутчиков, одновременно выполнявших секретные поручения, варьировалось от 5 до 10 чел. Всего было представлено 75 донесений, но, к сожалению, ни одного японского документа. Средняя сумма ежемесячного жалования лазутчика составляла 30 руб. Однако большинство из них, как и в других корпусах и штабах армий, не возвращались с заданий, в том числе и по причине провалов. При поимке и разоблачении русских агентов японцами их обычно либо вешали, либо живьем закапывали в землю⁴¹⁶.

Во 2-м Сибирском корпусе после назначения офицера Генерального штаба начальником разведки в апреле 1905 г. районы проведения агентурных мероприятий были поделены на ближний и дальний: в первом силами лазутчиков осуществлялся постоянный мониторинг ситуации, а во второй направлялись особо надежные агенты со специальными поручениями. При этом схема оперативной разработки китайской агентуры, достигла профессионального уровня. Ее детальную характеристику можно найти на страницах книги К.К. Звонарева:

«Агентов-резидентов он (т.е. руководитель корпусной разведки. — Е. С.) имел шесть человек, расположенных в шести разных пунктах, — отмечал советский эксперт. — При каждом из них находилось по три агента связи и столько же при заведующем разведкой корпуса. Назначение их было следующее: как только от резидента приходил агент связи, к нему же немедленно высылался другой агент связи из штаба корпуса. Благодаря такому порядку, якобы удавалось достичь того, что донесения не задерживались, поступали регулярно, и резидент также регулярно получал руководящие указания. Резидент имел несколько осведомителей, которые шныряли по всему району и собирали нужные сведения»⁴¹⁷.

К этому необходимо добавить дифференциацию лазутчиков по двум категориям — получавших жалование сдельно и помесечно. Впрочем, практика скоро показала, что наиболее ценные агенты были склонны именно ко второй форме оплаты их услуг.

Интересным нововведением в штабе 2-го корпуса явилось направление лазутчиков-китайцев для сопровождения японских частей. Самыми подходящими для этой роли оказались ремесленники-мастеровые, как, например, кузнец и плотник в одной из дивизий армии генерала Куроки.

Верификация полученной информации осуществлялась путем перекрестной разведки, либо через очные ставки агентов, сведения которых противоречили друг другу. Обычно один из них признавался, что не дошел до указанного пункта и поэтому сообщил ложные данные. В таких случаях виновный подвергался наказаниям.

Детально разбирая эту систему, даже предвзято настроенный в отношении царской военной разведки К.К. Звонарев вынужден констатировать, что она приносила неплохие результаты, причем наиболее ценные документы поступали от резидентов⁴¹⁸.

Свои особенности имело проведение агентурной разведки штабными офицерами других соединений 1-й армии.

Так, число лазутчиков, привлеченных к сотрудничеству штабом 3-го Сибирского корпуса, колебалось от 10 до 25 чел., однако найти подходящих людей было довольно трудно, и поэтому процент отсева случайных лиц достигал 70–80%. Офицер-востоковед, занимавшийся организацией разведки в 4-м Сибирском корпусе, высылал до пяти лазутчиков одновременно не только для того, чтобы определить дислокацию войск противника впереди по фронту, но и на флангах соседних с ним соединений 1-й Маньчжурской армии. Начальник разведки 7-го Сибирского корпуса редко находился при штабе, зато почти постоянно вблизи передовых позиций. Он сам вербовал лазутчиков в окрестных деревнях и переходил линию фронта с целью личной проверки доставленных ими сведений. Всего с ноября 1904 до сентября 1905 г. через штаб корпуса прошли 152 агента, сообщивших 152 донесения и собравших 75 документов⁴¹⁹.

Определенный интерес представляла также специфика проведения агентурных мероприятий соединениями 3-й Маньчжурской армии.

Например, в 5-м корпусе офицером, отвечавшим за разведку, была разработана целая система, говоря современным языком, мотивации лазутчиков: за неверные или фальсифицированные данные они могли лишиться от половины до всей суммы месячного жалования. В то же время каждому агенту ставилась строго конкретная задача и определялся маршрут, следуя по которому он должен был фиксировать все, что видел (оружия, транспортные средства, войсковые подразделения), доставляя с собой вещественные доказательства, желательно с клеймами японских частей и соединений. При этом сведения без подтверждения собранными предметами оплачивались крайне малыми суммами в 10–15 руб. Кроме того, на выдававшихся лазутчикам удостоверениях расписывались офицеры сторожевого охранения, удостоверявшие проход данного лица через русские позиции. Всего штаб 5-го корпуса имел 28 агентов-ходоков, из которых пятеро пропало без вести⁴²⁰.

Любопытно, что в 17-м корпусе было создано целое разведывательное отделение, которое состояло из начальника (капитана Генерального штаба), вольноопределяющегося, двух студентов Восточного института и нескольких переводчиков-китайцев. Непосредственно вербовкой занимались либо последние, либо строевые офицеры в кавалерийских частях, уполномоченные начальником разведки⁴²¹.

Что же касается соединений 2-й армии, то, к примеру, в штабе 6-го Сибирского корпуса все направления полевой разведки курировал обер-офицер для поручений, который через доверенного китайца нанял на службу 27 лазутчиков-ходоков, причем меньшая их часть получала жалование ежемесячно, а остальным оплачивали каждое донесение⁴²².

Опыт организации разветвленной сети информаторов в прифронтовой полосе показал, что тщательный учет их психологии и проведение предварительного инструктажа существенно усиливали отдачу:

«При посылке агентов им внушалось не ходить с русской стороны в компании с кем бы то ни было, не надевать хорошей одежды, не выдавать своей грамотности, говорить, что идет с юга, живет неподалеку, иметь всегда наготове правдоподобный предлог, объяснявший его присутствие в данном районе, в противном же случае — прикинуться кретином», — отмечал специально изучавший этот вопрос К.К. Звонарев⁴²³.

Если у лазутчика не было родных или близких на территории, занятой японцами, то ему даже предлагалось совершить специфический китайский обряд «коу-тоу», иначе говоря, побрататься с лицом, способным сообщить заслуживающую внимание информацию. При этом осведомителю внушалась необходимость возможно более частых встреч с японцами. Лучшим вариантом, как уже подчеркивалось, являлось его поступление на службу к противнику, например, уборщиком к офицеру. Агентам вменялось в обязанность посещать курильни опиума, игорные заведения и другие аналогичные притоны, заводить широкие знакомства, особенно с китайцами-переводчиками или денщиками у японцев.

По возвращении из тыла противника лазутчики содержались в особом помещении, допуск в которое для всех лиц, кроме офицеров разведки, был воспрещен. Общение агентов между собой также не допускалось. За выполнением этого правила надзирал специальный переводчик-китаец⁴²⁴.

Следует подчеркнуть, что использование в качестве заложников членов семьи лазутчика и института «круговой поруки» применялось русской военной разведкой в гораздо меньших масштабах, по сравнению с японской.

Подводя итоги деятельности на оперативном уровне, укажем, что, несмотря на трудности объективного характера (скоротечность кампании,

слабое первоначальное знание психологии, традиций и обычаев народов Дальнего Востока, отсутствие опыта, серьезные меры безопасности, принятые японцами в прифронтовой полосе) и субъективного порядка (чехарда формирований и переформирований штабов, несогласованность действий, столкновение личных амбиций, а нередко и откровенное пренебрежение разведанными со стороны вышестоящих начальников), к середине 1905 г. был накоплен значительный опыт построения разветвленной, эшелонированной системы сбора и передачи секретной информации в полосе обороны маньчжурских армий.

«Чуждая страна, население и язык, недостаточное знание местности, — писал помощник старшего адъютанта штаба 2-й армии капитан Генерального штаба П.И. Измestьев, — вот общие данные, которые затрудняли войсковую разведку и делали неизбежной и непреложно необходимой разведку тайную, которая одна только могла дать отправные данные о группировке сил противника, об их сосредоточении, об усилении и проч.»

Общая количественная оценка лазутчиков, одновременно выполнявших задания, варьировалось по корпусам в пределах от 10–15 до 40 чел., размер ежемесячной оплаты их услуг составлял от 25 до 70–80 руб., а «гонорары» за доставленные сведения или предметы колебался в пределах от 5 до 30 руб. Оперативная глубина проникновения в расположение японских войск не превышала 50–60 км по ширине фронта дислокации того или иного корпуса.

Однако при всей значимости оперативной разведки силами местных жителей дальневосточная кампания выявила очевидные упущения: плохое знание военной терминологии лазутчиками, их неподготовленность к выполнению сложных заданий, ненадежность и продажность, вплоть до стремления получать деньги, как у русских, так и японцев (в источниках нередко упоминаются «двойные» агенты).

Поэтому на протяжении 1905 г. действующие соединения и части по-прежнему прибегали к услугам охотничьих команд и отдельных лиц, совершавших пешую или кавалерийскую разведку расположения противника глубиной от 10 до 30 километров. Главной целью таких вылазок являлся сбор вещественных материалов (т.е. предметов снаряжения, обмундирования, вооружения) и документов (т.е. официальной переписки, карт и планов, личной корреспонденции, записных книжек и дневников, а также газет) наряду с захватом пленных — «языков». Последнее обычно осуществлялось в ночное время⁴²⁵.

Приведем характерный приказ по 41-й пехотной дивизии 10-го армейского корпуса относительно действий групп охотников, датированный 17 (30) июля 1905 г.:

«...Органами для разведывания в полках должны быть пешие и конные охотничьи команды. При наступлении или занятии позиции пешая охотничья команда должна находиться перед фронтом полка, впереди всех охраняющих частей и прикрывать полк цепью, через которую никто не должен пробираться; конные охотники должны находиться впереди пеших и на флангах их для осмотра местности.

Лучший способ действий пешей охотничьей команды — скрытность: огонь охотники должны открывать только в крайности, например, против неприятельских разведчиков, скрытно пробирающихся к расположению наших войск, или против неприятельских наблюдателей за результатами стрельбы.

Если бы полк выслал боевую цепь, и артиллерия выехала на позицию, то охотники не должны прекращать своих разведок и наблюдений за неприятелем (например, с деревьев, из-за могил, с устроенных заранее укрытий и т.п.); чем дальше впереди цепи будут находиться охотники, тем труднее, конечно, будет их задача, но зато и вернее добытые ими сведения и больше заслуг разведчиков»⁴²⁶.

Следует подчеркнуть, что русское командование на втором этапе войны стремилось устранить недостатки в подготовке войсковых разведчиков. Нам удалось обнаружить план ротных и батальонных учений частей 17-го армейского корпуса от 11 (24) мая 1905 г., в котором предусматривалась отработка взаимодействия групп охотников, назначенных командирами подразделений:

«Разведчики делятся на три группы, — говорилось в документе, — из которых: одна направляется против фронта неприятельских позиций, а две другие — на фланги. Каждой группе назначается для направления какие-либо местные предметы.

Желательно, чтобы разведчики имели: компасы, книжки для донесения и флажки для сигнализации...»⁴²⁷

Однако неукоснительное обеспечение противником режимов секретности и обеспечение сохранности документов вкупе с постоянным отступлением русских войск значительно снижали вероятность получения информации. Примером является снятие японскими военными погон для введения в заблуждение разведки противника.

Показательно, что случаи доставления полевой разведкой по-настоящему ценных предметов или документов можно было перечислить по пальцам. Самым крупным трофеем штаба 1-й Маньчжурской армии в январе 1905 г. стали материалы канцелярии 2-го резервного пехотного полка у деревни Хэкоутай и диспозиция японских частей, оказавшаяся при пленном офицере 42-го резервного пехотного полка⁴²⁸.

Не столь редкие находки писем и конвертов частных лиц являлись малоинформативными, за исключением адресов и почтовых штемпелей, которые позволяли уточнить расположение той или иной боевой единицы в прифронтовой полосе. Как подчеркивалось в отчете штаба 1-й армии, «ряд таких адресов, совпадающих с другими признаками, уже достаточно обеспечивал правильность предположения, что войсковая часть, указанная на нескольких конвертах, действительно расположена в полном составе в данном пункте». Анализ упрощался еще и тем обстоятельством, что японское командование избегало дробить дивизии, бригады и полки в отличие от обычной и, добавим, порочной практики А.Н. Куропаткина, хотя могло и намеренно вводить в заблуждение русских, разбрасывая подложные конверты и письма⁴²⁹.

Более полную информацию могли дать только пленные. В предыдущей главе уже говорилось о попытках командования стимулировать их захват путем выплаты вознаграждения, хотя эта мера не принесла ощутимых результатов. На протяжении второго периода кампании ситуация оставалась прежней. Отход русских частей на север вдоль линии ЮМЖД затруднял добывание «языков». Кроме того, многие японские военнослужащие, особенно офицеры, предпочитали самоубийство плену, рассматривая его как личный позор. Если их захватывали на поле боя, то обычно в результате тяжелого ранения, которое оставляло мало шансов на выживание.

Но, даже оказавшись в плену, далеко не все военнослужащие шли на контакт с разведкой противника, ссылаясь либо на непонимание вопросов, либо на незнание обстановки. В крайнем случае, давались уклончивые ответы и ложные показания⁴³⁰.

Кстати сказать, сам опросный лист военнопленного приобрел формализованный вид только к концу войны, хотя его контекст так и не был дифференцирован по категориям: нижних чинов, офицеров, гражданских чиновников на военной службе и т.д. Кроме того, точность перевода специальной терминологии оставляла желать лучшего⁴³¹.

Как правило, опросный лист включал 17 пунктов, хотя встречались и чуть сокращенные (на два пункта) варианты. В нашем распоряжении оказался образец этого документа, утвержденный начальником штаба 1-й Маньчжурской армии В.И. Харкевичем и направленный им 7 (20) августа 1905 г. командиру 8-го армейского корпуса генерал-лейтенанту Скугаревскому:

«Опросный лист японского военнопленного

1. Название части, чин, фамилия, возраст, семейное положение, род занятий;
2. Кем и где захвачен в плен;

3. Когда поступил на службу;
4. Когда часть выступила из Японии;
5. Когда и где высадилась;
6. Какой части, роты;
7. Как зовут командиров;
8. Сколько человек в роте;
9. Сколько отделений во взводе;
10. Много ли больных, раненых, какие болезни;
11. Дислокация части (роты);
12. Довольствие;
13. По сколько патронов на солдате;
14. Когда прибыло последнее пополнение;
15. Идут ли пополнения;
16. Много ли в части резервистов и ополченцев;
17. Дополнительные сведения»⁴³².

В первое время для «развязывания языков» русскими применялись традиционные методы: побои и издевательства. Однако они приносили мало толка. Тогда стали искать другие средства, в частности, помещать среди пленных переодетых информаторов-китайцев, и это изменило ситуацию⁴³³.

«Опыт показал, — писали составители отчета разведывательного отделения штаба главнокомандующего, — что мягкостью и сердечностью к пленным, в особенности играя на их самолюбии, можно было добиться большего, чем строгостью и запугиванием»⁴³⁴.

Отталкиваясь от сведений о количестве военнопленных, прошедших через штаб 1-й Маньчжурской армии с 26 октября 1904 г. по 1 сентября 1905 г., которое составило 366 человек, а также, принимая во внимание число офицеров (15) и нижних чинов (808)⁴³⁵, плененных шестью ее корпусами за аналогичный период, можно с учетом действий 2-й и 3-й армий оценить общую численность попавших в плен японских военнослужащих примерно в 3–3,5 тыс. человек. Сравнительная редкость захвата «языков» иллюстрируется анекдотичным случаем демонстрации начальником одной из дивизий генерал-майором Добржинским пленного японца офицерам дивизионных и корпусных штабов⁴³⁶.

С другой стороны, мероприятия противника по снижению риска оказаться в русском плену на протяжении позиционного этапа войны оказались весьма эффективными. Приведем свидетельство одного из участников кампании — офицера-топографа А. Косматова, который описал «подвиги» пеших охотников из состава 2-го Дагестанского полка так называемой «дикой» Кавказской бригады:

«По прибытии на позиции они в первую же ночь пошли на вылазку. Подкравшись совершенно незаметно к сторожевому охранению японцев, они вырезали несколько постов и произвели сильнейший переполох. Это понравилось горцам, и в следующую ночь они отправились к японцам уже в большем числе. Но хитрый и сообразительный противник не дал провести себя во второй раз. Выставив секреты, японцы вовремя открыли приближение наших «диких» и начали такую стрельбу, что из кавказцев пострадало до 50 человек убитыми и ранеными. После этой неудачи горцы уже более не пускались в такие отчаянные, рискованные предприятия, а работали винтовками на общих основаниях»⁴³⁷.

И такие примеры были не единичны. Видимо, неслучайно поэтому А.Н. Куропаткин впоследствии отмечал:

«Хотя наши разведывательные отряды достигают силы в одну или несколько сотен, их зачастую останавливает десяток японских пехотинцев»⁴³⁸.

Правда, сказанное больше относилось к кавалерийской разведке, которая на протяжении второго этапа войны, также как и в первый, ничем себя не проявила.

Что касается периодов относительно затишья, то ограниченность района действий и превентивные меры японцев сводили на нет все усилия казачьих и драгунских разъездов. Можно привести, пожалуй, единственный случай, когда конный офицер-разведчик лихо появился в непосредственной близости от штаба маршала Ойяма и сумел уйти от преследования⁴³⁹.

Сотрудники разведывательного отделения 3-й Маньчжурской армии в своем отчете характеризовали ситуацию следующим образом:

«Разведка, как конницы, так и конных охотников, давала сведения только о движении передовых частей противника. Японцы не пропускали через свою кавалерийскую завесу нашу разведку, так как по мере движения вперед своей конницы, они тотчас же продвигали вперед и свою пехоту с пулеметами. Кавалерия являлась бессильной добыть сведения в конном строю, а по своей малочисленности боя в пешем строю вести не могла»⁴⁴⁰.

Настроения разведчиков хорошо переданы в воспоминаниях участников и литературных произведениях, принадлежащих перу очевидцев событий. Вот как, например, описывал разговор двух кавалерийских офицеров в феврале 1905 г. штабс-ротмистр А. Скосаревский на страницах своего «психологического этюда»:

«— Вы как же поедете? Какой дорогой?

— Я поеду по берегу Тайцзыхэ до Скалистой сопки, как приказано, а далее сверху на северо-запад к Наньсиньху.

— Послушайте, ведь это же рискованный путь! Вам придется ехать почти мимо японских постов... Отправляйтесь лучше по дороге, которой ходят наши разъезды для связи, она совершенно безопасна, и казаки ее хорошо знают.

— Но ведь мне приказано ехать по берегу, как же я поеду другой дорогой?

— Мало ли, что приказано, а вы поезжайте. И дорогой черкните донесение, что все благополучно.

— Перестаньте. Что вы говорите? Очень жаль, что нет сейчас у меня времени — мы бы с вами потолковали на эту тему, а в особенности на тему о наших разведчиках, пишущих свои донесения по наитию, от «лукавого».

— Послушайте, ведь сейчас почти все так поступают!»⁴⁴¹

В дополнение позволим себе привести фрагмент из упоминавшегося романа П. Далецкого. На страницах произведения один из бывалых казаков развивал данную тему следующим образом:

«Я не первый раз в разведке. Куда проникла сегодня наша конная разведка, что она узнала, о чем я доложу начальнику? Встретил в горах пехоту, был обстрелян, а много этой пехоты, мало, чьи части, — мне неизвестно»⁴⁴².

Результатами таких рекогносцировок являлась утрата реального представления о дислокации противника на длительный период времени. Так, после Мукдена истинная картина восстанавливалась усилиями тактической и оперативной разведки в течение двух месяцев, вплоть до середины мая 1905 г. Аналогичным образом прибытие в Маньчжурию свежих 14-й, 15-й и 16-й японских дивизий было удостоверено окончательно по захваченным документам только спустя несколько недель после их высадки на материке⁴⁴³.

Источники свидетельствуют, что во время передышек между боями кавалерийская разведка проявляла пассивность и безынициативность, не утруждая себя перепроверкой данных, полученных «в поле». Но не лучше обстояло дело и во время сражений, когда наблюдалось очевидное запаздывание со сбором, а главное передачей по назначению разведанных.

Классическими примерами возникновения серьезных проблем с обеспечением кавалерийской разведкой сначала наступательного движения, а затем и обороны русских войск являлись бой под Сандепу в январе 1905 г. и генеральное сражение под Мукденом в феврале (марте) того же года⁴⁴⁴. По воспоминаниям генерал-лейтенанта Ф.К. Гершельмана о Мукденской битве, присутствие на правом фланге русских армий до 40 эскадронов и сотен с исключительно разведывательными задачами, отнюдь не гарантировало командованию получение исчерпывающих сведений касательно

обходного движения противника и направления действий той или иной японской армии⁴⁴⁵.

Слабым местом русской войсковой разведки оставалось ограниченное количество и недостаточное использование технических средств, включая новейшие оптические приборы — бинокли, подзорные трубы и т.п. Вряд ли в качестве оправдания стоило, как это делали офицеры штаба 3-й Маньчжурской армии, ссылаться на влагу и дым от костров, которые якобы мешали наблюдениям⁴⁴⁶. Полагаем, что причина низкой эффективности наблюдений на местности с помощью этих устройств крылась в неподготовленности, как строевых офицеров, так и генштабистов, к проведению такой разведки.

Не лучше обстояло дело и с использованием первых средств наблюдения за противником с высоты — воздушных шаров. Вопрос об их применении впервые был поднят в русской армии еще в середине 80-х гг. XIX в. К началу русско-японской войны под Петербургом был организован учебный воздухоплавательный парк, начальником которого состоял подлинный энтузиаст своего дела полковник А.М. Кованько. Кроме парка имелось семь крепостных воздухоплавательных отделений.

19 июля (1 августа) 1904 г. под Петергофом в присутствии Николая II прошли испытания воздушных шаров и т.н. змейковых аэростатов, изобретенных немцами в 1897 г. Царь одобрил их использование для войсковой разведки и учредил отдельный Восточно-Сибирский полевой воздухоплавательный батальон в составе двух рот. Командиром нового подразделения был утвержден все тот же полковник Кованько⁴⁴⁷.

В результате к концу 1904 г. одна из воздухоплавательных рот батальона появилась в частях 3-й Маньчжурской армии. Кроме того, имеются сведения о применении новых средств разведки защитниками Порт-Артура. Посредством специального устройства воздушные шары или аэростаты наполнялись водородом, что представляло серьезную опасность для техников и офицеров-наблюдателей. Разведке с воздуха мешали природные явления — туман и прямые лучи восходящего солнца, а также обстрел противника с близкого расстояния. Поэтому использование методов воздушного наблюдения и аэросъемки позиций неприятеля являлось дорогим и не слишком эффективным. К началу самого крупного за время войны Мукденского сражения рота фактически прекратила существование, поскольку запасы требуемых веществ для получения газа были исчерпаны, а денег на новые в расходах военного ведомства не предусматривалось⁴⁴⁸.

Довольно успешно русские военные разведчики продолжали перехватывать телеграфные сообщения противника из Европы в Токио через Шанхай. Только за апрель 1904 — март 1905 гг. ими было дешифровано

350 телеграмм. Правда, после завершения прокладки подводного кабеля между Японией и США интенсивность функционирования ранее действовавшего канала значительно снизилась⁴⁴⁹.

Более активно технические средства использовались русской военно-морской разведкой. В предыдущих главах мы уже рассказывали о первых опытах применения радиоразведки, санкционированных вице-адмиралом С.О. Макаровым. После падения Порт-Артура и гибели 1-й Тихоокеанской эскадры основную роль в ее проведении сыграл лейтенант Б.И. Долово-Добровольский — старший флаг-офицер в штабе командующего Владивостокским отрядом крейсеров контр-адмирала Гревса. По его инициативе, была создана система перехвата, дешифровки и постановки помех для радиопереговоров кораблей японской эскадры адмирала Камимурь. Вскоре к этой работе подключились два студента Восточного института, хотя они, также как и генштабисты, не обладали опытом радиоразведки, да еще и с использованием малопригодной аппаратуры⁴⁵⁰.

Впрочем, служебная корреспонденция содержит информацию и о попытках неприятеля перехватывать, правда, не радио-, а телеграфные сообщения русских. Например, контр-адмирал Гревс посчитал необходимым информировать штаб Приамурского военного округа о предположениях своих подчиненных на сей счет:

«При осмотре морского наблюдательного поста на мысе Майделя военный телеграфист старший унтер-офицер Петухов доложил капитану Феклину, что он склонен подозревать возможность перехватывания наших телеграмм кем-то включением в линию телеграфа какой-то неизвестной станции, так как часто случается, что телеграф вдруг без видимой причины перестает действовать»⁴⁵¹.

Помимо радиоразведки, Владивостокская база прославилась в годы войны еще одним нововведением — подводными лодками. Первый промышленный образец русской субмарины, получивший название «Дельфин», поступил на вооружение Тихоокеанского флота в 1903 г. С началом боевых действий морское ведомство форсировало строительство подводных лодок на Балтике и разместило заказы в зарубежных странах (например, США). К концу 1904 г. во Владивосток были доставлены по Транссибу семь субмарин, а на протяжении 1905 г. — еще шесть лодок. Как справедливо отмечали отечественные исследователи, «это был первый стратегический маневр подводными силами между морскими театрами с использованием железных дорог и специальных транспортеров, на которых перевозились лодки»⁴⁵².

Одновременно со строительством субмарин для них готовились экипажи. Обучение проходило на «Дельфине» под руководством капитана 2-го

ранга Беклемишева — уже опытного офицера-подводника. В январе 1905 г. на крейсере «Громобой» состоялось специальное совещание, на котором был выработан план боевых действий кораблей нового типа против японцев в районе Сонгарского и Корейского проливов, куда они должны были ночью доставляться на буксире миноносцами. Предполагалось, что надводные корабли будут атаковать неприятельские порты, а субмарины вести поиск судов противника на коммуникациях. Однако реализация этого плана столкнулась с техническим несовершенством первых подводных лодок типа «Касатка» и «Сом», а также отсутствием у их экипажей боевого опыта⁴⁵³. Не смогли они и помешать десанту японцев на остров Сахалин 21 июня (4 июля) 1905 г.

И все же субмарины внесли свой вклад в оперативную разведку и охрану побережья Приморской области, особенно крепости Владивосток. 28 апреля (11 мая) 1905 г. в 70 милях от базы они обнаружили два японских миноносца. Командир лодки «Сом» принял решение атаковать противника, но корабли Страны восходящего солнца быстро исчезли, воспользовавшись туманом. Это была первая и единственная атака субмарины боевых судов неприятеля. Японцы убедились в том, что русские подводные лодки способны причинить им ущерб в случае попытки захвата Владивостока с моря⁴⁵⁴.

Ближняя морская разведка осуществлялась также обычными средствами — надводными боевыми кораблями: миноносцами в прибрежных водах и крейсерами на океанских коммуникациях противника. Весной 1905 г. зафиксированы действия четырех крейсеров в морях, омывающих Японские острова. Один из них — «Кубань» осмотрел два парохода на путях к Иокогаме, но не обнаружил военной контрабанды. Другой — «Терек» — в конце мая — начале июня потопил два иностранных судна с военными грузами, предварительно сняв с них команды. Крейсер «Рион» таким же образом проверил несколько транспортов и потопил германское и британское судно в южной части Желтого моря. Последний из кораблей — «Днепр» — уничтожил пароход с контрабандой под «Юнион Джеком» в ста милях от Гонконга.

В то же время игнорирование З.П. Рожественским необходимости разведки вод Корейского пролива силами легких судов явилось одной из причин Цусимской катастрофы 2-й Тихоокеанской эскадры в мае 1905 г.

«Ожидания адмирала, не подкрепленные фактическим исследованием сил неприятеля на избранном пути, — отмечал впоследствии один из военных экспертов, — не подтвердились, и вместо отряда малых крейсеров навстречу русской эскадре вышел весь японский флот, сосредоточенный

задолго до того в Корейском проливе, главной коммуникационной линии метрополии и армии, действовавших в Маньчжурии»⁴⁵⁵.

К сожалению, после Цусимского сражения разведка крейсерами и перехват ими военных грузов для японцев полностью прекратились. Всего с осени 1904 по июнь 1905 г. ими было осмотрено свыше 50 пароходов, из которых пять пошли на дно, а четыре подверглись интернированию в китайских портах. Однако какого-либо ощутимого влияния на составление оперативных сводок, а тем более пресечение морской контрабанды действия крейсеров, по мнению очевидцев, не оказали⁴⁵⁶.

Развитие системы анализа разведданных и оперативного информирования

Создание эффективной системы селекции, верификации и анализа разведывательных материалов, приобретающих «на выходе» форму сводок или использовавшихся в приказах и распоряжениях командиров всех уровней, о которой говорилось в предыдущей главе, имело продолжение на этапе позиционной войны.

К моменту ожесточенных столкновений на р. Шахэ 25 сентября (8 октября) — 5 (18) октября 1904 г. положение дел с составлением разведывательных сводок и рассылкой их в соединения обстояло далеко не лучшим образом. Они не носили регулярного характера, зачастую передавались в нешифрованном виде и нередко опровергались информацией из других источников⁴⁵⁷.

В отчете разведывательного отделения штаба 1-й Маньчжурской армии, хотя и с излишней категоричностью, этот период кампании характеризовался следующим образом:

«Что же касается войсковых штабов (корпусов, дивизий, отрядов) и самих войск, то они до 26 октября (8 ноября) 1904 г. (т.е. момента разделения Маньчжурской армии на три. — Е. С.) не получали из штаба армии никаких официальных периодических извещений об общей группировке, силах и действиях противника и располагали вообще лишь теми частными сведениями, которые получали своей войсковой или тайной разведкой, то есть сведениями о сравнительно малом районе и притом совершенно безотносительно к общей стратегической обстановке»⁴⁵⁸.

Аналогичным образом описывали ситуацию в итоговых отчетах начальники корпусных штабов той же армии, например, генерал-майор Брикен, который счел необходимым подчеркнуть:

«До сентябрьских (октябрьских по н.ст. — Е. С.) боев на р. Шахэ систематических сведений о противнике из штаба Маньчжурских армий корпусом не получалось. Сведения эти носили случайный характер, передавались телеграммами и выясняли лишь общую группировку японских армий, не определяя организационных деталей. Сведения о боевых столкновениях сообщались редко, в сжатой форме; отмечались только крупные столкновения. Со времени сентябрьских боев вышеуказанные сведения, впрочем, в ограниченном числе экземпляров стали получаться чаще и в более систематическом изложении, хотя нужная их полнота и регулярность рассылки явились со времени формирования штаба 1-й армии.

До сентябрьских боев для получения сведений о противнике и о боевых столкновениях сторон корпус вынужден был держать в соседних корпусах и отрядах офицеров и устанавливать с ними связь особыми линиями летучей почты. Получаемые этим путем сведения, требуя большого наряда конницы, большей частью запаздывали, отличались неполнотой и узкой односторонностью, что объясняется недостаточной подготовленностью и опытностью строевых офицеров, посылаемых для связи.

Так как штаб корпуса, принимая во внимание огромную вообще переписку, не обладал достаточными средствами для быстрого печатания добытых данных, то вследствие вышеизложенных причин не только войска, но и штабы были поверхностно ориентированы. Все сведения, сообщаемые войсками, сводились в лучшем случае к определению линии сторожевого охранения и общей, не всегда даже верной, группировке сил неприятеля»⁴⁵⁹.

Другой генерал-майор на должности начальника штаба корпуса по фамилии Туманов в своем обзоре для вышестоящей квартирмейстерской службы нарисовал похожую картину:

«Штабом Маньчжурской армии посылались очень редко только небольшие таблички с указанием состава японской армии и форм обмундирования, а в конце 1904 г. были получены сброшюрованные сводки сведений о противнике с сентября по ноябрь, которые до того составляли для всех секрет, но ко времени их получения потеряли почти, конечно, всякое значение; поэтому штабы корпусов старались сами, сколько могли, пополнить этот недостаток частными своими разведками и обменом сведениями с соседями»⁴⁶⁰.

Таким образом, из приведенных источников видно, что перед русской военной разведкой стояла задача серьезного улучшения системы получения и передачи информации, поддержания оперативной связи с корпусами, дивизиями, отрядами и бригадами, качественного повышения уровня анализа поступавших сведений.

Перелом на этом направлении военно-разведывательной деятельности произошел в конце 1904 — начале 1905 гг., однако Мукденский разгром затормозил преобразования. Поэтому свой окончательный вид схема получения и обработки поступавшей информации приобрела только к середине второго года кампании.

Согласно утвержденному порядку, разведывательное отделение штаба главнокомандующего предложило нижестоящим штабам (1-й, 2-й и 3-й армий, Приамурского военного округа, Заамурского округа пограничной стражи, Мукденского военного комиссара) проводить первичную селекцию, верификацию и группировку полученных ими сведений, ограничив поступление разведанных напрямую из соединений и частей, кроме фланговых отрядов генерал-майоров Ренненкампа и Мищенко. К группе не прошедших обработку материалов были отнесены также донесения «дальних» и «ближних» агентов, копии опросных листов военнопленных и информация, почерпнутая из газет⁴⁶¹.

В процессе верификации, как уже говорилось выше, сведения о противнике делились на документальные, то есть достоверные, и вероятные — предположительные. Первые служили основой при составлении разведсводок, а вторые добавлялись к ним с оговоркой о степени надежности⁴⁶².

Отдельную, если можно так сказать, промежуточную группу сведений давали материалы японской, китайской и европейской прессы. Однако режим строгой секретности, нехватка переводчиков в действующей армии и значительный период времени, необходимый для доставки газет из Старого света, серьезно затрудняли подготовку оперативных дайджестов газет и журналов.

На протяжении всей кампании можно проследить следующую тенденцию в определении степени точности разведанных: с удалением от прифронтовой полосы в тыл противника уровень достоверности информации снижался. Судя по источникам, следует констатировать, что анализ русской военной разведкой динамики подвоза резервов противника, не говоря уже о ситуации на Японских островах, оставлял желать лучшего.

Яркой иллюстрацией низкой оперативности разведки по оценке тактических маневров японцев на театре войны служит упоминавшийся процесс реконструкции фактической дислокации армий и соединений неприятеля после Мукдена, занявший два месяца. Характерно также, что полную картину расположения армейских группировок маршала Ойямы штабу Н.П. Линевича удалось получить только в конце августа 1905 г., то есть к моменту завершения войны.

Конечным продуктом аналитической работы разведывательных отделений на уровне главнокомандующего и армейских штабов выступали

сводки сведений, которые приобрели регулярность в начале второго года кампании, особенно после монтажа соответствующего полиграфического оборудования (сначала гектографа, затем мимиографа и, наконец, походной типографии). С середины мая 1905 г. сводки разведывательного отделения штаба главнокомандующего стали ежедневными (нередко они выходили даже дважды в сутки), а их тираж вырос с 300 до 500 экз., которые высылались в нижестоящие войсковые структуры до бригад и полков включительно. Кроме того, копии сводок направлялись также в центральные и окружные штабы России. Важным результатом этого нововведения непосредственно на фронте стало обязательное ознакомление всех офицеров с оперативными сведениями о противнике⁴⁶³.

Правда, возникла проблема с копированием схем к сводкам, поскольку они обычно исполнялись в две краски на шапирографе, который давал не более 70 качественных оттисков. Соответственно для увеличения их числа приходилось вычерчивать копии, а уже с них делать оттиски. В результате не каждый экземпляр сводки штаба главнокомандующего сопровождался схемами. Впрочем, корпусные и дивизионные штабы успешно использовали метод перепечатывания схем с целью их отправки в бригады и полки⁴⁶⁴.

К этому же времени более или менее законченный вид приобрела и содержательная структура разведывательных сводок, включавшая следующие разделы⁴⁶⁵:

1. Дислокация войск противника по армиям.
2. Подкрепления и резервы японцев.
3. Ситуация в Корее, Маньчжурии, Монголии и Уссурийском крае.
4. Положение дел на острове Сахалин (после высадки там японского десанта).
5. Тактика войск противника.
6. Устройство тыла неприятеля.
7. Выдержки из опросных листов военнопленных.
8. Материалы из газет.
9. Разные известия (информация, не вошедшая в другие разделы).
10. Карты, схемы, кроки позиций, таблицы в приложениях (в случае небольшого объема схемы и таблицы располагались в самом тексте).

Любопытно, что постепенно изменялся сам подход к компоновке материалов сводок. В отчете офицеров разведывательного отделения штаба Н.П. Линевича указывалось по этому поводу:

«...Практика показала, что загромождение одной сводки ответами на все или даже несколько перечисленных вопросов неудобно и что, наоборот, цельность, как исследования, так и впечатления, достигается лучше при сводке, затрагивающей одну какую-нибудь сторону разведки или не-

многие из них за раз; такой тип сводки, стремящийся к возможной сжатости и избегающий разброски и был принят как наиболее отвечающий требованиям штаба главнокомандующего»⁴⁶⁶.

Иными словами, на втором этапе кампании наблюдался переход от сводок общего характера к тематическому, ситуационному анализу, чему способствовали условия самой позиционной войны.

В то же время раздел сводок, объединявший информацию, не вошедшую в другие, представлял собой, как правило, смесь из неподтвержденных фактов и даже слухов, хотя к нему могли относиться и значимые материалы, например, о состоянии японского флота.

Несмотря на существенные изменения к лучшему, сводки все же далеко не всегда отличались точными оценками. Так, численность тех или иных группировок противника обычно давалась двумя цифрами: просто штатного состава и его же с 25% надбавкой⁴⁶⁷.

В свою очередь, завышение количественных оценок японских войск во время локальных боев и крупных сражений приводило к перестраховке со стороны начальников различных уровней, начиная от А.Н. Куропаткина до полковых и батальонных командиров, которым всюду мерещились тысячи и десятки тысяч «вооруженных до зубов» японцев⁴⁶⁸. Это рождало неуверенность в своих силах, сковывало инициативу командования, снижало решимость атаковать неприятеля, приводило к панике во время отходов, часто ничем не мотивированных. Именно так произошло под Мукденом, где неверная оценка демонстрации японцев на левом, гористом фланге маньчжурских армий, представленная в разведывательной сводке штаба главнокомандующего от 8 (21) февраля 1905 г., повлекла за собой просчет в организации контрудара и провал в обороне на противоположном, равнинном фланге⁴⁶⁹.

Говоря о конечном продукте анализа поступавшей информации, следует упомянуть возраставший документооборот по разведке в штабах армий, корпусов и дивизий. Речь идет о заведении в них регистрационных журналов донесений лазучиков (мы уже отмечали это выше), отдельных тематических тетрадей по наблюдениям за гарнизонами, укреплениями, складами, мостами и переправами в прифронтовой полосе, а также подшивок опросных листов военнопленных. Согласно отчету разведывательного отделения 2-й Маньчжурской армии, номенклатура его делопроизводства насчитывала до 15 единиц хранения, что было крупным шагом вперед по сравнению с отсутствием какой-либо специальной документации в начале войны⁴⁷⁰.

Заслуживает внимание еще одна сторона информационного обеспечения войск, а именно, — подготовка офицерами-генштабистами в дополне-

ние к сводкам разведывательных данных справочной брошюры о противнике со следующими разделами: «Организация японских сухопутных вооруженных сил», «Краткое описание форм обмундирования» и «Перечня начальников». Она выдержала два издания по состоянию на 12 (25) апреля и 20 июля (2 августа) 1905 г.

Таким образом, за сравнительно короткий срок, измерявшийся немногими месяцами и даже неделями, русская военная разведка сумела значительно улучшить как методику сбора данных о противнике из различных источников, так и технику ее всестороннего анализа вместе с построением комплексной системы информационно-разведывательной работы на театре войны. К сожалению, результаты проделанной колоссальной работы стали очевидными для царских генералов только тогда, когда шансов выиграть дальневосточную кампанию у России практически не осталось.

ГЛАВА IV

Уроки войны против Японии для военной разведки России

Колебания и боязнь — вот наши недуги и болезни; мы не хотим рисковать ничем и бьем, и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте, противник остается хозяином положения, а быть хозяином положения должны были бы и могли бы быть мы.

*Генерал-квартирмейстер
3-й Маньчжурской армии генерал-майор
М.В. Алексеев*

Роль военной разведки в заключении Портсмутского мира

Первые зондажи относительно возможности мирного завершения дальневосточного конфликта последовали со стороны Японии уже в середине 1904 г., когда во время переговоров с канцлером Б. Бюловым председатель Комитета министров С.Ю. Витте через посредников получил предложение посланника в Лондоне Т. Хаяси о встрече с целью обмена мнениями по сложившейся ситуации. При этом формальный глава российского правительства пользовался собственными информационными каналами, а именно, — донесениями агента Министерства финансов на Британских островах М.К. Рутковского. Однако «военная партия» при дворе Николая II в тот период не хотела и слышать о каких-либо контактах с официальными представителями Страны восходящего солнца⁴⁷¹.

Неудачи на фронтах и особенно падение Порт-Артура вкупе с революционным брожением в стране и нежеланием западных держав кредитовать самодержавный режим усилили разногласия в имперской властной элите относительно необходимости мирных переговоров. Вслед за катастрофой под Мукденом для наиболее прагматичных российских политиков стало очевидно, что продолжение войны бесперспективно не только с точки зрения утраты геостратегической инициативы в дальневосточном регионе, но и с позиций сохранения основ самодержавия.

Наиболее концентрированный вид эти соображения приобрели во всеподданнейшей записке С.Ю. Витте на имя царя, датированной 28 февраля (13 марта) 1905 г. Угрозу затягивания войны сановник связывал с нехваткой финансовых ресурсов, волнениями в обществе, недовольством европейских кредиторов, возможностью потери Сахалина, Камчатки и Уссурийского края:

«Нельзя медлить, — взывал председатель Комитета министров к Николаю II, — нужно немедленно открыть мирные переговоры, и нужно немедленно в широком размере привести в исполнение Ваше поручение А.Г. Булыгину (т. е. созвать законсовещательную Думу. — Е. С.)»⁴⁷².

Но потребовались еще разгром 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском проливе и захват японцами Сахалина, чтобы заставить царя и его ближайшее окружение согласиться на посредничество президента США Т. Рузвельта. Назначение С.Ю. Витте первым уполномоченным от России на переговорах с представителями микадо означало поворот Петербурга в направлении реального урегулирования конфликта. Готовясь к дипломатическим баталиям на американской земле, последний уделил большое внимание сбору информации из различных источников, включая каналы разведки. Так, например, Витте запросил мнения военного министра В.В. Сахарова, председателя только что созданного Совета государственной обороны великого князя Николая Николаевича (мл.) и главнокомандующего Н.П. Линевича. Очевидно, что они в свою очередь базировались на разведывательные донесения, как из европейских стран, так и непосредственно с театра кампании.

Несмотря на превосходство сухопутных сил России над японскими войсками, перспективы дальнейшего продолжения боевых действий, а тем более победоносного их завершения, представлялись высшим военным администраторам маловероятными (впрочем, Линевич от конкретных оценок вообще уклонился). Хотя в прогнозах Сахарова и особенно великого князя выражалась надежда на успешное вытеснение японцев из Маньчжурии, одновременно ими высказывались опасения эвентуальной потери Владивостока и признавалось абсолютное господство противника

на море, что делало задачу очищения от него Кореи и Квантуна невыполнимой.

Еще более пессимистичными выглядели оценки, данные по этому вопросу управляющим Морским министерством А.А. Бирилевым, который прямо заявил Витте, что «вопрос с флотом покончен», и отныне «Япония является хозяином вод Дальнего Востока»⁴⁷³.

Таким образом, данные военной разведки были, наконец, приняты во внимание и учитывались российской делегацией в Портсмуте. Любопытно, что буквально накануне подписания мирного договора произошел инцидент, который мог сорвать церемонию. Начальник тыла маньчжурских армий генерал-лейтенант Надаров, который, как уже знает читатель, отвечал за организацию разведывательной деятельности на территории Внешней и Внутренней Монголии, получил информацию о прибытии в Ургу группы японцев в европейской одежде, назвавшихся студентами и желавшими попрактиковаться в изучении монгольского языка. Бдительный командир тотчас отдал приказ об их аресте в связи с вероятным намерением провести диверсию на КВЖД совместно с враждебными русским хунхузами.

Однако из царского МИДа последовал категорический протест, мотивированный опасениями вызвать неудовольствие японской стороны на переговорах. Между военным и дипломатическим министерствами разгорелась дискуссия по вопросу о принадлежности группы студентов к диверсантам. В конечном итоге верх одержали аргументы чиновников внешнеполитического ведомства, и японцев выпустили на свободу⁴⁷⁴.

Сам анализа переговорного процесса дипломатов обеих империй не входил в задачу автора, поскольку хорошо отражен в целом ряде специальных и общих исследований. Укажем лишь на противоречивые мнения военных авторитетов России относительно необходимости и своевременности мирных переговоров. Несмотря на суровую реальность, целый ряд генералов и офицеров, начиная с А.Н. Куропаткина, продолжали тешить себя иллюзиями будущей победы, считая сторонников заключения мира чуть ли не заговорщиками и уж, по крайней мере, предателями царя и Отечества⁴⁷⁵.

Можно привести характерные объяснения причин неудач русского оружия, которые были даны одним из офицеров штаба тыла маньчжурских армий в беседе с губернатором Гиринской провинции накануне окончания боевых действий:

«...Наш царь и весь русский народ проповедовали всеобщий мир, и этот вопрос разбирался в Гааге представителями великих держав. Царь и русский народ глубоко верили, что войны не будет; перевооружение, обу-

чение войск приостановилось; даже стали расформировываться некоторые полки, и вот в это самое время Япония тайно десять лет готовилась к войне и неожиданно для нас уничтожила наш флот под Артуром».

И далее следовал парадоксальный вывод:

«Причиной войны являетесь вы — китайцы и доброта царя и всего русского народа. Ваши министры перехитрили нас, а мы за вас отбиваемся»⁴⁷⁶.

В отечественной историографии долгое время господствовало утверждение о якобы массовом ликовании чинов действующей армии при получении известия о подписании мирного договора. На самом деле восприятие окончания дальневосточной эпопеи не только среди офицеров, но и солдат, особенно хотя бы мало-мальски образованных, было далеко неоднозначным. Из дневников М.В. Алексеева видно, как тяготила офицеров «растлевающая мысль о том, что вся Россия жаждет мира, что драться бесполезно, безнадежно»⁴⁷⁷.

Настроения разочарования и усталости от поражений преобладали над чувствами радости и ликования. Позволим себе сослаться на воспоминания очевидца — заведующего фотографической мастерской штаба главнокомандующего А. Любицкого, по долгу службы нередко совершавшего длительные поездки по прифронтовой полосе:

«Не могу сказать, чтобы войска ею (т.е. новостью о заключении мира. — Е. С.) были особенно обрадованы: ни музыки, ни криков «ура!» нигде не было слышно. Все чувствовали себя неудовлетворенными, всех угнетала тяжелая мысль о бесплодных трудах и жертвах, доставивших нам вместо славы чуть ли не позор»⁴⁷⁸.

Наблюдения Любицкого подтверждаются мнением хорошо известно-го читателю военного разведчика штабс-капитана П. Россова, который в рапорте, адресованном начальнику штаба командующего войсками на Дальнем Востоке и датированном 28 марта (12 апреля) 1906 г., констатировал, что:

«Заключение невыгодного договора есть ошибка, соблюдение же его будет преступно и бесчестно в отношении будущих поколений русских людей»⁴⁷⁹.

Чувством искренней неудовлетворенности результатами войны и глубоким сожалением относительно упущенной победы наполнены строки, принадлежавшие перу известного военного историка А.А. Керсновского, который даже спустя много лет довольно эмоционально описывал ситуацию вокруг подписания мира в Портсмуте:

«Мирные переговоры вместо того, чтобы стимулировать энергию перспективой позорного мира, лишь угашали слабую, дряблую волю русских

военных деятелей упадочного периода (здесь прежде всего имелся в виду Н.П. Линеви́ч. — Е. С.). Деятели эти не сознавали, что от них зависит заменить позорный мир этот миром почетным, спасти Россию от надвигавшихся потрясений»⁴⁸⁰.

Показательно, что вслед за получением телеграммы от главы русской делегации на переговорах Николай II записал в своем дневнике 18 (31) августа 1905 г.:

«Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что так должно быть»⁴⁸¹.

Восприятие результатов маньчжурской кампании в России по понятным причинам контрастировало с победными настроениями на Японских островах. О них в своем отчете сообщал неоднократно упоминавшийся офицер военной разведки штабс-капитан В.В. Блонский:

«...Все ликуют о том, что война окончена и окончена, хотя и без материальных выгод, но зато со славой. Европейские государства окончательно признали Японию великой державой, с которой надо считаться и мнение которой надо принимать во внимание, решая политические вопросы, могущие интересовать и Японию»⁴⁸².

Естественно, что донесения подобного рода не могли не вызвать у представителей военной элиты России, и офицеров разведки в частности, стремления глубоко разобраться в просчетах и ошибках, чтобы выяснить причины поражения, определить степень виновности конкретных лиц, а главное извлечь уроки на будущее.

Воздействие маньчжурской кампании на реорганизацию спецслужб

Первые итоги деятельности военной разведки в период войны вместе с рекомендациями по совершенствованию ее организации были подведены составителями отчета по квартирмейстерской части штаба главнокомандующего, который увидел свет уже 1 (14) сентября 1905 г., то есть, что называется, «по горячим следам» событий.

Примечательно, что в этом документе не упоминается *разведка флангов*. Сам термин постепенно исчез из официальной переписки, поскольку война приобрела тотальный характер. Если же суммировать выводы отчета касательно *стратегического* уровня сбора и анализа информации, то они состояли в констатации необходимости:

- тщательного планирования военно-разведывательной деятельности задолго до начала вооруженного конфликта, имея в виду вероятность тес-

ного сотрудничества иностранных спецслужб с потенциальным противником, как это видно на примере взаимодействия британской, а в отдельных случаях и германской военных разведок с японской⁴⁸³;

- подготовки соответствующей тайной агентуры, включая эшелонированную сеть резидентов, связников и информаторов с оборудованием секретных наблюдательных пунктов, которые могут быть использованы с открытием боевых действий:

«С объявлением войны на этих тайных агентов, — подчеркивалось в документе, — должна быть возложена разведка мобилизации, призыва разных контингентов, формирований новых частей, посылки подкреплений, подготовки и работы железных дорог, политического и экономического состояния страны и прочее»⁴⁸⁴;

- назначения официального военного атташе или его помощника на должность начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего (штаба армии) в случае войны с тем государством, где он был аккредитован;

- соблюдения режима секретности в газетных публикациях по примеру японцев, то есть усиления цензуры на период кампании вкупе с субсидированием прессы на иностранных (западных и восточных) языках:

«Кто бы ни был нашим противником в будущей войне, — указывали составители отчета, — но нашему разведывательному отделению придется, вероятно, считаться с таким же отсутствием каких бы то ни было военных известий в прессе противника, как это было в только что окончившуюся японо-русскую войну.

Желательно и нам быть в будущем в равных условиях и не давать врагу лишнего козыря по разведке вследствие полного несоблюдения нашими газетами военной тайны»⁴⁸⁵.

Переходя далее к рекомендациям на уровне *тактической* разведки, составители отчета предлагали на перспективу:

1. Обратить особое внимание на обучение офицеров разведывательных отделений восточным языкам — японскому, китайскому, корейскому и монгольскому, как в разговорном, так и в письменном аспектах по причинам острой нехватки квалифицированных переводчиков в штабах, а также невысокой надежности толмачей-китайцев:

«Только бывшие студенты Восточного института и немногочисленные представители образованной верхушки китайских и корейских чиновников, — говорилось в отчете, — более или менее справлялись со своими обязанностями»⁴⁸⁶;

2. Проводить селекцию и подготовку лазутчиков в специальных школах по типу организованной военным комиссаром Мукденской провинции

полковником М.Ф. Квещинским, при этом не экономить на выплата лазутчикам вознаграждений за доставленные сведения;

3. Улучшить каналы связи между агентами-резидентами в прифронтовой полосе и лазутчиками-ходаками, то есть создать постоянно действующие в боевых условиях группы «летучей почты»;

4. Готовить заблаговременно собственный тыл в отношении разведки на случай отступления путем формирования диверсионных групп, партизанских отрядов из числа кадровых военных, добровольцев (например, казаков) и местных, коренных народов (корейцев, маньчжур, монголов), а также подготовки разветвленной агентурной сети;

5. Противодействовать более активно и целенаправленно через специальные структуры (полевую жандармерию) разведывательной деятельности неприятеля у себя в тылу.

Наконец, в области **войсковой** разведки офицеры квартирмейстерской части штаба главнокомандующего рекомендовали:

1. Сформировать впервые в истории русской армии отдельные разведывательные подразделения — эскадроны и роты — с целью систематического захвата пленных и добычи документов;

2. Разработать методы проникновения через линию сторожевого охранения противника в условиях позиционной войны для выполнения указанных выше задач;

3. Активнее использовать оптические приборы, технические новинки вроде воздушных шаров, телефонную и телеграфную связь на местности;

4. Значительно улучшить топографическую подготовку офицеров-разведчиков⁴⁸⁷.

Анализируемый документ также обобщил методику ситуационного анализа и составления сводок. Здесь предлагалось осуществлять предварительную верификацию донесений информаторов и данных из других источников силами нижестоящих штабов за исключением сообщений «дальних» агентов, хотя даже им рекомендовалось вести подробные журналы текущей информации о противнике, передавая их содержание частями по почте или телеграфу в зашифрованном виде.

Заслуживают внимания суждения офицеров, прошедших горнило войны, касательно структуры и содержания итоговых разведывательных сообщений:

«Сводка должна быть немногословна и наглядна, для чего необходимо прибегать к схемам и таблицам, — полагали авторы отчета. — Время от времени необходимо давать в сводке полную картину всего расположения, чтобы, с одной стороны, напомнить ее войскам, а с другой, — облегчить вновь прибывающим лицам и частям быстрое ознакомление с обста-

новкой. Такие сводки в особенности не должны затемняться мелочами и перечислениями изменений; лучшее решение — это один чертеж без всякого текста или таблица»⁴⁸⁸.

Помимо этого указывалось на обязательность регулярного снабжения полевых соединений и частей оперативными сводками, для чего следовало обеспечить армейские штабы самым современным типографским оборудованием.

Важным средством повышения эффективности аналитической работы разведывательных отделений называлось освобождение состоявших в них генштабистов от непрофильных функций цензурирования иностранных журналистов и официальными военными наблюдателей, а, кроме того, разработки мероприятий по борьбе со спецслужбами противника. Иначе говоря, опыт 1904–1905 гг. поставил перед командованием задачу создания специальных органов *контрразведки*.

Критические соображения, высказанные в отчете офицерами-разведчиками сухопутных сил, дополнялись оценками военных моряков. Пожалуй, наибольший интерес с практической точки зрения заслуживали наблюдения знакомого читателю лейтенанта Б.И. Доливо-Добровольского, принявшего участие в организации обороны Владивостокской морской базы. Среди главных ресурсов «узнавания» противника на море, по его терминологии, первостепенное значение приобретала:

- деятельность береговых сигнальных станций;
- рейды крейсеров и миноносцев, оснащенных специальной аппаратурой для проведения разведки;
- патрулирование прибрежных вод подводными лодками;
- информационный анализ военно-морских атташе;
- агентурная разработка в портах или на торговых судах;
- радиоперехват и дешифровка донесений противника⁴⁸⁹.

Опыт дальневосточной кампании продемонстрировал коренное изменение стратегии и тактики действий военно-морского флота. Если раньше между генеральными сражениями обычно возникали длительные временные паузы, то теперь они заполнялись постоянной боевой деятельностью флота, которая выражалась в организации дозорной службы, систематической разведке прилегающих вод, создании противоминной обороны, перехвате неприятельских судов и военной контрабанды на океанских коммуникациях⁴⁹⁰.

Таким образом, война 1904–1905 гг. стала горьким, но полезным уроком практического свойства для вооруженных сил России вообще и специальных служб в частности. Она заставила правительство незамедлительно начать масштабную реорганизацию разведывательных структур с

целью приведения их в соответствие с требованиями новой, индустриальной эпохи.

Особенности трансформации военной разведки после 1905 г.

Чрезвычайный характер положения, в котором оказалась Российская империя во второй половине 1905 г., а именно сочетание военного поражения с массовым революционным подъемом на фоне возростающей международной напряженности, требовал пересмотра функций и организационного строения большинства государственных служб. Важнейшую роль для восстановления обороноспособности державы была призвана сыграть военная разведка, которая в период дальневосточной кампании продемонстрировала недостаточную эффективность по целому ряду направлений.

Поэтому еще до подписания Портсмутского мира, но особенно в первые послевоенные месяцы Главный штаб оказался завален различными проектами, программами и планами реорганизации разведки. По свидетельству современников, их было так много, что пришлось завести специальные папки для подшивки предложений как участников войны, так и всех офицеров, болевших душой за совершенствование институтов русской армии⁴⁹¹.

Можно привести немалое число примеров указанного рода. Скажем, 7 (20) марта 1905 г. помощник начальника военно-статистического отдела Главного штаба полковник А.А. Михельсон представил по команде докладную записку о преобразовании системы сбора разведанных с учетом маньчжурского опыта:

«События на Дальнем Востоке заставляют вдуматься в ту обстановку (так в документе. — Е. С.), которая может создаться в случае войны на других наших фронтах и на Западном в особенности», — подчеркивал автор записки.

И далее он продолжал, имея в виду уже будущий европейский театр войны:

«Изучение вооруженных сил и территории великой державы требует нескольких лет усидчивой работы и даже при этом условии по необходимости будет делиться на специальные отрасли, и только несколько лиц, взаимно дополняя друг друга, могут обнять изучение всех сведений⁴⁹²».

Среди конкретных мер, предложенных полковником Михельсоном, отметим введение прямого подчинения отчетных отделений военных

округов, занимавшихся сбором сведений о вероятных противниках, второму генерал-квартирмейстеру; разделение военно-статистического отделения на три части по фронтам: Западному, Южному и Восточному; проведение ежегодных совещаний старших адъютантов окружных штабов и военных атташе для подведения итогов работы и координации их деятельности; повышение служебного статуса и улучшение материального обеспечения офицеров разведки.

Другой, хотя и нештатный сотрудник военно-статистического отдела, капитан Никольский 17 (30) ноября 1905 г. представил вышестоящему начальству «Краткий очерк положения нашей негласной военной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации». Он выступил с инициативой составления программ сбора сведений о каждом сопредельном с Россией или значимом по стратегическим причинам государстве. Основными условиями правильной постановки дела автор «Краткого очерка» считал централизацию руководства разведкой, компетентность командных кадров и перекрестный контроль над агентами всех типов: резидентами, информаторами по специальным поручениям, а также связниками⁴⁹³.

Наконец, в докладе на имя 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба от 15 (28) июня 1906 г. начальник 5-го делопроизводства полковник М.А. Адабаш, отталкиваясь от результатов «последней войны», выдвигал основными принципами успешного проведения разведывательных операций правильную организацию специальных служб, достаточное финансирование их деятельности, тщательный подбор сотрудников, постоянный мониторинг ситуации и соблюдение режима секретности. Примечательно, что, пожалуй, впервые в его докладе была четко сформулирована мысль о строгом разграничении разведки на внешнюю и внутреннюю, т. е. на сбор сведений о потенциально опасных для России государствах и на контрразведку, или «охрану от разведки неприятеля»⁴⁹⁴. Это свидетельствовало об осознании генштабистами необходимости принятия комплекса мер по пресечению иностранного шпионажа на территории империи.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что, хотя датой образования первой в истории России структуры с задачами контрразведки при Главном штабе под началом ротмистра В.Н. Лаврова следует считать 26 июня (9 июля) 1903 г.⁴⁹⁵, только опыт активной борьбы против диверсионных групп и агентурной сети японцев в Маньчжурии явился решающим фактором конституирования новой спецслужбы. Это произошло на совещании старших адъютантов начальников окружных штабов в Киеве 10 (23) — 14 (27) июля 1908 г. Его участники решительно поддержали

идею создания межведомственной комиссии по созданию контрразведывательных органов. В результате бюрократических трансформаций, когда система контрразведывательных отделений курировалась то Департаментом полиции Министерства внутренних дел, то военным ведомством, то ими обоими, к концу 1911 г. она все-таки заняла свое место при окружных штабах⁴⁹⁶.

Возвращаясь к основным направлениям реорганизации военной разведки, отметим, что, несмотря на массу разнообразных предложений, имевших целью побудить царя и министров к активным преобразованиям, «лед тронулся» только вместе с созданием 8 (21) июня Совета государственной обороны (СГО), учреждением через две недели должности начальника Генерального штаба и формированием спустя еще четыре дня его Главного управления (ГУГШ)⁴⁹⁷.

По приказу министра от 22 апреля (5 мая) 1906 г. структура нового органа предусматривала образование центрального органа военной разведки — 5-го разведывательного делопроизводства в составе части 1-го оберквартирмейстера ГУГШ. Кроме того, вводилось давно назревшее разделение **оперативных** и **аналитических** функций внутри разведывательной службы. В то время как первые были призваны осуществлять офицеры вышеназванного подразделения, вторые ложились на плечи сотрудников 2–6-го делопроизводств части 2-го, а также и 1-го, 2-го и 4-го делопроизводств части 3-го оберквартирмейстеров, причем каждое из них занималось определенной страной или регионом⁴⁹⁸.

Показательно, что руководящие должности в центральном аппарате военной разведки заняли генштабисты, прошедшие дальневосточную кампанию. Современники называли их «маньчжурами». Так, скажем, помощниками начальника 5-го делопроизводства были назначены подполковники П.Ф. Рябиков (упоминавшийся выше) и О.К. Энкель (будущий начальник Генерального штаба вооруженных сил Финляндии)⁴⁹⁹.

Помимо трансформации высших структур, заметные изменения наблюдались и в военных округах, где, как уже отмечалось, до русско-японского конфликта функции разведки выполняли отчетные отделения штабов (за исключением некоторых пограничных). С 1906–1907 гг. в них, например, Приамурском, формировались полноценные разведывательные отделения, которые отвечали за сбор и первичный анализ информации в закрепленных за ними странах и районах⁵⁰⁰.

Тем самым уровни военно-разведывательной деятельности приобретали четкое разграничение: центральные структуры занимались стратегической разведкой, а окружные — тактической, фронтовой, хотя на практике последним приходилось решать и выходящие за пределы их прямой ком-

петенции задачи, к примеру, содействовать центральным структурам в «мобилизации разведки». Это означало подготовку агентурной сети на случай войны в своем регионе, отработку схем связи между разведывательными структурами, оборудование пунктов приема и передачи информации, составление кодов, шифров и специальных сигналов.

В связи с реорганизацией общей системы спецслужб изменялся список задач, которые определяли функции военных атташе в странах аккредитации. Действие инструкции 1880 г. с незначительными изменениями редакционного характера подтверждалось приказами министра в 1905 и 1909 гг., но коренная ревизия ее содержания произошла только в 1912 г., когда были уточнены направления деятельности «дипломатов в погонах», а сами они переподчинялись правопреемнику 5-го разведывательного делопроизводства — Особому делопроизводству Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ (Огенквар), созданному 1 (14) сентября 1910 г.⁵⁰¹

Что же касается уровня округов, то главное внимание после русско-японской войны было уделено разработке номенклатуры делопроизводства, обязательной для их разведывательных органов. Иначе говоря, опыт ведения регистрационных журналов по сбору и анализу сведений о противнике штабными офицерами в маньчжурских армиях получил развитие уже в мирное время. Более того, система контроля за секретной агентурой была перенесена в контрразведку. Так, в январе 1910 г. ГУГШ предписало окружным штабам внедрить карточную систему фиксации лиц, подозреваемых в шпионаже, и утративших доверие собственных агентов с фотографиями и отпечатками пальцев последних. Параллельно устанавливался порядок обмена карточками между округами⁵⁰².

Отдельно следует упомянуть попытки российского военного ведомства улучшить деятельность разведслужб на Дальнем Востоке, где предполагалось в перспективе взять реванш у Страны восходящего солнца.

Прежде всего, невзирая на заключение мира, усилия военных атташе и секретной агентуры продолжали концентрироваться на сборе сведений о передвижениях японских дивизий и эскадр боевых кораблей⁵⁰³. Кроме того, предполагалось ликвидировать ведомственную разобщенность, подчинив все региональные разведывательные структуры одному органу при Генеральном штабе. И хотя из подобного слишком далеко идущего проекта в условиях пробуксовывания неэффективной бюрократической машины самодержавия ничего реального выйти не могло, степень привлечения российских консулов, аккредитованных в государствах дальневосточного региона, к сотрудничеству с военной разведкой значительно возросла⁵⁰⁴.

10 (23) октября 1909 г. новый начальник 5-го делопроизводства ГУГШ полковник Н.А. Монкевиц представил первому обер-квартирмейстеру ге-

нерал-майору Ю.Н. Данилову докладную записку, содержащую вместе с анализом результатов уже предпринятых мер программу дальнейшего усиления разведки вероятных противников. Остановившись на промежуточных итогах реорганизации, автор записки упомянул переход штабов Омского, Иркутского и Приамурского военных округов, а также Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи на планомерный разведывательный цикл; постановку во главе целого ряда консульств в Монголии, Маньчжурии и Корее офицеров Генерального штаба; перевод одного из помощников военного атташе в Китае на постоянное пребывание в Мукден; расширение сети негласной агентуры в дальневосточных странах, особенно в Цинской империи⁵⁰⁵.

Однако достигнутые успехи являлись, по мнению Монкевица, лишь началом выполнения основной задачи военной разведки — обеспечения руководства регулярной и возможно более полной информацией о ситуации в Восточной Азии. Ключевым предложением офицера выступало дальнейшее качественное совершенствование агентурной сети, которая, в его видении, должна была состоять из агентов-резидентов, их помощников, подвижных агентов тыла, агентов для поручений, агентов связи и запасных агентов. Общее количество лиц, призванных собирать, передавать и верифицировать информацию для мирного времени оценивалось Монкевицем в 138 чел., а для военного — в 410 чел. Только такая эшелонированная система организации агентурной разведки была способна, с его точки зрения, обеспечить интересы России в регионе:

«Представляя настоящий доклад Вашему превосходительству, — отмечал в заключении полковник Монкевиц, — по детальном его обсуждении, докладываю, что на проектируемые мероприятия нельзя смотреть иначе, как на примерную общую схему, в которую могла бы вылиться разведывательная деятельность нашей агентурной службы в Маньчжурии и Корее.

Ввиду тревожных слухов о военных приготовлениях Японии нам надлежит быть особенно чуткими в отношении проявления этих приготовлений в сопредельных с нами районах и сделать нашу разведку более интенсивной на случай возможного разрыва...»⁵⁰⁶

Практическое осуществление программы Н.А. Монкевица потребовало командировки на Дальний Восток его помощника подполковника О.К. Энкеля в начале 1910 г., который за время продолжительной поездки ознакомился на месте с работой только что созданных окружных разведывательных отделений. Возвратившись в столицу, он составил подробный отчет о своей миссии — ценный источник данных о положении дел в области военной разведки между двумя войнами — русско-японской и Первой мировой.

Судя по этому документу, общая картина представлялась Энкелю довольно противоречивой. Так, например, анализ деятельности штаба Омского округа, курировавшего Синьцзян и Западную Монголию, свидетельствовал об интересе и энергии, проявленных его начальником, который сумел привлечь к сбору сведений чинов всех ведомств, российских правительственных агентов, некоторых крупных торговцев, а также ряд лиц, пересекавших границу по личным делам. Наглядным примером разведывательных миссий в Китае, осуществленных Генеральным штабом при сотрудничестве с окружными разведывательными отделениями, явилась секретная командировка уже известного читателю полковника К.Г.-Э. Маннергейма через Восточный Туркестан и Тибет до Калгана, которая проходила с августа 1906 по июнь 1908 г. Поездка дала российскому Генеральному штабу много ценной информации о положении дел в Цинской империи накануне ее крушения⁵⁰⁷.

В результате, как подчеркивал Энкель, начальник штаба Омского округа и, добавим от себя, офицеры разведывательного отделения были «превосходно осведомлены о всем происходящем в пределах порученного их наблюдению района»⁵⁰⁸.

Иначе складывалась ситуация в соседнем Иркутском военном округе, осуществлявшим мониторинг обстановки на территории Восточной Монголии и Северной Маньчжурии. Здесь вся координация разведывательной деятельности осуществлялась генерал-квартирмейстером, который, по свидетельству Энकेля, интересовался почти исключительно монгольскими территориями в ущерб маньчжурским. При этом собственной агентурной сети за границей штаб округа не практически не имел, также как и переводчиков китайского и монгольского языков. Что касается командировок офицеров на рекогносцировку пограничного района, то их проведение считалось штабом округа излишним. Вполне понятно, что при таких условиях говорить о глубоком изучении потенциального театра военных действий не приходилось⁵⁰⁹.

Столь же невразумительно проводилась разведка штабом ключевого по своему стратегическому положению Приамурского военного округа, отвечавшего за большую часть Маньчжурии, Корею и Японию. В пограничной полосе функции сбора сведений о бывшем противнике и китайских вооруженных силах были возложены на станичных атаманов, которым эта деятельность вменялась в круг обязанностей по службе, а потому специально не оплачивалась. Для сбора сведений по Корее в распоряжении разведывательного отделения имелось несколько агентов — бывших подданных корейского императора (напомним читателю, что с 1910 г. эта страна была объявлена протекторатом Японии). Главная роль указанных

лиц заключалась в поддержании связи между штабом округа и партизанскими отрядами, продолжавшими борьбу против оккупантов на территории Северной Кореи и Южной Маньчжурии. Военно-статистическое изучение района ответственности округа проводилось на нерегулярной основе, а часть достаточно крупных финансовых средств, отпущенных Главным управлением Генерального штаба на разведку, была присвоена начальником штаба⁵¹⁰.

Более отрадная картина наблюдалась в Заамурском округе пограничной стражи, который продолжал тесно координировать работу по разведке и пресечению активности диверсионных хунхузских групп с управлением КВЖД. При этом последнее ежегодно дополнительно субсидировало штаб округа на эти цели в сумме 7 тыс. руб. По сообщению Энкеля, к сбору разведывательной информации были привлечены офицеры-пограничники, снабженные соответствующими инструкциями и материалами для изучения Китая. Кроме того, все начальники разъездов, которые патрулировали полосу отчуждения железнодорожной магистрали шириной 25 км, обязывались представлять по команде отчеты обо всем виденном и слышанном во время поездок. Если возникала необходимость конвоировать дипломатических чиновников или служащих КВЖД вглубь Поднебесной, то начальником конвоя ставился опытный офицер, которому придавалось несколько солдат-разведчиков.

В дополнение к указанным мерам были учреждены секретные бюро, территориально располагавшиеся в Мукдене и на железнодорожной станции Куанчензцы. Резиденты, которые возглавляли бюро, отбирались из числа чинов округа, способных к разведке и владеющих восточными языками, прежде всего китайским и японским. Для подготовки лазутчиков и агентов-связников были открыты разведшколы. Штаб округа организовал регулярный обмен сведениями с российскими военными атташе в Китае и Японии, консулами в Гирине, Цицикаре, Инкоу и Иокогаме, а также перечисленными выше приграничными округами.

Силами офицеров округа проводился активный сбор военно-статистической и топографической информации о регионе, регулярно высылались разъезды на рекогносцировки территории, окружавшей КВЖД, внимательно изучались периодические издания на местных и западноевропейских языках, а в период навигации на реках Сунгари и Нонни для оперативной разведки даже использовались крейсера с небольшой осадкой⁵¹¹.

Знакомясь с этой частью отчета полковника Энкеля, невольно испытываешь сожаление по поводу того, что описанная выше многоуровневая и хорошо скоординированная система изучения потенциального театра

военных действий была создана не до, а лишь после столкновения России с Японией, функционируя далеко не во всех окружных штабах.

Опыт преобразований в интересующей нас сфере на местах при осуществлении контроля из центра нашел отражение в «Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов», составленных полковниками ГУГШ С.Н. Розановым и П.Ф. Рябиковым 7 (20) ноября 1912 г. Дальнейшее усиление военных приготовлений ведущих государств заставило ГУГШ в октябре 1913 г. направить окружным штабам новые указания центра в дополнение к «Основным положениям» с конкретизацией методов стратегической и тактической разведки театров предстоящей войны⁵¹².

Важнейшим условием укрепления военной разведки выступало увеличение ее финансирования. Составители одного из проектов по этой проблеме, датированного 1906 годом указывали:

«До войны с Японией отпускалось Главному штабу по параграфу 6-му сметы на негласные расходы по разведке ничтожная сумма 56 950 руб., распределявшаяся ежегодно между штабами округов от 4 тыс. до 12 тыс. на каждый. Военно-статистическому отделу оставалось на разведки (так в документе. — *Е. С.*) около 1 тыс. руб. в год. При таком несоответственном отпуске денег разведки не могли существовать, что и было в действительности; сведения о противнике добывались изредка и случайно. Шпионская деятельность иностранных государств не встречала препятствий, так как совсем не было отпуска на внутреннюю, или контрразведку (содействие в иных случаях Департамента полиции было лишь на бумаге)...»⁵¹³

И далее в проекте констатировалось:

«Ныне (т.е. с 1906 г. — *Е. С.*) отпускается ежегодно ГУГШ по параграфу на известное Его Императорского Величества употребление 156 950 руб.»⁵¹⁴

Однако и такая сумма, увеличенная по сравнению с 1903 г. почти в три раза, не могла удовлетворить потребности спецслужб. Поэтому авторы проекта выступали за дальнейшее повышение лимитов финансирования военно-разведывательной деятельности:

- на 5-е делопроизводство — единовременно 5 тыс. руб.;
- на внешнюю разведку — по 40 тыс. руб. на округа европейской части России;
- на внутреннюю разведку — по 15–20 тыс. на округ (кроме того, по 5 тыс. руб. на окружные школы лазутчиков);
- пограничной страже — 15 тыс. руб.

Отдельно калькулировалась смета расходов Омского, Иркутского, Приамурского и Туркестанского округов, а также подсчитывались сред-

ства, необходимые для приобретения секретных сведений через негласных агентов и официальных лиц — военных атташе, консулов, представителей министерства финансов.

Общая сумма запрашиваемых ассигнований на военную разведку и контрразведку составляла 370 тыс. руб. ежегодных и 30 тыс. руб. единовременных выплат⁵¹⁵. Но и такое увеличение затрат, по мнению некоторых руководителей разведки, являлось минимально достаточным. Обострение международной обстановки, вызванное серией локальных кризисов, которые угрожали перерасти в глобальный конфликт, требовало все новых и новых средств. В пояснительной записке к смете на 1907–1909 гг. начальник 5-го делопроизводства ГУГШ полковник М.А. Адабаш подчеркивал, что «для организации разведки на прочных основаниях с постоянно оплачиваемым кадром надежных разведчиков необходимы ежегодные денежные отпуска в размере по крайней мере 1 млн 800 тыс. руб.»⁵¹⁶

На практике же расширение масштабов финансирования военной разведки по темпам отставало от роста требований. Ежегодные ассигнования в 1906–1909 гг. составляли около 344 тыс. руб., а в 1910–1912 гг. — примерно 700–800 тыс. Только к 1913–1914 гг. в связи с беспрецедентной гонкой вооружений накануне Первой мировой войны они, наконец, превысили цифру, указанную М.А. Адабашем, достигнув объема в 1 млн 947 тыс. 850 руб.⁵¹⁷ По подсчетам отечественного исследователя А.Ю. Шелухина, общая сумма расходов на военную разведку с 1905 по 1911 г. выросла в 16 раз!⁵¹⁸

Уже первые шаги по реорганизации военной разведки, санкционированные Николаем II, при всей неоднозначности положения дел на местах, оказались востребованными временем. Так, отчет 5-го делопроизводства ГУГШ за 1907 г. сопровождался комментарием о том, что истекший период «внес в область сбора сведений о вероятных противниках новое начало», поскольку «мероприятия в названной области были предприняты на основании выработанного плана и строгой системы»⁵¹⁹.

Заметное повышение качества информационно-аналитической работы Генерального штаба было также связано с публикацией ежемесячных «Сборников Главного управления Генерального штаба», материалами для которых служили «наиболее важные и интересные сведения о военных событиях», дайджесты рапортов «дипломатов в погонах», аккредитованных за рубежом, фрагменты отчетов о заграничных командировках генштабистов, статьи офицеров разведки по текущим вопросам с оценками недавнего исторического прошлого (последние обычно публиковались без подписи)⁵²⁰.

За время существования этого периодического издания с марта 1909 по июль 1914 г. было выпущено 62 номера. На его страницах регулярно публиковались сведения об изменениях в военном деле и боевой подготовке армий крупнейших государств мира, включая Японию и Китай⁵²¹.

Помимо «Сборников ГУГШ» тиражом в 1000 экз., который по специальной ведомости рассылался особам императорской фамилии, ключевым министрам, командующим округов и начальникам их штабов, а также военным атташе и некоторым другим высшим государственным чиновникам, генштабисты составляли военно-статистические и топографические описания той или иной страны, уделяя главное внимание ближайшим соседям Российской империи⁵²².

Отдельного рассмотрения заслуживает процесс модернизации военно-морской разведки. 5 (18) июня 1906 г. указом Николая II был учрежден Морской Генеральный штаб, который по штатному составу включал оперативную часть, два отделения (русской и иностранной статистики), военно-исторический отдел, а также делопроизводство по мобилизации. Общая штатная численность нового органа определялась в 15 офицеров⁵²³.

Непосредственно разведывательные функции Морского Генерального штаба были возложены на отделение иностранной статистики. Под контроль его начальника перешли военно-морские атташе и оперативные отделения в портах⁵²⁴.

С 18 июня (1 июля) 1908 г. в результате очередной реорганизации структура штаба, не считая канцелярии, была разделена на части: мобилизационную, оперативную, военно-историческую и иностранную. Именно последняя из них стала преемником бывшего отделения иностранной статистики во главе с известным читателю капитаном 2-го ранга Б.И. Доливо-Добровольским. В тот же день были образованы оперативные отделения штабов командующих морскими силами, т.е. флотов, а чуть позднее, 27 сентября (10 октября) того же года министр утвердил «Инструкцию военно-морским агентам», обобщавшую опыт недавней маньчжурской кампании⁵²⁵.

Согласно новому положению о Морском Генеральном штабе, в задачи иностранной части входили сбор и обработка сведений о политическом положении, силах и средствах ведущих навалистских держав с учетом предстоящей войны. Таким образом, часть контролировала поступление информации от военно-морских атташе, секретной агентуры и разведывательных отделений штабов флотов и флотилий, фильтруя и анализируя данные для высшего начальства. Внутри этого органа использовался страноведческий принцип разграничения информационных потоков. Так,

например, офицеры 3-го стола отвечали за изучение ситуации в тихоокеанских державах — Японии, Китае и США⁵²⁶.

Свою окончательную форму накануне глобального конфликта центральный орган военно-морской разведки приобрел 11 (24) октября 1911 г., когда в статистической части Морского Генерального штаба появился иностранный отдел по изучению флота⁵²⁷. Эта структура, как и ее предшественники, занималась анализом разведывательной информации, поступавшей из указанных выше источников и служившей основой для подготовки «описаний военно-морской стратегической обстановки», которые затем передавались в оперативные части штаба для разработки планов военных действий на морях и океанах.

В нашу непосредственную задачу не входит детальное рассмотрение комплекса проблем совершенствования российской военной разведки после дальневосточной кампании 1904–1905 гг. Но даже краткий обзор изменений, затронувших ее на протяжении последнего десятилетия существования империи, свидетельствует о реальном превращении разведывательной службы в важнейший самостоятельный институт вооруженных сил страны.

Послесловие

Борьба военной разведки России против Японии, начавшаяся за несколько лет до орудийных залпов в гавани Порт-Артура и на сопках Маньчжурии, не прекратилась с подписанием мира в Портсмуте. Однако ее формы и методы претерпели значительные изменения.

«...Военные действия в Маньчжурии, — справедливо отмечал К.Г.-Э. Маннергейм, — гораздо ярче, чем все предыдущие военные столкновения, показали: война — дело не только армии, это удел всей нации. Если посмотреть именно с этой точки зрения, то японцы продемонстрировали всему миру блестящую картину единомыслия и жертвенности»⁵²⁸.

Можно без преувеличения сказать, что русско-японская война явилась главным стимулом для завершения процесса формирования военно-разведывательной службы как самостоятельной структуры в составе вооруженных сил России. Иначе говоря, без трагических событий начала XX века на ее дальневосточных рубежах процесс осознания властной элитой значимости функционирования военной разведки в качестве базового компонента обеспечения безопасности государства в эпоху широкомащштабных войн индустриального типа затянулся бы на гораздо более длительный период. При этом подчеркнем, что русско-японский конфликт наглядно продемонстрировал ошибочность представлений, бытовавших ранее в военной среде, о необходимости проведения активных разведывательных мероприятий только с началом боевых действий. Как подчеркивал один из участников описываемых событий, после войны большинство высшего командного состава пришло к выводу:

«...Современная разведка есть особая отрасль науки, настолько сложившаяся в силу военной тактики и стратегии, что она сама по себе должна составить предмет детального изучения и подготовки чисто научной»⁵²⁹.

Оценивая эволюцию русской военной разведки за полтора года войны, можно сопоставить дилетантизм и экспромт начального периода с профессионализмом и планомерностью завершающих месяцев. Именно весной — летом 1905 г. были в значительной мере преодолены ведомственная разобщенность, хаотичность и импульсивность организации полного

разведывательного цикла: от постановки конкретных задач до анализа полученных сведений с последующим информированием заинтересованных структур по вертикали и горизонтали.

Полтора года боев и походов дали возможность значительный опыт организации разведки на всех уровнях: стратегическом, тактическом и оперативном. Возникла методика сбора, фильтрации и перепроверки полученной информации о противнике. Впервые так широко была развернута агентурная сеть, составлены инструкции по работе с лазутчиками различного типа, созданы разведывательные центры по вербовке и обучению агентов на театре военных действий. К началу 1905 г. войска получили дополненные и исправленные топографические карты, составленные в масштабах, удобных для использования в походных условиях. Одновременно нашли, наконец, применение новые технические средства перехвата сообщений противника и наблюдения за его действиями: радиостанции, оптические приборы, прожекторы, воздушные шары, аэростаты и даже первые автомобили (в Порт-Артуре). Для скрытного занятия позиций и обеспечения маршрутов передвижения сухопутных подразделений стали употреблять камуфляж наряду со специальными маскировочными сетками и проволочными заграждениями. Военно-морские силы совершенствовали тактику минной войны в прибрежных акваториях и крейсерских рейдов на морских коммуникациях с целью перехвата военной контрабанды и отслеживания трафика боевых кораблей неприятеля.

В области стратегической разведки фактически была создана система сбора и перекрестного анализа информации, поступавшей не только от «дипломатов в погонах» — представителей военного и военно-морского министерств, но и от чиновников различных гражданских ведомств: иностранных дел, финансов, торговли и промышленности. Важную роль в этой системе играли иностранцы — подданные или граждане ведущих европейских государств. Как правило, прикрытием для их добровольного сотрудничества с русской военной разведкой служили научные изыскания, журналистика или коммерция.

Не случайно, анализируя степень эффективности стратегической разведки, генерал-лейтенант В.И. Харкевич в телеграмме на имя руководителя только что созданного Генерального штаба Ф.Ф. Палицына 24 октября (6 ноября) 1905 г. подчеркнул:

«В числе сведений, доставленных военными агентами, имелись ценные, в особенности полковника Огородникова; насколько сведения окупались, трудно сказать; самые ценные долговременные сведения о Японии давал посланник Павлов из Шанхая и статский советник Давыдов из Пекина»⁵³⁰.

Данные, собранные военными атташе и гражданскими лицами непосредственно на театре войны, дополнялись сообщениями из столиц европейских государств, поступавшими в Главный штаб от аккредитованных там российских «дипломатов в погонах». Важную информацию о заказах и поставках вооружения противнику, поисках японцами источников финансирования их военных усилий, подготовка актов диверсий и саботажа на пути следования эскадры З.П. Рожественского к берегам Тихого океана предоставили в Петербург генерал-майор Н.С. Ермолов, полковники К.И. Вогак, В.Н. Шебеко, А.М. Алексеев, В.Х. Рооп, капитан 1-го ранга И.Ф. Бострем, капитаны 2-го ранга Г.А. Епанчин и А.А. Долгоруков. По мнению одного из руководителей британской военной разведки полковника Дж. Холдейна, наиболее эффективно на протяжении дальневосточного конфликта действовал военный атташе во Франции полковник В.П. Лазарев⁵³¹.

Также не следует упускать из виду то обстоятельство, что русской стратегической разведке удалось предотвратить переход Цинской империи от нейтралитета к военному союзу с Японией. При этом целый ряд конных разведывательных экспедиций, отправленных Петербургом и командованием на театре войны вглубь Монголии, Синьцзяна и Тибета позволили России не только сохранить, но даже упрочить ее региональное влияние, сорвав планы Токио вызвать взрыв недовольства населения в тылу и на флангах маньчжурских армий.

Что касается тактического уровня разведывательной службы, то русско-японская война отличалась беспрецедентным развитием агентурной сети, характер которой претерпел заметную эволюцию. Мы имеем в виду разделение агентов на резидентов, их помощников, связников, специальных порученцев и т.п., а также уточнение их функций. Думается, близко к истине утверждение, что до 1904 г. ни в одной войне, так называемое военное шпионство, не применялось столь же широко, как в маньчжурской кампании.

Первоначальная «фора», имевшаяся у японцев в связи с длительной подготовкой агентуры в довоенный период, когда, согласно данным жандармских органов России, общая численность шпионов Страны восходящего солнца на территории ее противника достигала 500 чел.,⁵³² практически исчезла уже к середине 1905 г. Это произошло, с одной стороны, благодаря усилиям контрразведки, ликвидировавшей немало японских агентов, а с другой, — поскольку штабы главнокомандующего, трех маньчжурских армий, тыла, пограничников и Приамурского округа, вкуче с военными комиссарами и российскими атташе в Китае осуществляли подготовку и заброску в тыл японцев сотен лазутчиков из числа местных жите-

лей — маньчжур, корейцев, монголов и собственно ханьцев. Не менее значимо и то, что русская военная разведка сумела осуществить вербовку нескольких ценных информаторов среди персонала правительственных учреждений и дипломатических миссий в странах Европы и Дальнего Востока.

Конечно, значительное количество осведомителей не оправдало возлагавшихся надежд или были арестованы японской контрразведкой, но уцелевшее меньшинство обеспечивало поступление важных разведданных.

Серьезной заслугой тактической разведки и контрразведки явилось предотвращение крупных диверсий на коммуникациях, складах и морских базах. Деятельность по ликвидации диверсионных групп, направленных японским командованием в глубокий тыл русских, сопровождалась непрерывной борьбой против вооруженных формирований хунхузов, инструкторами которых зачастую выступали подданные микадо. Более того, на завершающем этапе войны Н.П. Линевичем были предприняты попытки умиротворения хунхузов путем создания партизанских отрядов, лояльных российским военным властям. По воспоминаниям очевидца событий — американского морского атташе коммодора-лейтенанта Ньютона Маккалли, как с японской, так и с русской стороны хунхузские сотни были хорошо вооружены и имели похожее обмундирование. Разница же состояла в цветах: «японские» хунхузы были одеты в красную униформу и черными нашивками, а «русские» — в черную с символикой белого цвета⁵³³.

Несколько хуже обстояло дело с войсковой, оперативной разведкой. Здесь оказались тщетными расчеты командования Маньчжурской армии на высокую эффективность на кавалерийских рейдах и действий пеших охотников. Большие потери, которые понесли конные группы и пластуны на первом этапе войны, вынудили штабы корпусов, дивизий, бригад и отрядов перенести акцент своей деятельности на лазутчиков-китайцев которые нередко сразу же после получения задания и прохода линии фронта разбегались или добровольно сдавались японцам. Причинами такой переориентации стало отсутствие опыта ведения разведки в условиях сильно пересеченной местности, плохое знание топографии, а также организации противником боевого охранения позиций с использованием маскировки. Можно согласиться с мнением военного историка А.И. Сорокина, который дал следующую оценку действиям обеих сторон:

«Войсковая разведка, как в русской армии, так и в японской, во время войны переживала явный кризис. Состоявшие при штабах конные разведчики в условиях насыщенности поля боя огнем, меткости и дальности стрельбы ручного оружия при сплошном фронте на сотни километров оказалась совершенно неспособными что-либо разведать. Для того чтобы собрать нужные сведения, проникнуть в расположение противника, взять

«языка» нужно было слезать с коня, уметь маскироваться, наблюдать в течение длительного времени, делать элементарную съемку местности, т.е. требовались специально подготовленные разведывательные подразделения при полках, которые организационно появились только после войны»⁵³⁴.

Положение несколько улучшилось лишь с распространением в войсках биноклей, подзорных труб, прожекторов и других технических средств наблюдения за районом дислокации неприятеля, хотя внести коренной перелом в войсковую разведку применение этих приборов, как и аэростатов, естественно, не могло.

К сожалению, первые положительные итоги командования С.О. Макарова эскадрой Порт-Артура при проведении разведывательных мероприятий в акватории крепости почти не получили развития в связи с гибелью талантливого флотоводца, если не считать постановку минных заграждений и применение радиоперехвата. В дополнение следует отметить попытки использования командованием морской базы во Владивостоке, и особенно лейтенантом Б.И. Доливо-Добровольским, для целей разведки нового грозного оружия — подводных лодок, имевших тогда довольно ограниченный оперативный ресурс. Наконец, упомянем активное привлечение, как порт-артурской эскадрой, так и владивостокской базой, легко вооруженных миноносцев в качестве разведывательных и связных судов на театре войны.

Таким образом, всесторонний, непредвзятый анализ источников опровергает мнения некоторых отечественных и зарубежных авторов о том, что «русская армия начала и кончила войну с Японией без разведки, без знания своего противника» или что с российской стороны «стратегической разведки не производилось всю войну»⁵³⁵.

Конечно, подготовка военно-разведывательной службы романовской империи к войне и ее организация в первые месяцы дальневосточной кампании представляют собой удобную мишень для критики, особенно с позиций сегодняшнего дня. При этом, однако, сравнение состояния дел в русской и аналогичной ей военных разведках ведущих держав обнаруживает примерно одинаковый уровень структурной зрелости и функциональной готовности.

Проведенное исследование показывает, что главную ответственность за поражение на сопках Маньчжурии и в водах дальневосточных морей должны нести отнюдь не разведчики, а сам царь и та часть имперской элиты, которая не стремилась адаптироваться к процессу модернизации страны.

Позволим себе в этой связи сослаться на мнение А.Ф. Редигера, возглавлявшего военное министерство с 1906 по 1909 г. В своих мемуарах он

дал критическую оценку высшего командного состава царской армии накануне маньчжурской кампании:

«Во все царствование императора Александра III военным министром был Ванновский, и во все это время в военном ведомстве царил страшный застой. Чья это была вина, самого ли государя или Ванновского, я не знаю, но последствия этого застоя были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигались по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда они добирались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей. Этой нелепой системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц как к концу царствования Александра III, так и впоследствии, во время японской войны»⁵³⁶.

Пренебрежение «дряхлых генералов» поступающими разведывательными данными о численности и вооружении японцев, особенно в предвоенные месяцы, способствовало серьезной недооценке стратегического потенциала и морально-психологического состояния будущего противника. Это резко контрастировало с отношением к делу на Японских островах. Четким сигналом в этом смысле стало высказывание главнокомандующего экспедиционными силами маршала Ямагата, сделанное им на пороге войны:

«Моя основная работа будет заключаться в собирании информации (о русских. — Е. С.)»⁵³⁷.

С началом боевых действий у царских генералов проявилась другая крайность — преувеличение возможностей японских войск. Неуверенность в своих силах и панические настроения командиров приводили к искаженным оценкам, циркулировавшим между штабами всех уровней. Участник войны А.А. Игнатъев, чьи воспоминания содержат резкую критику деятельности разведывательного управления штаба главнокомандующего, писал о том, что его начальники, например, полковник С.Н. Люпов, «видели японцев повсюду», а преемник последнего полковник К.П. Линда вместо налаживания оперативной работы лично «водил под Тюренченном батальоны в атаку»⁵³⁸.

Русской военной разведке в Маньчжурии вместе с опытом не хватало общего плана проведения мероприятий, четкой функциональной координации, глубокого изучения специфики театра военных действий, языка, традиций и обычаев народов Восточной Азии. По откровенному признанию иностранных наблюдателей, всякая другая европейская армия при складывавшихся обстоятельствах не смогла воевать и немедленно разбежалась⁵³⁹.

Но не таковы были герои Маньчжурии. Они честно выполнили свой воинский долг, заслужив уважение потомков, а бесценный опыт, приоб-

ретенный участниками боев на японском фронте, не пропал даром. Как свидетельствуют источники, в ходе реформ вооруженных сил существенные изменения коснулись всех органов, уровней и направлений военной разведки, финансирование которой к 1914 г. значительно выросло.

Выше уже говорилось о том, что результатом русско-японского противостояния явилось получение центральными структурами разведки законченного оформления в виде Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Созданный орган с 1906 г. приступил к составлению, а главное — реализации долговременной комплексной программы изучения вероятных противников России с точки зрения оценки их военно-политического и хозяйственного потенциалов. Любопытно, что именно после русско-японской войны, показательной в плане повышения значимости логистических операций (переброски войск на большие расстояния, снабжения действующей армии вооружением, боеприпасами, амуницией, лошадьми и продуктами питания), генштабисты резко усилили внимание к военно-топографическому описанию транспортных коммуникаций на приграничных территориях Российской империи и ее соседей, а в расписании занятий слушателей Академии Генерального штаба появился соответствующий учебный предмет.

Определенную модификацию получил один из важнейших инструментов стратегической разведки — институт военных атташе. Проведение в 1906–1911 гг. целой серии совещаний, на которых горячо дебатировался опыт русско-японского конфликта, помогло уточнить задачи официальных представителей сухопутных и морских сил России в государствах аккредитации. Итогом этой работы стало утверждение в 1908–1913 гг. новых служебных инструкций, более четкая координация деятельности атташе со стороны ГУГШ и Главного морского штаба, последовательное разделение добывающих и обрабатывающих функций разведки, хотя на объективную оценку информации «дипломатами в погонах» продолжали оказывать влияние идеологические установки руководства и стереотипы восприятия окружающего мира.

Заметным событием в процессе совершенствования тактического звена специальных служб явилось учреждение разведывательных отделов в округах, которые в мирное время курировали закрепленные за ними пограничные регионы. При этом их арсенал обогатился наработками штабов маньчжурских армий по организации агентурной разведки, скажем, созданию школ для обучения лазутчиков из числа подданных России и иностранцев. Кроме того, гораздо больше внимания стало уделяться материалам личной переписки и газетной корреспонденции. Разведывательные отделения округов приступили к систематическому обмену оперативными данными.

Практика деятельности спецслужб обогатилась методами борьбы с агентурой иностранных государств — возникли органы контрразведки, которым удавалось в целом достаточно успешно пресекать германо-австрийский шпионаж на протяжении уже Первой мировой войны.

Наконец, не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что очень многие офицеры разведки, прошедшие горнило русско-японской войны, заняли впоследствии высокие командные должности на фронтах Первой и Второй мировых, а также гражданских войн. Достаточно назвать фамилии Алексеева, Корнилова, Деникина, Дроздовского, Маннергейма, Энкеля, Русина и многих других, продолживших традиции честного выполнения воинского долга.

Дальневосточная эпопея 1904–1905 гг. явилась мощным стимулом для совершенствования всего разведывательного цикла, который приобрел логичную, законченную форму, поскольку опыт фильтрации сведений, поступавших из различных источников, сопоставления их между собой, ситуационного анализа информации для сводок, а также отбора материалов при подготовке тематических сборников по вооруженным силам противника позволил вывести процесс обработки разведанных на качественно более высокий уровень.

Примечательно, что успехи, достигнутые военным ведомством по формированию специальных служб, дали основание начальнику германского Генерального штаба генералу Г. фон Мольтке (мл.) направить секретный меморандум в МИД. Крупнейший военный специалист кайзеровской империи уже в 1908 г. предупреждал чиновников на Вильгельмштрассе:

«Механизм русской разведки представляет собой хорошо управляемую, широко развитую систему, у которой имеются значительные финансовые ресурсы»⁵⁴⁰.

Думается, что глава наиболее авторитетного органа вооруженных сил Германии имел серьезные основания для такого заключения.

Поражение России в войне на Дальнем Востоке, стоившей ей более 2,5 млрд руб., и последующие революционные события оказали значительное влияние на мировую политику. Одним из последствий явилась недооценка Германией потенциала своего восточного соседа, что в свою очередь повлекло за собой борьбу Центральных держав на два фронта в 1914–1917 гг.

Вместе с тем, колоссальный опыт, приобретенный российской разведкой на протяжении маньчжурской кампании, подготовил условия для превращения ее в одну из наиболее дееспособных специальных служб мира новейшего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Летопись войны с Японией. 1904, № 1–40; 1905, № 41–84.

² Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба / Ред. А. К. Байов. СПб., 1906–1907, ч. 1–2.

³ См. напр.: Козлов В.Д. В тылу у японцев. Очерки. СПб., 1904.

⁴ Парский Д.П. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.) СПб., 1906; Шахновский И.К. Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб., 1906; Верцинский Э.А. Усиленная разведка частей 1-го Сибирского корпуса (в долине реки Сидалихэ). СПб., 1907; Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. СПб., 1908; Измestьев П.И. О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910; Свегин А.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Ораниенбаум, 1910; *его же*. Тактические уроки русско-японской войны. СПб., 1912; Скосаревский А. Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну (психологический этюд). СПб., 1911; Ухаг-Огоровиг Н.А. Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Киев, 1911.

⁵ Буняковский В.В. Служба безопасности войск. Охранение и разведывание по опыту и с примерами из русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1909.

⁶ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. 3-е изд. М., 1998.

⁷ Кан Р. Из вражеского стана. Пер. с франц. СПб., 1905; Иммануэль Ф. Русско-японская война в военном и политическом отношении. Пер. с нем., СПб., 1906, вып. 1–4; Нодо Л. Письма о войне с Японией. Пер. с франц. СПб., 1906; Азиатикус. Разведка во время русско-японской войны. Пер. с англ. — В сер.: Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1907, вып. 12; Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Пер. с англ., СПб., 1907; Рэжули Р. Десять месяцев на японо-русской войне 1904–1905 гг. Пер. с англ. СПб., 1907; Теттау Э. Восемнадцать месяцев с русскими войсками в Маньчжурии. СПб., 1908; Роллэн. Военно-разведывательная служба в мирное и военное время. Пер. с франц. СПб., 1909; Рюдеваль Р. Разведка и шпионаж. Пер. с франц. // Военное дело за границей, Варшава, 1911, № 27.

⁸ Greener, William. A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905.

⁹ Куропаткин А.Н. Записки о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909 (2-е изд. СПб., 2002; 3-е изд. М., 2003).

¹⁰ Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск, 1919, т. 1–2; Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 1929–1931, кн. 1–2 (2-е изд. М., 2003, кн. 1–2).

¹¹ См.: Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 2003, кн. 1, с. 31, 37, 43, 65, 74–75, 77, 79.

¹² Там же, с. 81.

¹³ *Вотинов А.П.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; Японский шпионаж в царской России. Сборник документов / Сост. *И. Никитинский*. М., 1944.

¹⁴ *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938; *Лугинин В. В.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1940; *Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-исторический очерк. М., 1956; История русско-японской войны, 1904–1905 гг. / Ред. *И.И. Ростунов*. М., 1977; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990; *Шаццлло В.К., Шаццлло Л.А.* Русско-японская война. 1904–1905. Факты. Документы. М., 2004; *Hoyt E.* The Russo-Japanese War, 1904–1905. London, 1967; *Martin Ch.* The Russo-Japanese War. London, 1967 (изд. на русск. яз. М., 2003); *Knight F.* Russia Fights Japan. London, 1969 (изд. на русск. яз. М., 2003); *Walder D.* The Short Victorious War. The Russo-Japanese Conflict, 1904–1905. London, 1973; *Warner D., Warner P.* The Tide at Sunrise. A History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London, etc, 1974; *Westwood J.* Russia against Japan, 1904–1905. A New Look at the Russo-Japanese War. London, 1984; *Connaughton R.* The War of the Rising Sun and Thumbing Bear: A Military History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London-New York, 1988.

¹⁵ *Деревянко И.В.* Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг. // Военно-исторический журнал, 1989, № 5, с. 76–78; *Шелухин А.Ю.* Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914 гг.) // Вестник МГУ, сер. 8. История, 1996, № 3, с. 17–31; *Макаров И.С.* О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.). – В сб.: Многоликая история. М., 1997, с. 202–220; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998, кн. 1–2; *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999; *Глушков В.В., Шаравин А.А.* На карте Генерального штаба – Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000.

¹⁶ Очерки истории российской внешней разведки / Ред. *Е.М. Примаков*. М., 1995, т. 1.

¹⁷ *Петров В.* Из предыстории русско-японской войны. Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах, 1996, кн. 6, с. 52–94; *Подалко П.Э.* Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Япония. Ежегодник, 2001–2002. М., 2002, с. 362–387; *Добыгина Е.В.* Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. (1898–1901) // Вопросы истории, 1999, № 10, с. 127–131; *она же.* Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 гг. // Отечественная история, 2000, № 4, с. 161–170; *Каширин В.* «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // Родина, 2004, № 1, с. 38–44.

¹⁸ *Menning V.* Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992, p. 32.

¹⁹ *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–1905 // Intelligence and National Security, Jan. 1996, v. XI, No 1, pp. 22–31.

²⁰ *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте. Пер. с англ. // Родина, 2004, № 1, с. 34–37.

²¹ См., напр.: *Schimmelpenninck van der Oye, David.* Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–1905, p. 29; *он же.* Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте, с. 37.

²² *Инаба, Чихару*. Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.). Международная телеграфная связь и перехват противником // Отечественная история, 1994, № 4–5, с. 222–227.

²³ Нам кажется трудно объяснимым, что ряд зарубежных и отечественных авторов предпочли обойти фактически полным молчанием сюжеты русско-японской войны, см.: *Фалиго Р., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб. Пер. с франц. М., 1997, т. 1; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. М., 2000, кн. 1.

²⁴ См., напр.: Русско-японская война на суше и на море. Художественный альбом с текстом. СПб., 1904, вып. 1–8; Русско-японская война и ее герои. Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1904, вып. 1–6; *The Russo-Japanese War. Fully Illustrated.* Токуо, 1904–1908, vol. 1–8.

²⁵ Указанная ошибка была, например, повторена Д. Схиммельпеннинком в одной из последних статей, см.: Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте, с. 35.

²⁶ Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии (26 октября 1904 – 1 сентября 1905 гг.). М., 1906; Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. СПб., 1907; Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября 1904 г.) и штаба главнокомандующего (с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г.); Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем с 4 марта 1905 г. по 31 августа того же года. — В кн.: Тайны русско-японской войны. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. / сост. и публ. *И.В. Деревянко*. М., 1993, с. 159–178; 179–229. Что касается отчета разведывательного отделения 2-й Маньчжурской армии с октября 1904 г. по сентябрь 1905 г., то он не был опубликован, хотя и отложился в архивных фондах, см.: РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 26, л. 3–21.

²⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны / Ред. *В.И. Гурко*. СПб., 1910–1914 гг. Т. 1–8; Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. СПб., 1907–1914. Отд. I–IV.

²⁸ Сводки сведений о противнике, 1904–1905 гг. Харбин, 1905, т. 1–2.

²⁹ *Куприн А. И.* Штабс-капитан Рыбников. — В кн.: *Куприн А.* Гранатовый браслет. Рассказы. М., 1998; *Далецкий П.* На сопках Маньчжурии. Роман. Ленинград, 1954, т. 1–2; *Пикуль В.* Три возраста Окини-сан. Роман. М., 1984; *Акунин Б.* Алмазная колесница. М., 2004, кн. 1–2.

³⁰ *Павлов Д. Б.* Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история, 1996, № 1, с. 14–28; *Аленко А.В.* Японская контрразведка на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. — В сб.: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М., 1997, кн. 2; *Кирмель Н.С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1907 гг.). Автореф. дисс. ... к. и. н. Иркутск, 1999; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; *он же.* «А как же следить за японцами, господа?» Наблюдения за передвижением иностранцев по Транссибу в 1906–1910 гг. // Родина, 2004, № 1, с. 80–83;

Ермагенко И.О. «В борьбе с какой-то азиатской дрянью...» Шпиономания в годы русско-японской войны // Родина, 2004, № 1, с. 75–79; *Nish I. Japanese Intelligence and the Approach of the Russo-Japanese War.* — In: *Governments and Intelligence Communities in the XXth Century* / eds. C. Andrew, D. Dilks. London, 1984; *Daly J. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905.* Bloomington, 1998.

³¹ Алексеев М. Военная разведка России, кн. 1, с. 10; Очерки истории внешней разведки, т. 1, с. 13–20.

³² Подробнее см.: Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 51–73; *Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming Military Intelligence.* — In: *D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning., eds. Reforming the Tsar's Army.* Cambridge, 2004, p. 133–150.

³³ Энциклопедия военных и морских наук / Ред. Г.А. Леер. СПб., 1883–1897, т. 6. с. 243–244; Энциклопедический словарь. СПб., 1899, т. 26, с. 136–137.

³⁴ Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 2003, кн. 1, с. 24–26; Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 84–86, 306–313; Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003, с. 22–23.

³⁵ Подробнее см.: Макаров И.С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.). — В сб.: Многоликая история, 1997, с. 202–220.

³⁶ Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1903 г. СПб., 1903, № 133; Свод морских постановлений. СПб., 1901, кн. 1, ч. 2, с. 9.

³⁷ Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 25; Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 85–86.

³⁸ Примеры см.: Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 26.

³⁹ Там же, с. 11–15; Алексеев М. Указ соч., кн. 1, с. 111–140.

⁴⁰ Звонарев К.К. Указ соч., кн. 1, с. 55.

⁴¹ Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии, собранные офицерами Генштаба Приморского военного округа в 1901 г. Хабаровск, 1902–1903, т. 1–2.

⁴² Свегин А.А. Русско-японская война, 1904–1905 гг. Ораниенбаум, 1910, с. 16. Подробнее см.: Глушков В.В., Шаравин А.А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000, с. 14–15, 340.

⁴³ Хвостов А. Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы, 1902, № 10, с. 653–654.

⁴⁴ См.: Шахновский И.К. Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб., 1906, с. 5–35.

⁴⁵ См.: Военные действия в Китае. Материалы Главного штаба / сост. Полковник Овсяный. СПб., 1910, ч. 1–2. Подробнее о дипломатической стороне участия русских войск в китайской кампании 1900–1901 гг. см.: Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897–1903 гг. М., 1998, с. 98–120.

⁴⁶ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994, т. 3, с. 47–50.

⁴⁷ Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 74–75; Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 143.

⁴⁸ «Предмет детального изучения...» / публ. А. Буяков // Морской сборник, 1995, № 3, с. 91.

⁴⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну, ч. 1, с. 16; Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 102–103.

⁵⁰ Л.- де А. Разведочные суда // Морской сборник, 1904, № 1, с. 15–29.

⁵¹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990, с. 31.

⁵² РГВИА, ф. 401, оп. 5, л. 195, л. 30–31. Докладная записка начальника Главного штаба В.В. Сахарова военному министру А.Н. Куропаткину, Санкт-Петербург, 28 февраля (13 марта) 1902 г.

⁵³ Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 145. Следует оговориться, что в статье А.Ю. Шелухина, специально изучавшего вопрос, приводится иная цифра — 56 920 руб., см.: Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века // Вестник МГУ, сер. 8. История, 1996, № 3, с. 24.

⁵⁴ Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 41.

⁵⁵ Там же, с. 42.

⁵⁶ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1998, с. 301.

⁵⁷ Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А. Указ. соч., с. 40.

⁵⁸ Хвостов А. Указ. соч., с. 186–187.

⁵⁹ Подробнее см.: Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А. Указ. соч., с. 46–47.

⁶⁰ Рябинин А.А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса, 1909, с. 3.

⁶¹ Игнатъев А.А. Указ. соч., с. 143.

⁶² Алексеев М. Указ. соч., кн. 2, с. 113.

⁶³ Роллэн. Военно-разведывательная служба в мирное и военное время. СПб., 1909, с. 5.

⁶⁴ См.: Дервянко И.В. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. — В кн.: Тайны русско-японской войны. М., 1993, с. 149; Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 147 (хотя в справочном материале на с. 245 и 319 указан Г.М. Ванновский); *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–05, p. 25; *idem.* Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте // Родина, 2004, № 1, с. 35; Примечательно, что ту же неточность на с. 192 допустили авторы «Очерков истории внешней разведки России».

⁶⁵ Список генералов по старшинству на 1 (14) июля 1906 г. СПб., 1906, с. 936; Список полковников по старшинству на 1(14) ноября 1906 г. СПб., 1906, с. 225; Список чинов Генерального штаба на 1917 г. Пг., 1917, с. 20, 25.

⁶⁶ Подробнее см.: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России, 1900–1914 гг. М., 2001, с. 41–42.

⁶⁷ Игнатъев А.А. Указ. соч., с. 151.

⁶⁸ Мартынов Е.И. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910, с. 5.

⁶⁹ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 43. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем с 4 (17) марта по 31 августа (13 сентября) 1905 г.

⁷⁰ Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 316, 319, 322 (с уточнениями на с. 149).

⁷¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1895, № 61, с. 107–109. — См.: Добыгина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 гг. // Отечественная история, 2000, № 4, с. 163.

⁷² РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6535, л. 11–11об. Янжул — начальнику штаба Приамурского военного округа генерал майору Чичагову, Токио, декабрь 1898 г.

⁷³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924, т. 1, с. 87.

- ⁷⁴ Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 147.
- ⁷⁵ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Итоги войны. Берлин, 1909, с. 186.
- ⁷⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 108, л. 3–4об. Инструкция Главного штаба военному агенту в Японии, Санкт-Петербург, октябрь 1901 г.; там же, л. 5–6. Жилинский — Ванновскому, Санкт-Петербург, 16 февраля (1 марта) 1902 г.; там же, л. 8–9. Жилинский — Ванновскому, Санкт-Петербург, 15 (28) мая 1902 г.
- ⁷⁷ Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 28–29.
- ⁷⁸ Поливанов А.А. Указ. соч., т. 1, с. 87.
- ⁷⁹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания (1849–1911). М., 1991, с. 465; Подалко П.Э. Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Япония. Ежегодник, 2000–2002. М., 2002, с. 365–366.
- ⁸⁰ Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 141–142.
- ⁸¹ Там же, с. 154.
- ⁸² РГВИА, ф. 451, оп. 1, д. 1595, л. 35. Самойлов — в штаб Наместника, Токио, 27 ноября (10 декабря) 1903 г.
- ⁸³ Там же, ф. 400, оп. 4, д. 108, л. 9. Сахаров — Стрельбицкому, Санкт-Петербург, 15 (28) мая 1902 г.
- ⁸⁴ Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 149.
- ⁸⁵ Там же, с. 150; Очерки истории российской внешней разведки, т. 1, с. 199.
- ⁸⁶ Подробнее см.: Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) / сост. В.А. Петров. — В сб.: Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996, кн. 6, с. 55.
- ⁸⁷ См. напр.: РГА ВМФ, ф. 763, оп. 1, д. 44, л. 38–40об., Русин — Алексееву, Токио, 12 (25) марта 1902 г.; там же, ф. 32, оп. 1, д. 489, л. 77–82об., Русин — Алексееву, Токио, 19 ноября (2 декабря) 1903 г.; там же, ф. 417, оп. 1, д. 2486, л. 153–159об., 170–174об., 175–177, 178–183об. Русин — начальнику Военно-морского учебного отдела Главного Морского штаба капитану 1 ранга А.А. Вирениусу, Токио, 20 августа (2 сентября) 1903 г., 25 октября (8 ноября) 1903 г., 7 (20) декабря 1903 г., 12 (25) декабря 1903 г.
- ⁸⁸ «Предмет детального изучения...», с. 91.
- ⁸⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3, кн. 1, с. 125–132.
- ⁹⁰ Там же, с. 135.
- ⁹¹ Бунин И.Л. Долгая дорога на Голгофу. Воспоминания. Историческая хроника. СПб., 2000, с. 363.
- ⁹² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, т. 1, с. 167.
- ⁹³ Там же, с. 420.
- ⁹⁴ Цит. по.: Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 130–131.
- ⁹⁵ Там же, с. 130.
- ⁹⁶ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, т. 1, с. 156.
- ⁹⁷ Звонарев К.К. Указ. соч., кн. 1, с. 131.
- ⁹⁸ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6530, л. 9. Янжул — Чичагову, Токио, 21 марта (2 апреля) 1898 г.
- ⁹⁹ Добыгина Е.В. Указ. соч., с. 162.

- ¹⁰⁰ Очерки истории российской внешней разведки, т. 1, с. 193; *Подалко П.Э.* Указ. соч., с. 373.
- ¹⁰¹ Там же, с. 372.
- ¹⁰² Из предыстории русско-японской войны, с. 57.
- ¹⁰³ «Предмет детального изучения...», с. 92.
- ¹⁰⁴ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 5–18об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября (8 ноября) 1904 г. и штаба главнокомандующего (с 26 октября (8 ноября) 1904 г. по 25 февраля 1905 г.).
- ¹⁰⁵ *Фалиго Р., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб. М., 1997, т. 1., с. 46.
- ¹⁰⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 29091, л. 103–103об. Отчет военного комиссара Мукденской провинции полковника Квещинского о деятельности за 1900–1904 гг. Харбин, 1905 г.
- ¹⁰⁷ Там же, ф. 448, оп. 1, д. 9, л. 353–361. Путята – Николаю II, Санкт-Петербург, 6 (18) ноября 1897 г.
- ¹⁰⁸ Там же, ф. 400, оп. 4, д. 108, л. 41. Доклад по Главному штабу, Санкт-Петербург, 12 (25) июня 1903 г.
- ¹⁰⁹ *Звонарев К.К.* Указ. соч., кн. 1, с. 35.
- ¹¹⁰ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 107, л. 1–11об. Записка полковника Воронина, Санкт-Петербург, 7 (20) марта 1901 г.
- ¹¹¹ Там же, ф. 165, оп. 1, д. 1064, л. 1–3. Справка полковника Адабаша, Санкт-Петербург, декабрь 1903 г.
- ¹¹² *Инаба Ч.* Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.). Международная телеграфная связь и перехват противником // Отечественная история, 1994, № 4–5, с. 225–226.
- ¹¹³ *Доливо-Добровольский Б.И.* Разведочная служба на флоте и ее организация // Морской сборник, 1904, № 1, с. 1–14.
- ¹¹⁴ Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. СПб, 1906, ч. 1, с. 12–13.
- ¹¹⁵ *Мартин К.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 2003, с. 16.
- ¹¹⁶ *Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1956, с. 16; История русско-японской войны 1904–1905 гг. / ред. И.И. Ростунов. М., 1977, с. 93.
- ¹¹⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию, т. 1, с. 171–176.
- ¹¹⁸ Подробнее см.: *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, с. 66–97.
- ¹¹⁹ РГВИА, ф. 14326. Опись архивного фонда «Полевой штаб Наместника на Дальнем Востоке». М., 1951, с. 1–2.
- ¹²⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию, т. 1, с. 176–223; 252–253.
- ¹²¹ *Керсновский А.А.* Указ. соч., т. 3, с. 55.
- ¹²² Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба, ч. 1, с. 247.
- ¹²³ *Куропаткин А.Н.* Указ. соч., с. 116–117.
- ¹²⁴ Подробнее см.: *Каширин В.* «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // Родина, 2004, № 1, с. 41–44.

- ¹²⁵ Японские дневники А.Н. Куропаткина / Публ. Е.Ю. Сергеев, И.В. Карнеев // Российский архив, 1995, т. VI, с. 395.
- ¹²⁶ Там же, с. 403.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же, с. 439.
- ¹²⁹ Куропаткин А.Н. Указ. соч., с. 165.
- ¹³⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию..., т. 1, с. 250.
- ¹³¹ Николай Романов. Дневник. 1890–1906. М., 1991, с. 137.
- ¹³² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию..., т. 1, с. 275.
- ¹³³ The Russo-Japanese War. Fully Illustrated. Tokyo, 1904, v. 1, p. 47.
- ¹³⁴ Шишов А.В. Россия и Япония. История возникновения военных конфликтов. М., 2000, с. 121–122.
- ¹³⁵ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1085, л. 5об. — Рапорт Куропаткина — Николаю II, Санкт-Петербург, 21 февраля (5 марта) 1904 г.
- ¹³⁶ Соболев Л.Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб, 1910, с. 272.
- ¹³⁷ Московские ведомости, 9 (22) февраля 1904 г.
- ¹³⁸ Николай Романов. Дневник, с. 146.
- ¹³⁹ История русско-японской войны 1904–1905 гг., с. 96.
- ¹⁴⁰ Цит. по.: Айрапетов О.Р. Бесшабашная бестолочь. Армия, общество и «колониальная война» // Родина, 2004, № 1, с. 52.
- ¹⁴¹ Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 80.
- ¹⁴² Там же, с. 152.
- ¹⁴³ Золотарев В.А., Козлов И.А. Указ. соч., с. 67.
- ¹⁴⁴ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3, кн. 1, с. 18.
- ¹⁴⁵ Японские дневники А.Н. Куропаткина, с. 399.
- ¹⁴⁶ Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания. 1852–1939 гг. Берлин, 1939, с. 165.
- ¹⁴⁷ Куропаткин А.Н. Указ. соч., с. 187; Керсновский А.А. Указ. соч., т. 3, с. 54; Алексеев М. Указ. соч., кн. 1, с. 150, 153; Unger F.W. Russia and Japan, and A Complete History of the War in the Far East. Washington, 1906, p. 312.
- ¹⁴⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию..., т. 1, с. 419–420.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 420; Куропаткин А.А. Указ. соч., с. 187.
- ¹⁵⁰ Подробнее см.: Вихров А. Пропавшая армия // Родина, 2004, № 1, с. 59–62; Смирнов А. Недоразумения из Интернета. Новые мифы о русско-японской войне // Родина, 2004, № 1, с. 63–65.
- ¹⁵¹ Цит. По: Шишов А.В. Указ. соч., с. 311.
- ¹⁵² Нодо Л. Письма о войне. СПб., 1906, с. 28; Рябинин А.А. Указ. соч., с. 4.
- ¹⁵³ Свегин А.А. Указ. соч., с. 2.
- ¹⁵⁴ Ревентлов Э. Соображения по предмету русско-японской войны // Морской сборник, 1904, № 1, с. 40.
- ¹⁵⁵ McCormick F. The Tragedy of Russia in Pacific Asia. London, 1909, vol. 1, p. 232.
- ¹⁵⁶ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию..., т. 1, с. 441.

¹⁵⁷ Жукова Л.В. Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904–1905 гг. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1996, с. 20; Дроздова Э.А. Образ Японии и японцев в русско-японскую войну 1904–1905 гг. (по материалам дальневосточной периодики и архивным фондам Приамурского генерал-губернаторства). — В кн.: Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1998, с. 38–42;

¹⁵⁸ Куропаткин А.Н. Указ. соч., с. 188–189.

¹⁵⁹ Айрапетов О.Р. Указ. соч., с. 54.

¹⁶⁰ Сборник приказов по военному ведомству за 1890 г. СПб., 1891. Приказ № 62 от 26 февраля (10 марта) 1890 г.; подробнее см.: Макаров И. С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX вв.). — В кн.: Многоликая история. М., 1997, с. 212–213.

¹⁶¹ Сборник приказов по военному ведомству за 1890 г. СПб., 1891. Приказ № 62 от 26 февраля (10 марта) 1890 г.; подробнее см.: Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 50.

¹⁶² РГВИА, ф. 14390. Штаб тыла войск Дальнего Востока. Опись фонда. М., 1951, с. 2.

¹⁶³ Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг., с. 147. Запись от 23 марта (5 апреля) 1904 г.

¹⁶⁴ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 97–98.

¹⁶⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 27514, л. 1–583. Все дело состоит из подшитых ходатайств офицеров о направлении в Маньчжурию.

¹⁶⁶ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю, с. 165.

¹⁶⁷ РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 217, л. 285об. Дневник генерал-майора В.А. Косаговского, Ляоян, 24 марта (6 апреля) 1904 г.

¹⁶⁸ Нодо Л. Письма о войне, с. 64–65.

¹⁶⁹ Подробнее см.: Жукова Л.В. Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904–1905 гг. в России. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1996.

¹⁷⁰ Айрапетов О. Бесшабашная бестолочь. Армия, общество и «колониальная война», с. 55.

¹⁷¹ Мартынов Е.И. Воспоминания о японской войне, с. 24.

¹⁷² Рябинин А.А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии, с. 5.

¹⁷³ Парский Д.П. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). СПб., 1906, с. 11.

¹⁷⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 27554, л. 17. Рапорт полковника Рыжова, Санкт-Петербург, 31 января (12 февраля) 1904 г.

¹⁷⁵ См., напр.: Маннергейм К.Г. Мемуары. Пер. фин. М., 1999, с. 20.

¹⁷⁶ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Итоги войны, с. 381, 383.

¹⁷⁷ Подробнее см.: Жукова Л.В. Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904–1905 гг. в России...; Любопытно, что православные богословы стремились убедить свою паству в том, что война против Японии предоставляет русским возможность остановить «идейное, нравственное и политическое падение», чтобы подняться сначала «в своих собственных глазах, а затем и в глазах всего света», прорубив «окно в Азию» и защитив Европу от нашествия «желтой расы». Подробнее см.: Введенский А.И. Дальневосточная война с философской точки зрения в связи с вопросом о войне вообще. Сергиев-Посад, 1905, с. 35, 37–38, 41.

¹⁷⁸ Цит. по: *Павлович М.П.* Русско-японская война. Женева, 1905, с 85.

¹⁷⁹ *Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Пер. с англ. М., 2000, с. 12–13. Добавим, что даже А.Н. Куропаткин не скрывал восхищения перед проявлениями патриотических чувств простыми японцами. При этом он ссылался на прецеденты самоубийств матерей, чьи сыновья оказывались негодными к строевой службе по состоянию здоровья. — См.: *Куропаткин А.Н.* Записки о русско-японской войне. Итоги войны, с. 193.

¹⁸⁰ *Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера..., с. 151.

¹⁸¹ *Нодо Л.* Письма о войне, с. 46.

¹⁸² *Кан Р.* Из вражеского стана. Пер. с франц. СПб., 1905, с. 20.

¹⁸³ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября (8 ноября) 1904 г.) и штаба главнокомандующего (с 26 октября (8 ноября) 1904 г. по 25 февраля (10 марта) 1905 г.).

¹⁸⁴ Там же, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем с 4 (17) марта 1905 г. по 31 августа (12 сентября) того же года.

¹⁸⁵ Там же, д. 29076, л. 296–297об. Десино — Алексееву, Шанхай, 28 марта (10 апреля) 1904 г.

¹⁸⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 130, оп. 470, 1904 г., д. 129, т. 1, л. 40–42об. Кассини — Ламздорфу, Вашингтон, 14 (27) января 1904 г.

¹⁸⁷ Цит. по: *Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Не подлежит оглашению, с. 77.

¹⁸⁸ Там же, с. 66–79.

¹⁸⁹ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 133–142.

¹⁹⁰ РГА ВМФ, ф. 417, оп.1, д. 26614, л. 5–225; д. 26628, л. 16–241. Оба дела посвящены разработке и осуществлению крейсерских операций в Средиземном и Красном морях, а также Атлантическом и Индийском океанах.

¹⁹¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6552, л. 4. Шебеко — в Главный штаб, Берлин, 30 июня (13 июля) 1904 г.

¹⁹² РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26574, л. 12–13. Шебеко — в Главный штаб, Берлин, 12 (25) ноября 1904 г.

¹⁹³ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 142.

¹⁹⁴ РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 277, л. 180–182об. Шебеко — в Главный штаб, Берлин, 8 (21) марта 1905 г.

¹⁹⁵ См.: *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция. — В кн.: Тайны русско-японской войны. М., 1993, с. 5–139. Новым осмыслением истории становления русской контрразведки на протяжении японской войны в художественной форме стал роман Б. Акунина «Алмазная колесница». М., 2003, кн. 1.

¹⁹⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 691, л. 5. Докладная записка по Главному штабу, Санкт-Петербург, 2 (15) октября 1904 г.; там же, л. 9–11. Лазарев — в Главный штаб, Париж, 4 (17) ноября 1904 г. Стоит заметить, что нелегальная деятельность отставного капитана Бугуена в Стране восходящего солнца завершилась довольно быстро. Согласно заметке в одной из японских газет от 11 июля 1905 г. (н. ст.) он был арестован и приговорен к заключению сроком на 10 лет. О судьбе Дори ничего не известно. — См.:

РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 691, л. 36. Лазарев — в Главный штаб, Париж, 29 июня (12 июля) 1905 г.

¹⁹⁷ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 460, л. 1–3. Лазарев — в Главный штаб, Париж, 13 (26) июля 1904 г.

¹⁹⁸ Там же, д. 6552, л. 39. Алексеев — в Главный штаб, Стокгольм, 1 (14) декабря 1904 г.; там же, л.161. Рооп — в Главный штаб, 6 (19) марта 1905 г.

¹⁹⁹ Там же, ф. ВУА, д. 27506, л. 47. Жилинский — в Главный штаб, Мукден, 17 (30) марта 1904 г.

²⁰⁰ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, т. 1, с. 33.

²⁰¹ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...

²⁰² Там же, л. 60–61. Нечволодов — Харкевичу, Ляоян, 28 апреля (11 мая) 1904 г.

²⁰³ Там же, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем... Справедливости ради укажем на тот факт, что бывший посланник в Корею А.И. Павлов высказывал гораздо более лестные мнения о результатах работы Ж. Шаффанжона и О. Барбье: «Я могу засвидетельствовать, что оба эти агента последние месяцы... действовали очень добросовестно и усердно, доставляя много точных и важных для нас сведений». — См.: *Лебедев В.* Разведка виновна менее всех... О малоизученных уроках и опыте русско-японской войны 1904–1905 гг. // Независимая газета. Военное обозрение, 22 ноября 2002 г.

²⁰⁴ Одна из зашифрованных телеграмм Огородникова Харкевичу, датированная 4 (17) сентября 1904 г., служит примером подобных контактов, причем, что интересно, с подданными британской короны: «Бенес Берлео, главный корреспондент «Дейли Телеграф», предоставил своего агента Ньюсл, посланного в японскую армию... Полезно испытать». — См.: РГВИА, ф. ВУА, д. 29289, л. 441. Огородников — Харкевичу, Тяньцзинь, 4 (17) сентября 1904 г.

²⁰⁵ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 6551, л. 176. Десино — в Главный штаб, Шанхай, 4 (17) июля 1904 г.

²⁰⁶ Там же, ф. ВУА, д. 27506, л. 308. Целебровский — Жилинскому, Санкт-Петербург, 3 (16) августа 1904 г.

²⁰⁷ *Лебедев В.* Разведка виновна менее всех...

²⁰⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 27506, л.194. Целебровский — Жилинскому, Санкт-Петербург, 22 мая (4 июня) 1904 г.

²⁰⁹ Там же, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

²¹⁰ Там же, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...

²¹¹ Там же, д. 28803, л. 271–271об. Приказание Сахарова и Харкевича начальнику Восточного отряда генерал-лейтенанту Засуличу, Ляоян, 16 (29) апреля 1904 г.

²¹² Там же, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же, д. 29289, л. 422–422об. Павлов — Харкевичу, Телин 26 августа (8 сентября) 1904 г.

²¹⁵ Там же, л. 439. Харкевич — Клейменову, Мукден, 5 (18) сентября 1904 г.

- ²¹⁶ Там же, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ Там же, д. 29076, л. 74. Выписка из частного письма заведующего русским полевым телеграфом Можакина на имя чиновника по дипломатической части при командующем войсками, Шахэцзы, 12 (25) февраля 1906 г.
- ²²² Там же, ф. 76, оп. 1, д. 217. Дневник В.А. Косаговского.
- ²²³ Там же, л. 278. Дневник В.А. Косаговского.
- ²²⁴ Там же, л. 285об. Дневник В.А. Косаговского.
- ²²⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...
- ²²⁶ *Лебедев В.* Разведка виновна менее всех...
- ²²⁷ РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 217, л. 293–294. Дневник В.А. Косаговского.
- ²²⁸ См.: Маньчжурия. Географический очерк с картой / Сост. *К. Линда*. СПб., 1900.
- ²²⁹ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Там же, д. 29289, л. 1. Временно исполняющий обязанности начальника штаба генерал-майор Холщевников – командиру отдельного отряда генерал-майору Мищенко, Ичжу, 10 (23) февраля 1904 г.
- ²³² Там же, л. 56–61об. Ведомость расходов на тайную разведку, 8 (21) марта 1904 г.
- ²³³ Там же, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...
- ²³⁴ Там же, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 66–66об. Инструкция временно исполнявшего должность начальника полевого штаба Маньчжурской армии генерал-майора Холщевникова, Ляоян, 13 (26) марта 1904 г.
- ²³⁵ Там же, ф. ВУА, д. 29289, л. 70–71. Рапорт генерал-майора Кондратовича в штаб Маньчжурской армии, Инкоу, 11 (24) марта 1904 г.
- ²³⁶ Там же, д. 29090, т. 1, л. 65–66. Рапорт подполковника Панова на имя генерал-майора Косаговского, Тевантетунь, 31 июля (12 августа) 1904 г. Любопытно, что на рапорте имеется резолюция А.Н. Куропаткина: «Не успешно. Прошу доложить». 7 (20) августа 1904 г.
- ²³⁷ Сводка тактических указаний в войну 1904–1905 гг. СПб., 1906, с. 306–307.
- ²³⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 70–71об. Рапорт капитана Нечволодова, Инкоу, 5 (18) июля 1904 г.
- ²³⁹ Там же, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ Там же, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...
- ²⁴² Там же, д. 29091, л. 135об. Отчет военного комиссара Мукденской провинции полковника Квевинского о деятельности за 1900–1904 гг.
- ²⁴³ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка..., кн. 1, с. 75.

²⁴⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...; там же, д. 29091, л. 136об. Отчет военного комиссара Мукденской провинции...

²⁴⁵ Там же, ф. 14390, оп. 2, д. 15, л. 3–14а. Сведения, добытые путем разведки чинами Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи согласно составленной для сего инструкции, сентябрь 1904 г.

²⁴⁶ *Ухаг-Огоровиг Н.А.* Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Киев, 1911, с. 65–66.

²⁴⁷ РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 217, л. 288–288об. Дневник В.А. Косаговского.

²⁴⁸ См., напр., переписку адмирала Алексеева и генерал-лейтенанта Сахарова по этой проблеме: там же, ф. ВУА, д. 27504, л. 132. Сахаров — Алексееву, Санкт-Петербург, 23 февраля (7 марта) 1904 г.; л. 137. Алексеев — Сахарову, Мукден, 25 февраля (9 марта) 1904 г.

²⁴⁹ Там же, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...

²⁵⁰ *Ухаг-Огоровиг Н.А.* Маньчжурский театр военных действий, с. 17.

²⁵¹ РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 358, л. 1–6. Записка о задачах и действиях Ляохэйского отряда в русско-японскую войну, 1905 г.

²⁵² *Ухаг-Огоровиг Н. А.* Маньчжурский театр военных действий, с. 17.

²⁵³ Очерки истории российской внешней разведки, т. 1, с. 172–182.

²⁵⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...

²⁵⁵ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 76.

²⁵⁸ Там же, д. 29289, л. 234–252об. Сведения за время пребывания в Маньчжурии и Монголии с 23 февраля (7 марта) по 18 (31) мая 1904 г. мещанина г. Канска Томской губернии С.А. Мягкова.

²⁵⁹ *Матковский А.Ф.* Разведывательная деятельность конницы и взгляды на нее в России, Германии и Франции. СПб., 1910. См. также: *Баженов П.Н.* Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца. СПб., 1911, с. 14.

²⁶⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, т. 2, ч. 1, с. 55.

²⁶¹ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю, с. 151.

²⁶² *Козлов В.Д.* В тылу у японцев (набег партизан в Корею). Очерки. СПб., 1904, с. 56, 67.

²⁶³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, т. 2, ч. 1, с. 357.

²⁶⁴ См.: *Анигков Д.И.* Пять недель в отряде генерала Мищенко. СПб., 1907.

²⁶⁵ *Гершельман Ф.* Конница в японской войне и в былое время. СПб., 1912, с. 4–5; *Звонарев К. К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 52–53.

²⁶⁶ *Гершельман Ф.* Конница в японской войне и в былое время, с. 12, 17.

²⁶⁷ РГВИА, ф. ВУА, д. 29289, л. 121–121об. Харкевич — циркулярно Мищенко и Косаговскому, Ляоян, 22 мая (4 июня) 1904 г.

²⁶⁸ Цит. по: *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 53.

- ²⁶⁹ Подробнее см.: *Гершельман Ф.* Конница в японской войне и в былое время, с. 29–50.
- ²⁷⁰ *Дружинин К.И.* Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника — добровольца. СПб., 1909, с. 148.
- ²⁷¹ *Штакельберг А.* Вафангоу // *Русский инвалид*, 1906, № 51.
- ²⁷² *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 1, с. 195.
- ²⁷³ *Knight F.* Russia Fights Japan, p. 9.
- ²⁷⁴ *Далецкий П.* На сопках Маньчжурии. Ленинград, 1954, кн. 1, с. 103.
- ²⁷⁵ *Буняковский В.В.* Служба безопасности войск, с. 108–109.
- ²⁷⁶ *К-ъ. А. (Азиатикус).* Разведка во время русско-японской войны. — В сер.: Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1907, вып. XII, с. 57.
- ²⁷⁷ *Керсновский А.А.* История русской армии, т. 3, с. 63.
- ²⁷⁸ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю, с. 182.
- ²⁷⁹ РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 432, л. 23–23об. Указания Куропаткина начальникам частей и подразделений, Мукден, 6 (19) сентября 1904 г.
- ²⁸⁰ Сводка тактических указаний в войну 1904–1905 гг., с. 254.
- ²⁸¹ Там же, с. 271. Приказ начальника Восточного отряда генерал-лейтенанта Келлера № 84, 11 (14) июня 1904 г.
- ²⁸² *Свегин А.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг., с. 14.
- ²⁸³ *Грулев М.* В штабах и на полях Дальнего Востока, с. 197.
- ²⁸⁴ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 53; *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 1, с. 197; *Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов, с. 244.
- ²⁸⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...; *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 73.
- ²⁸⁶ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю, с. 201.
- ²⁸⁷ *Деревянко И.В.* Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг. // Военно-исторический журнал, 1989, № 5, с. 78.
- ²⁸⁸ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 71–71об. Инструкция генерал-квартирмейстера штаба командующего генерал-майора Харкевича начальникам штабов корпусов, Мукден, 4 (17) сентября 1904 г.
- ²⁸⁹ Reports of Military Observers Attached to the Armies in Manchuria During the Russo-Japanese War. Washington, 1906, p. 1, p. 11. Report No 1 by Captain Peyton C. March, July 17 (30) 1904.
- ²⁹⁰ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...
- ²⁹¹ *Ермагенко И.О.* «В борьбе с какой-то азиатской дрянью...» Шпиономания в годы русско-японской войны // *Родина*, 2004, № 1, с. 77.
- ²⁹² РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...
- ²⁹³ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 104–105.
- ²⁹⁴ *Greener W.* A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905, p. 45.
- ²⁹⁵ *Схиммельпенник Д.* Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте, с. 37.

²⁹⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ *Измestъев П.И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910, с. 11; Тайны русско-японской войны, с. 153.

²⁹⁹ Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998, с. 208.

³⁰⁰ Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг., с. 188.

³⁰¹ РГВИА, ф. ВУА, д. 29056, л. 12. Приказ Куропаткина о переподчинении военных комиссаров трех провинций Маньчжурии и военных агентов в Китае, д. Чанся-мутунь, 26 ноября (9 декабря) 1904 г.

³⁰² Там же, д. 29085, л. 180; *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи, с. 181.

³⁰³ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1., л. 15–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...

³⁰⁴ Дневник императора Николая II, с. 215.

³⁰⁵ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 78.

³⁰⁶ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 79–80; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 157–158.

³⁰⁷ *Knight F.* Russia Fights Japan, p. 77.

³⁰⁸ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 970, л. 35. Ермолов — в Главный штаб, Лондон, 23 октября (5 ноября) 1904 г.

³⁰⁹ Там же, л. 33-40. Ермолов — Целебровскому, Лондон, 11 (24) ноября 1904 г.

³¹⁰ *Knight F.* Russia Fights Japan, p. 79; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 157–158.

³¹¹ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 79–81; *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция. — В кн.: Тайны русско-японской войны, с. 36–37; подробнее см.: *Беуцкий К., Павлов П.* Русский Рокамболь: приключения Манасевича–Мануйлова. Л., 1925.

³¹² *Лебедев В.* Разведка виновна менее всех...

³¹³ *Knight F.* Russia Fights Japan, p. 81, 83.

³¹⁴ РГВИА, ф. 440, оп. 1, д. 209, л. 221. Лазарев — в Главный штаб, Париж, 24 октября (6 ноября) 1904 г.

³¹⁵ *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 1, с. 216.

³¹⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 29006, л. 43. Лазарев — в Главный штаб, Париж, 21 марта (2 апреля) 1905 г.

³¹⁷ Цит. по: *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 1, с. 216.

³¹⁸ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 78–79.

³¹⁹ Там же, с. 79.

³²⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6554, л. 9–9об. Павлов — в МИД, Шанхай, 22 декабря 1904 г. (3 января 1905 г.).

³²¹ Там же, л. 26–29об. Записка разведывательного отделения штаба главнокомандующего «Политические и военные планы японцев», Мукден, 29 ноября (11 декабря) 1904 г.

³²² Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

³²³ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 6549, л. 79.

³²⁴ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 1–15об. Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии...; там же, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...; там же, л. 94–94об. Орановский — Страдецкому, Харбин, 30 июня (12 июля) 1905 г.

³²⁵ Там же, д. 29090, т. 2, л. 95–96об. Винекен — Орановскому, Годзядань, 8 (21) апреля 1905 г.

³²⁶ Подборка документальных источников по делу Х.М. Гидиса из фондов РГВИА сделана И.В. Деревянко, см.: Тайны русско-японской войны, с. 274–306.

³²⁷ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 96–97об. Харкевич — Огородникову, Годзядань, 3 (16) июня 1905 г.

³²⁸ Там же, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

³²⁹ Там же, ф. 487, оп. 1, д. 489. Орановский — Алексееву, ст. Годзядань, 21 июня (3 июля) 1905 г.

³³⁰ *Лебедев В.* Разведка виновна менее всех...

³³¹ Подробнее о секретной миссии Уланова — Ульянова в Тибет см.: Очерки истории российской внешней разведки, т. 1, с. 183–191.

³³² РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...; там же, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 171–172об. Выписка из объяснительных записок полковников Квещинского и Соковнина по поводу издания газеты на китайском языке, Харбин, 21 июня (4 июля) 1905 г.

³³³ Там же, д. 29050, л. 1–1об. Орановский — Квещинскому, Годзядань, 28 марта (10 апреля) 1905 г.

³³⁴ Там же, л. 2–3. Рапорт военного комиссара Мукденской провинции полковника Квещинского генерал-майору Орановскому, Циньшуйгоуцза, 3 (16) апреля 1905 г.; там же, л. 173–174. Харкевич — Линевичу, Харбин, 14 (27) июля 1905 г.; там же, д. 29093. л. 94–106. Отчет об издании газеты «Шенциньбао» на китайском языке за 1905 г.;

³³⁵ *Кравченко Н.* На войну! Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб., 1905, с. 19–20.

³³⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

³³⁷ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. СПб., 1907, с. 191–193.

³³⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 29054, л. 22–23. Мартсон — Харкевичу, д. Людяпуза, 6 (19) июля 1905 г.

³³⁹ Там же, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...; *Шановский И.К.* Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей русско-японской войны (1904–1905 гг.), с. 37–49.

³⁴⁰ *Маннергейм К.Г.* Мемуары. Пер. с фин. М., 1999, с. 25–26.

³⁴¹ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 28, л. 25–25об. Мартсон — Вр. и. д. начальника штаба 2-й кавалерийской бригады, 13 (26) июля 1905 г.; Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг., с. 189.

³⁴² Подробнее см.: *Шахновский И.К.* Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с. 82–96.

³⁴³ РГВИА, ф. 14390, оп. 2, д. 15, л. 314–314об. Надаров — Эверту, Харбин, 22 февраля (7 марта) 1905 г.

³⁴⁴ *Керсновский А.А.* История русской армии, т. 3, с. 77; *Greener W.* A Secret Agent in Port Arthur, p. 29.

³⁴⁵ РГВИА, ф. 14390, оп. 2, д. 30, л. 181–182об. Мадритов — Соковнину, 22 июня (5 июля) 1905 г.

³⁴⁶ Там же, ф. ВУА, д. 31898, л. 93–94. Нечволодов — Андрееву, Никольск-Уссурийский, 21 марта (3 апреля) 1905 г.

³⁴⁷ Там же, л. 50–50об. Прошение корейских добровольцев Ким Ген Ери, Ни Син Хо, Тохан Си Ки, Ан Да Нери и др. на имя командующего войсками Приамурского военного округа, Хабаровск, 1905 г.

³⁴⁸ Там же, д. 31903, л. 20–22об, 25. Служебная переписка разведывательного отделения штаба Приамурского военного округа по организации партизанских отрядов, Хабаровск, июнь 1905 г.

³⁴⁹ Там же, л. 31–32. Проект организации 3-го партизанского отряда, Хабаровск, 1 (14) июня 1905 г.

³⁵⁰ Там же, л. 67–68. Рапорт капитана Томилина об организации партизанского движения в Приморской области, Хабаровск, 27 июня (10 июля) 1905 г.; там же, ф. 487, оп. 1, д. 432, л. 69–69об. Генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа генерал-майор Марданов — начальнику Приморской местной бригады, Хабаровск, 10 (23) июля 1905 г.

³⁵¹ Там же, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 1–65. Донесения штабс-капитана Бирюкова начальнику штаба передового отряда в Корее полковнику Карульскому, июнь – август 1905 г.

³⁵² Там же, д. 916, л. 1–25об. Записка об обороне острова Сахалин начальника местных войск генерал-лейтенанта Ляпунова, 1905 г.; Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. Пер. с англ. СПб., 1908, т. 2, с. 177–202.

³⁵³ РГВИА, ф. ВУА, д. 29055, л. 87–88. Инструкция господам офицерам Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи для производства разведок и сбора статистических сведений о Маньчжурии. Харбин, 1905 г.

³⁵⁴ Там же, д. 29548, л. 115–118об. Инструкция для борьбы со шпионами в районе тыла маньчжурских армий, Харбин, 14 (27) августа 1905 г.

³⁵⁵ Там же, ф. 14390, оп. 2, д. 15, л. 362–365. Чичагов — Надарову, Харбин, 6 (19) марта 1905 г.

³⁵⁶ *Шахновский И.К.* Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с. 50–68.

³⁵⁷ См.: *Ганин А.* «Зажглась кровавая заря...» Оренбургские казаки на сопках Маньчжурии // *Родина*, 2004, № 1, с. 71.

³⁵⁸ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1647, л. 122–123. Докладная записка капитана Одицова генерал-майору В.А. Орановскому «О формировании партизанских отрядов из китайцев», 29 июня (12 июля) 1905 г.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 123–124об. Орановский — Харкевичу, ст. Годзядань, 21 января (3 февраля) 1905 г.

³⁶¹ Ухат-Огоровиг Н.А. Маньчжурский театр военных действий, с. 69–74.

³⁶² Иммануэль Ф. Русско-японская война в военном и политическом отношениях. Пер. с нем. СПб., 1906, вып. 2, с. 83.

³⁶³ РГВИА, ф. 14390, оп. 2, д. 26, л. 237–238об., 803–809. Приказы Линевица по туземным сотням №№ 760, 940, 1054 от 14 (27) мая, 5 (18) и 16 (29) июня 1905 г.

³⁶⁴ Алексеев Я. В Маньчжурии. Заметки. — В кн.: В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Сборник очерков, рассказов и воспоминаний / Ред. М.Н. Левитский. Одесса, 1910, с. 316.

³⁶⁵ РГВИА, ф. 14378, оп. 2, д. 1. Оперативные сводки о стычках с отрядами хунхузов в тылу маньчжурских армий, январь – август 1905 г.

³⁶⁶ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

³⁶⁷ Там же, ф. 14926, оп. 1, д. 22, л. 131–132. Прошение купца 1-й гильдии Тифон-тая на имя Орановского, ст. Куанченцзы, 16 (29) мая 1905 г.

³⁶⁸ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...; там же, л. 108–111. Отчет штабс-капитана Блонского об организации тайной разведки при помощи китайских агентов за период с февраля по сентябрь 1905 г.

³⁶⁹ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 1647, л. 122–123. Докладная записка капитана Одицова генерал-майору В.А. Орановскому «О формировании партизанских отрядов из китайцев», 29 июня (12 июля) 1905 г.

³⁷⁰ Там же, ф. 14390, оп. 2, д. 26, л. 448–448об. Рапорт старшины Алтухова в разведывательное отделение штаба тыла маньчжурских армий, Харбин, 8 (21) июля 1905 г.

³⁷¹ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 108–111. Отчет штабс-капитана Блонского об организации тайной разведки при помощи китайских агентов за период с февраля по сентябрь 1905 г.

³⁷² Там же, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Там же, л. 108–111. Отчет штабс-капитана Блонского об организации тайной разведки при помощи китайских агентов за период с февраля по сентябрь 1905 г.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории, 2002, № 1, с. 66–67.

³⁸⁰ Там же, с. 73.

³⁸¹ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 163.

³⁸² РГВИА, ф. ВУА, д. 29085, л. 180; список кадровых перемещений, хотя и в неполном виде, приведем в кн.: Кравцев И.Н. Тайные службы империи, с. 181.

³⁸³ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 346–347, 352. Приложение к отчету — рапорты М.В. Алексева в штаб главнокомандующего с предложением по организации разведки, 2 (15) декабря 1904 г., 10 (23) февраля 1905 г.

- ³⁸⁴ Там же, с. 160.
- ³⁸⁵ Там же, с. 161.
- ³⁸⁶ Там же, с. 162.
- ³⁸⁷ Там же, с. 348–350, 351. Приложения к отчету — ведомости задач лазутчиков, декабрь 1904 г. — сентябрь 1905 г.
- ³⁸⁸ Там же, с. 164, 168–169.
- ³⁸⁹ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 60.
- ³⁹⁰ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 169–170.
- ³⁹¹ Там же, с. 165.
- ³⁹² Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 1-й Маньчжурской армии с 26 октября (8 ноября) 1904 по 1 (14) сентября 1905 г. Приложение к отчету командующего 1-й Маньчжурской армии. М., 1906.
- ³⁹³ *Изместьев П. И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию, с. 9.
- ³⁹⁴ *Звонарев К. К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 64.
- ³⁹⁵ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 26, л. 3–6об., 13–14. Отчет разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 2-й Маньчжурской армии с октября 1904 г. по 1 (14) сентября 1905 г.
- ³⁹⁶ Там же, л. 13.
- ³⁹⁷ *Изместьев П.И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию, с. 13.
- ³⁹⁸ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 26, л. 21. Отчет разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 2-й Маньчжурской армии...
- ³⁹⁹ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...
- ⁴⁰⁰ Там же, ф. 14390, оп. 2, д. 29, л. 108–108об, 116. Инструкция окружным помощникам российского военного комиссара Гириной провинции; Инструкция военным приставам Гириной провинции. Гирин, август 1905 г.
- ⁴⁰¹ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...
- ⁴⁰² *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 57.
- ⁴⁰³ Там же, с. 59.
- ⁴⁰⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 29093, л. 85об. — 87. Отчет о деятельности мукденского военного комиссара Генерального штаба полковника Квецинского, октябрь 1905 г.
- ⁴⁰⁵ Там же, ф. 14378, оп. 2, д. 14, л. 2–4об. Квецинский — военному приставу Хайлунчена поручику Пиндину, ст. Гунчжулинь, 10 (23 сентября) 1905 г.
- ⁴⁰⁶ Там же, ф. ВУА, д. 29093, л. 85об. — 87. Отчет о деятельности мукденского военного комиссара Генерального штаба полковника Квецинского..., л. 89.
- ⁴⁰⁷ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 57–58. Впрочем, констатация позитивных итогов воздействия русской разведки на ситуацию, представленная Звонаревым на этих страницах, резко контрастирует с массой критических замечаний и просто неподтвержденных обвинений в адрес штабов всех уровней и военных комиссаров, помещенных им же в других местах первой части его исследования. Чего стоит, например, такой пассаж автора на с. 75: «Разведывательная деятельность военного комиссара совершенно не связывалась с разведывательной деятельностью штабов армий.

Комиссар (имеется в виду Квевцинский. — Е. С.) не знал районов и целей разведки армий, а штабы армий не были посвящены в деятельность комиссара».

⁴⁰⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 29053, л. 1–1об. Орановский — Квевцинскому, ст. Годзядань, 28 марта (10 апреля) 1905 г.

⁴⁰⁹ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 76.

⁴¹⁰ РГВИА, ф. ВУА, д. 29093, л. 77–78. Отчет о деятельности мукденского военного комиссара Генерального штаба полковника Квевцинского...

⁴¹¹ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 173; Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 76. В одной из современных работ говорится о том, что всего с апреля по сентябрь 1905 г. русские разведывательные школы подготовили 600 китайцев-разведчиков. Однако точность этой цифры не подтверждается изученными нами источниками и поэтому остается на совести автора. Подробнее см.: Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов, с. 292.

⁴¹² РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

⁴¹³ Алексеев М. Военная разведка России, кн. 1, с. 199.

⁴¹⁴ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 68.

⁴¹⁵ Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 1-й Маньчжурской армии. Приложение к отчету командующего 1-й Маньчжурской армии. Рапорт временно исполняющего должность начальника штаба 1-го армейского корпуса полковника Стаховича в разведывательное отделение штаба 1-й Маньчжурской армии, д. Сяцзинтунь, 9 (22) сентября 1905 г.

⁴¹⁶ Звонарев К. К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 68.

⁴¹⁷ Там же, с. 69.

⁴¹⁸ Там же, с. 69–70.

⁴¹⁹ Там же, с. 71–72.

⁴²⁰ Там же, с. 66.

⁴²¹ Там же, с. 66–67.

⁴²² Там же, с. 67.

⁴²³ Там же, с. 72.

⁴²⁴ Там же, с. 72–73.

⁴²⁵ Рябинин А.А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии, с. 144–145.

⁴²⁶ Сводка тактических указаний в войну 1904–1905 гг., с. 473.

⁴²⁷ Там же, с. 609–610.

⁴²⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...; Алексеев М. Военная разведка России, кн. 1, с. 198.

⁴²⁹ Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 1-й Маньчжурской армии, с. 42–43.

⁴³⁰ Любичкий А. Воспоминания из русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1906. с. 29–38

⁴³¹ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 177.

⁴³² РГВИА, ф. ВУА, д. 29058, л. 11–12об. Харкевич — Скугаревскому, ст. Годзядань, 7 (20) августа 1905 г.

- ⁴³³ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 54.
- ⁴³⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...
- ⁴³⁵ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 53.
- ⁴³⁶ Там же, с. 54.
- ⁴³⁷ Косматов А. С оровайцами. Воспоминания топографа о русско-японской войне 1904–1905 гг. — В кн.: В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин, с. 425.
- ⁴³⁸ Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии, т. 3, с. 106.
- ⁴³⁹ Из истории разведывательной деятельности Японии и России. Лекция полковника британского Военного министерства Дж.Э. Холдейна, март 1909 г. / Публ. С. Добсон. Пер. с англ. // Исторический архив, 1997, № 1, с. 165.
- ⁴⁴⁰ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 214.
- ⁴⁴¹ Скосаревский А. Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну. Психологический этюд. СПб., 1911, с. 18–19.
- ⁴⁴² Далецкий П. На сопках Маньчжурии, кн. 1, с. 107.
- ⁴⁴³ Алексеев М. Военная разведка России, кн. 1, с. 201–202.
- ⁴⁴⁴ Баженов П.Н. Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца, с. 236, 248.
- ⁴⁴⁵ Гершельман Ф.К. Конница в японской войне и в былое время, с. 64.
- ⁴⁴⁶ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 217–218.
- ⁴⁴⁷ Р. Е. Воздушные шары в полевой войне // Летопись войны с Японией, 1904, № 24, с. 447–448.
- ⁴⁴⁸ Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, с. 217; Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.), с. 23; Теттау Э. 18 месяцев с русскими войсками в Маньчжурии. Пер. с нем. СПб., 1908, с. 156–157.
- ⁴⁴⁹ Инаба Ч. Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905), с. 224–225.
- ⁴⁵⁰ Бужаков А. «Предмет детального изучения»..., с. 92.
- ⁴⁵¹ РГВИА, ф. ВУА, д. 31903, л. 17. Гревс — в штаб Приамурского военного округа, Владивосток, 14 (27) июня 1905 г.
- ⁴⁵² Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 147.
- ⁴⁵³ Подробнее см.: Трусов Г.М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963, с. 131–133.
- ⁴⁵⁴ Там же, с. 136; Ризниг. О подводном плавании. СПб., 1908, с. 50, 88.
- ⁴⁵⁵ Б-ов А. Причины поражения адмирала Рожественского // Летопись войны с Японией, 1905, № 62, с. 1264–1265.
- ⁴⁵⁶ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 142–143.
- ⁴⁵⁷ Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы / Сост. И.В. Деревянко. — В кн.: Тайны русской японской войны, с. 153.
- ⁴⁵⁸ Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии, с. 10.

⁴⁵⁹ Там же, с. 64. Бринкен — в штаб 1-й Маньчжурской армии, д. Эрдахоза, 4 (17) октября 1905 г.

⁴⁶⁰ Там же, с. 65. Туманов — в Управление генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии, д. Дагудядза, 7 (20) сентября 1905 г.

⁴⁶¹ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же, ф. 14378, оп. 1, д. 123, л. 4–8об., 159–232, 233–347. Сводки сведений о противнике с 25 марта (7 апреля) 1904 г. по 31 августа (13 сентября) 1905 г.

⁴⁶⁶ Там же, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю, с. 176.

⁴⁶⁹ *Каульбарс А.В.* 2-я армия под Мукденом. По поводу т. III сочинения генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина «Сражение под Мукденом». Одесса, 1908, ч. 1, с. 38; *Баженов П.Н.* Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца, с. 243–288.

⁴⁷⁰ РГВИА, ф. 14926, оп. 1, д. 26, л. 9об.–10. Отчет разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 2-й Маньчжурской армии; ф. ВУА, д. 10243, л. 1–616. Журналы разведывательного отделения 2-й Маньчжурской армии, 1905 г.

⁴⁷¹ *Игнатъев А.В. С.Ю. Витте* — дипломат. М., 1989, с. 196.

⁴⁷² *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 573–574.

⁴⁷³ Цит. по: *Игнатъев А.В. С.Ю. Витте* — дипломат, с. 212.

⁴⁷⁴ *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000, с. 41.

⁴⁷⁵ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Ленинград, 1925, с. 96; *Рерберг Ф.П.* Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг. и члена Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Александрия — Мадрид, 1925–1967, с. 351–352.

⁴⁷⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 29055, л. 50. Рапорт представителя штаба тыла при отделе уполномоченного по сношению с китайскими властями подъяесаула Салло на имя начальника штаба тыла маньчжурских армий, Харбин, 29 мая (11 июня) 1905 г.

⁴⁷⁷ Цит. по: *Айрапетов О.* Бесшабашная бестолочь. Армия, общество и «колониальная война», с. 55.

⁴⁷⁸ *Любичкий А.* Воспоминания из русско-японской войны 1904–1905 гг., с. 230–231.

⁴⁷⁹ РГВИА, ф. ВУА, д. 29076, л. 217–218. Россов — начальнику штаба командующего войсками на Дальнем Востоке, Инкоу, 28 марта (12 апреля) 1906 г.

⁴⁸⁰ *Керсновский А.А.* История русской армии, т. 3, с. 83.

⁴⁸¹ Дневник императора Николая II, с. 230.

⁴⁸² РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7000, л. 68. Отчет о состоянии Японии штабс-капитана 11-го Восточно-Сибирского полка В.В. Блонского, Харбин, 15 (28) августа 1906 г.

⁴⁸³ *Кряжев Ю.Н.* Военно-политическая деятельность царя Николая II в период 1904–1914 гг. Курган, 2000, с. 105.

⁴⁸⁴ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Опыт войны показал серьезные недостатки в методике составления и использования русско-японских и японо-русских словарей, где слова и фразы передавались не иероглифами и азбукой, а кириллицей.

⁴⁸⁷ РГВИА, ф. ВУА, д. 29090, т. 1, л. 16–56об. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем...

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ *Доливо-Добровольский Б.* Разведочная служба флота и ее организация // Морской сборник, 1904, № 1. с. 1–14.

⁴⁹⁰ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 187–190.

⁴⁹¹ *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг., с. 109.

⁴⁹² Цит. по: *Звонарев К.К.* Агентурная разведка, кн. 1, с. 89.

⁴⁹³ Там же, с. 86–88.

⁴⁹⁴ *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 2, с. 36–37.

⁴⁹⁵ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 695, л. 44–53об. Отчет об организации и деятельности за 1903 г. разведочного отделения Главного штаба, Санкт-Петербург, 11 (24) декабря 1903 г. Примечательно, что параллельно при Департаменте полиции МВД действовало отделение «по разведке военного шпионажа» во главе с ротмистром Комиссаровым, который, однако, не сумел достичь взаимопонимания с военными. После образования ГУГШ была упразднена сначала служба Лаврова, а спустя год — отделение Комиссарова. Подробнее см.: *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 2, с. 48–50; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг., с. 109–110.

⁴⁹⁶ *Шелухин А.Ю.* Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX в., с. 19–20; *Кирмель Н.С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1917 гг.) // Автореф. дисс. ... к. и. н. Иркутск, 1999, с. 15; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг., с. 110–141.

⁴⁹⁷ *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал, 1972, № 7, с. 87.

⁴⁹⁸ Там же, с. 89.

⁴⁹⁹ *Сергеев Е.Ю., Улуян А.А.* Не подлежит оглашению, с. 25.

⁵⁰⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4410, л. 3–3об. Схема закрепления за военными округами государств наблюдения, 1906 г.; *Алексеев М.* Военная разведка России, кн. 2, с. 175.

⁵⁰¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4410, л. 106–114об. Инструкция военным агентам и лицам, их заменяющим. Утверждена военным министром В. А. Сухомлиновым 5 (18) августа 1912 г.; подробнее см.: *Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Не подлежит оглашению, с. 41–42.

⁵⁰² *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг., с. 125.

⁵⁰³ РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 70–70об. Инструкция разведывательного отделения штаба главнокомандующего, 11 (24) сентября 1905 г.

- ⁵⁰⁴ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 95.
- ⁵⁰⁵ Там же, с. 175–178.
- ⁵⁰⁶ Там же, с. 179.
- ⁵⁰⁷ Подробнее см.: Маннергейм К.Г. Мемуары, с. 30–44.
- ⁵⁰⁸ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 150–151.
- ⁵⁰⁹ Там же, с. 146.
- ⁵¹⁰ Там же, с. 149–150.
- ⁵¹¹ Там же, с. 147–148.
- ⁵¹² Подробнее см.: Алексеев М. Военная разведка России, кн. 2, с. 256–258.
- ⁵¹³ РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 2, л. 1. Проект реорганизации разведывательной службы после русско-японской войны, 1906 г.
- ⁵¹⁴ Там же.
- ⁵¹⁵ Там же, л. 5–12.
- ⁵¹⁶ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 6761, л. 6. Пояснительная записка полковника Адабаша к проекту сметы на 1907–1909 гг., Санкт-Петербург, 22 ноября (5 декабря) 1906 г.
- ⁵¹⁷ Там же, д. 110, л. 316. Смета расходов по ГУГШ на 1909 г., Санкт-Петербург, 1908 г.; там же, д. 7516, л. 1. Положение о порядке ассигнования и отчетности по суммам, отпускаемым на секретные расходы, Санкт-Петербург, 10 (23) августа 1912 г.; там же, л. 5–6об. Высочайше утвержденный проект расходного расписания на 1914 г. по ст. 1 § 5 сметы ГУГШ, Санкт-Петербург, 8 (21) января 1914 г.
- ⁵¹⁸ Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX в., с. 25–26.
- ⁵¹⁹ Цит. по: Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 97.
- ⁵²⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4289, л. 1. Доклад по Главному управлению Генерального штаба за 1909 г., Санкт-Петербург, 28 января (10 февраля) 1910 г.
- ⁵²¹ Кавтарадзе А.Г. Из истории русского Генерального штаба, с. 84; Алексеев М. Военная разведка России, кн. 2, с. 280–281.
- ⁵²² Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Не подлежит оглашению, с. 28–29.
- ⁵²³ Алексеев М. Военная разведка России, кн. 2, с. 83.
- ⁵²⁴ Там же, с. 84.
- ⁵²⁵ Там же.
- ⁵²⁶ Буяков А. «Предмет детального изучения...», с. 93.
- ⁵²⁷ Алексеев М. Военная разведка России, кн. 2, с. 84.
- ⁵²⁸ Маннергейм К.Г. Мемуары, с. 48.
- ⁵²⁹ Цит. по: Буяков А. «Предмет детального изучения», с. 92.
- ⁵³⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6549, л. 144–144об. Харкевич — Палицыну, ст. Годзядань, 24 октября (6 ноября) 1905 г.
- ⁵³¹ Из истории разведывательной деятельности Японии и России. Лекция полковника британского военного министерства Дж. Холдейна, с. 165.
- ⁵³² Японский шпионаж в царской России. Сб. документов / Сост. И. Никитинский. М., 1944, с. 4.
- ⁵³³ McCully, Newton A. The McCully Report. The Russo-Japanese War, 1904–1905. Annapolis, 1977, p. 172.
- ⁵³⁴ Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг., с. 324.
- ⁵³⁵ Звонарев К.К. Агентурная разведка, кн. 1, с. 81; Керсновский А.А. История русской армии, т. 3, с. 106.

⁵³⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999, т. 1, с. 158.

⁵³⁷ Knight F. Russia Fights Japan, p. 9.

⁵³⁸ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю, с. 176.

⁵³⁹ Иммануэль Ф. Русско-японская война в военном и политическом отношениях, вып. 4, с. 110.

⁵⁴⁰ Цит. по: Schimmelpenninck D. Reforming Military Intelligence. — In: D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning, eds. Reforming the Tsar's Army. Cambridge, 2004, p. 150.

Источники и избранная библиография

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф. 76. Косаговский В.А.
- Ф. 165. Куропаткин А.Н.
- Ф. 451. Япония.
- Ф. 487. Русско-японская война 1904–1905 гг.
- Ф. 400. Оп. 4. Военно-статистический отдел Управления 2-го обер-квартирмейстера Генерального штаба.
- Ф. 1558. Штаб Приамурского военного округа.
- Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ).
- Ф. 13057. Полевой штаб Маньчжурской армии.
- Ф. 14378. Управление военного комиссара Мукденской провинции.
- Ф. 14390. Штаб тыла войск Дальнего Востока.
- Ф. 14926. Штаб войск Дальнего Востока.
- Ф. Коллекция Военно-Ученого архива (ВУА).

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ)

- Ф. 32. Алексеев Е.И.
- Ф. 417. Главный Морской штаб.

Опубликованные источники

Официальные отчеты, сообщения и служебная переписка

Из истории разведывательной деятельности Японии и России. Лекция полковника британского военного министерства Дж. Холдейна, март 1909 г. / Публ. С. Добсон // Исторический архив, 1997, № 1.

- Из предыстории русско-японской войны. Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) / Публ. В.А. Петров // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6.
- Маньчжурия. Географический очерк с картой / Сост. К. Линда. СПб., 1900.
- Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии, собранные офицерами Генштаба Приамурского военного округа в 1901 г. Хабаровск, 1902–1903, т. 1–2.
- Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. М., 1906.
- Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. СПб., 1907.
- «Предмет детального изучения...» / Публ. А. Буяков // Морской сборник, 1995, № 3.
- Русско-японская война. Официальные донесения японских командующих сухопутными и морскими силами / Сост. М. Кинай. Пер. с англ. СПб., 1908–1909, т. 1–2.
- Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба / Ред. А.К. Байов. СПб., 1906–1907, ч. 1–2.
- Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны / Ред. В.И. Гурко. СПб., 1910–1914 гг., т. 1–8.
- Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. СПб., 1907–1914, отд. I–IV.
- Русско-японская война. Сборник материалов / Сост. П.Ф. Яровой. Л., 1933.
- Сводка тактических указаний, данных начальниками в войну 1904–1905 гг. СПб., 1906.
- Сводки сведений о противнике, 1904–1905 гг. Харбин, 1905, т. 1–2.
- Тайны русско-японской войны. Японские деньги и русская революция / Публ. Д.Б. Павлов, С.А. Петров. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. / Публ. И.В. Деревянко. М., 1993.
- Японский шпионаж в России периода русско-японской войны / Публ. Е. Кругиной // Шпион, 1994, № 3 (5)
- Японский шпионаж в царской России. Сб. документов / Публ. И. Никитинский М., 1944.
- United States. War Department. Office of the Chief of Staff. Reports of Military Observers Attached to the Armies in Manchuria During the Russo-Japanese War. Washington, 1906–1907.

Дневники, записные книжки, мемуары, переписка

- Азиатикус. Разведка во время русско-японской войны. Пер. с англ. — В сер.: Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1907, вып. 12.
- Анигков Д.И. Пять недель в отряде генерала Мищенко. СПб., 1907.
- Баженов П.Н. Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца — участника войны. СПб., 1911.
- Буниг И.Л. Долгая дорога на Голгофу. Воспоминания. Историческая хроника. СПб., 2000.
- В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Сборник очерков, рассказов и воспоминаний военных топографов / Ред. М.Н. Левитский. Одесса, 1910.

- Верцинский Э.А. Усиленная разведка частей 1-го Сибирского корпуса (в долине реки Сидалихэ). СПб., 1907.
- Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2.
- Витте С.Ю. Избранные воспоминания (1849–1911). М., 1991.
- Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания. 1852–1939. Берлин, 1939.
- Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Пер. с англ. СПб., 1907.
- Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. СПб., 1908.
- Дневники императора Николая II. 1890–1916. М., 1991.
- Дружинин К. Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца. СПб., 1909.
- Дьяков Н.А. В Маньчжурии с сибирскими стрелками. СПб., 1906.
- Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1998.
- Измествев П.И. О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910.
- Иммануэль Ф. Русско-японская война в военном и политическом отношении. Пер. с нем. СПб., 1906, вып. 1–4.
- Кан Р. Из вражеского стана. Пер. с франц. СПб., 1905.
- Каульбарс А.В. 2-я армия под Мукденом. По поводу т. III сочинения генерал-адъютанта Куропаткина «Сражение под Мукденом». Одесса, 1908, ч. 1–2.
- Козлов В.Д. В тылу у японцев. Очерки. СПб., 1904.
- Кравченко Н. На войну! Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб., 1905.
- Куропаткин А.Н. Дневник. Б/м, 1923.
- Куропаткин А.Н. Записки о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909 (2-е изд. М., 2003).
- Куропаткин А.Н., Линевич Н.П. Русско-японская война. Из дневников. Л., 1925.
- Любицкий А.В. Воспоминания из русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1906.
- Маннергейм К.Г. Мемуары. Пер. с фин. М., 1999.
- Мартынов Е.И. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910.
- Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906.
- Незнамов А.А. Из опыта русско-японской войны. СПб., 1906.
- Нодо Л. Письма о войне с Японией. Пер. с франц. СПб., 1906.
- Оболенский В.В. Записки о войне офицера запаса. М., 1912.
- Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны / Сост. А. Агеев // Военно-исторический журнал, 1975, № 8.
- Парский Д.П. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). СПб., 1906.
- Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924, т. 1.
- Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999, т. 1.
- Рерберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Мадрид, 1967.
- Рэкули Р. Десять месяцев на японо-русской войне 1904–1905 гг. Пер. с англ. СПб., 1907.
- Русин А.И. Из предыстории русско-японской войны // Русское прошлое. СПб., 1996, кн. 6.

- Рябинин А.А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса, 1909.
- Свегин А.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Ораниенбаум, 1910.
- Свегин А.А. Тактические уроки русско-японской войны. СПб., 1912.
- Скосаревский А. Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну (психологический этюд). СПб., 1911.
- Соболев Л.Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб., 1910.
- Тетмай Э. Восемнадцать месяцев с русскими войсками в Маньчжурии. Пер. с нем. СПб., 1908.
- Тьедер М. На подводной лодке. Из дневника участника минувшей войны. М., 1912.
- Ухач-Огорович Н.А. Маньчжурский театр военных действий в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Киев, 1911.
- Шахновский И.К. Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб., 1906.
- Японские дневники А.Н. Куропаткина / Публ. Е.Ю. Сергеев, И.В. Карнеев // Российский архив, 1995, т. 6.
- Greener W. A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905.
- McCully N.A. The McCully Report. The Russo-Japanese War, 1904–1905. Annapolis, 1977.

Материалы периодической печати

- Военный сборник, 1900–1905.
- Летопись войны с Японией, 1904–1905.
- Морской сборник, 1900–1905.
- Разведчик, 1900–1905.
- Русский инвалид, 1900–1905.

Исследовательская литература

- Айрапетов О.Р. Бесшабашная бестолочь. Армия, общество и «колониальная война» / Родина, 2004, № 1.
- Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории, 2002, № 1.
- Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998, кн. 1–2.
- Алепко А.В. Японская разведка на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М., 1997, кн. 2.
- Балакин В.И. Причины и последствия русско-японской войны 1904–1905 гг. // Новая и новейшая история, 2004, № 6.
- Болховитинов Л.М. Очерк развития японской армии в 1904–1909 гг. СПб., 1909.
- Буняковский В.В. Служба безопасности войск. Охранение и разведывание по опыту и с примерами из русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1909.
- Введенский А.И. Дальневосточная война с философской точки зрения. Троице-Сергиев, 1905.

- Виноградский А.Н. История русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1908, вып. 1–4.
- Вотинов А.П. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939.
- Ганин А. «Зажглась кровавая заря...» Оренбургские казаки на сопках Маньчжурии // Родина, 2004, № 1.
- Гершельман Ф.К. Конница в японскую войну и в былое время. СПб., 1912.
- Глушков В.В., Шаравин А.А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000.
- Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
- Греков Н.В. «А как же следить за японцами, господа?» Наблюдения за передвижением иностранцев по Транссибу в 1906–1910 гг. // Родина, 2004, № 1.
- Данилов Н.А. История развития военного управления в России // Столетие Военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902, т. 1, кн. 1.
- Деревянко И.В. Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг. // Военно-исторический журнал, 1989, № 5.
- Добыгина Е.В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. (1898–1901 гг.) // Вопросы истории, 1999, № 10.
- Добыгина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 гг. // Отечественная история, 2000, № 4.
- Доливо-Добровольский Б.И. Разведочная служба во флоте и ее организация // Морской сборник, 1904, № 1.
- Дроздова Э.А. Образ Японии и японцев в русско-японскую войну 1904–1905 гг. (по материалам дальневосточной периодики и архивным фондам Приамурского генерал-губернаторства) // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1998.
- Ермагенов И.О. «В борьбе с какой-то азиатской дрянью...» Шпиономания в годы русско-японской войны // Родина, 2004, № 1.
- Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 1929–1931, кн. 1–2; 2-е изд. М., 2003, кн. 1–2.
- Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990.
- Игнатъев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989.
- Инаба Ч. Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.). Международная телеграфная связь и перехват противником. Пер. с япон. // Отечественная история, 1994, № 4–5
- История русско-японской войны / Ред. И.И. Ростунов. М., 1977.
- Кавтарадзе А.Г. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал, 1972, № 7.
- Каширин В. «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // Родина, 2004, № 1.
- Келле Э. Подводные лодки России в 1904–1905 гг. // Морской сборник, 1934, №№ 11, 13.
- Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994, т. 3.
- Клембовский В.Н. Тайные разведки (военное шпионство). СПб., 1892.
- Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. М., 2000, кн. 1.

- Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999.
- Кряжев Ю.Н.* Военно-политическая деятельность царя Николая II в период 1904–1914 гг. Курган, 2000.
- Лебедев В.* Разведка виновна менее всех... О малоизученных уроках и опыте русско-японской войны 1904–1905 гг. // Независимая газета. Военное обозрение, 2002, № 41.
- Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938.
- Лугинин В.В.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1940.
- Макаров И.С.* О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.) // Многоликая история. М., 1997, с. 202–220.
- Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. Пг., 1916.
- Матковский А.Ф.* Разведывательная деятельность конницы и взгляды на нее в России, Германии и Франции. СПб., 1910.
- Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1998.
- Очерки истории российской внешней разведки / Ред. *Е.М. Примаков*. М., 1995, т. 1.
- Павлов Д.Б.* Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история, 1996, № 1.
- Павлович М.А.* Русско-японская война. СПб., 1905.
- Петров В.* Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917 гг.) // Знакомьтесь – Япония, 1998, № 19.
- Подалко П.Э.* Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Япония. Ежегодник, 2001–2002 гг. М., 2002.
- Ризинг.* О подводном плавании. Пер. с нем. СПб., 1908.
- Роллэн.* Военно-разведывательная служба в мирное и военное время. Пер. с франц. СПб., 1909.
- Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М., 1955.
- Рюдеваль Р.* Разведка и шпионаж // Военное дело за границей, Варшава, 1911, № 27.
- Рябиков П.Ф.* Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск, 1919, т. 1.
- Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897–1903 гг. М., 1998.
- Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // Отечественная история, 2004, № 3.
- Сергеев Е.Ю.* Разведка России в начальный период войны против Японии, 1904–1905 гг. // Новая и новейшая история, 2005, № 1.
- Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. М., 1999 (2-е изд. М., 2003).
- Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-исторический очерк. М., 1956.
- Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте // Родина, 2004, № 1.
- Трусов Г.М.* Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963.
- Фалиго Р., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб. Пер. с фран. М., 1997. Т. 1.
- Хвостов А.* Русский Китай: наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы, 1902, № 10, 11.
- Черемисов В.* Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1909.

- Шаццлло В.К., Шаццлло Л.А. Русско-японская война. 1904–1905. Факты. Документы. М., 2004.
- Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914 гг.) // Вестник МГУ, сер. 8. История, 1996, № 3.
- Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2000.
- Asakawa K. The Russo-Japanese Conflict. Its Causes and Issues. Westminster, 1904.
- Behrman M. Hinter den Kulissen des mandschurischen Kriegstheaters. Berlin, 1905.
- Brunker H. Story of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London, 1909.
- Connaughton R. The War of the Rising Sun and Thumbing Bear: A Military History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London – New York, 1988.
- Hoyt E. The Russo-Japanese War, 1904–1905. London, 1967.
- Knight F. Russia Fights Japan. London, 1969.
- McCormick F. The Tragedy of Russia in Pacific Asia. London, 1909, v. 1–2.
- Martin Ch. The Russo-Japanese War. London, 1967 (изд. на русск. яз. М., 2003).
- Menning B. Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992.
- Repington Ch. A'Court. The War in the Far East, 1904–1905. London, 1905.
- Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming Military Intelligence // Reforming the Tsar's Army / eds. D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning. Cambridge, 2004.
- Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–1905 // Intelligence and National Security, Jan. 1996, v. XI, no 1.
- Unger Fc. Russia and Japan, and A Complete History of the War in the Far East. Washington, 1906.
- Walder D. The Short Victorious War. The Russo-Japanese Conflict, 1904–1905. London, 1973.
- Warner D., Warner P. The Tide at Sunrise. A History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London, etc., 1974.
- Westwood J. Russia against Japan, 1904–1905. A New Look at the Russo-Japanese War. London, 1986.

Диссертации и авторефераты

- Добыгина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2003.
- Жукова Л.В. Идеологическое обоснование русско-японской войны в России. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1996.
- Кирмель Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1907 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск, 1999.
- Шелухин А.Ю. Русская военная разведка в начале XX века (1906–1914 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1997.
- Bilof E. The Imperial Russian General Staff and China in the Far East. Ph. D. Diss. Syracuse University, 1974.
- Schimmelpenninck van der Oye D. Ex Oriente Lux. Ideologies of Empire and Russia's Far East, 1895–1904. Diss. Ph. D. Yale University, 1997.

Иллюстративные и картографические материалы

Атлас мира. Азия (зарубежные страны). М., 1982.

Русско-японская война и ее герои. Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1904, вып. 1–6.

Русско-японская война на суше и на море. Художественный альбом с текстом. СПб., 1904, вып. 1–8.

Самокиш Н.С. 1904–1905. Война: из дневников художника. Альбом. СПб., б/г.

The Russo-Japanese War Fully Illustrated. Tokyo, 1904–1908, v. 1–8.

Художественные произведения

Акунин Б. Алмазная колесница. Роман. М., 2004, кн. 1–2.

Далецкий П. На сопках Маньчжурии. Роман. Л., 1954, т. 1–2.

Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников // *Куприн А.* Гранатовый браслет. Рассказы. М., 1998.

Пиккуль В. Три возраста Окини-сан. Роман. М., 1984.

Приложение

Список личного состава разведывательных органов русской армии в Маньчжурии (на период военных действий)

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
1. Полевой штаб Наместника на Дальнем Востоке			
Флуг В.Е.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Февраль – октябрь 1904	Общее руководство военной разведкой штаба Квантунской области
Разведывательное отделение			
Болховитинов Л.М.	Капитан ГШ, ст. адъютант штаба, штаб-офицер для поручений	28.01–3.03.1904, 3.03.1904–5.07.1906 ¹	Организация разведки в пределах Квантунской области
2. Штаб Маньчжурской армии			
Харкевич В.И.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Март – октябрь 1904	Общее руководство военной разведкой штаба армии
Эверт А.Е.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Октябрь 1904 – март 1905	То же
Разведывательное отделение			
Слесарев К.М.	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба	3.02–9.04.1904	Координация деятельности разведывательного отделения
Люпов С.Н.	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба	9.04–4.09.1904	То же
Линда К.П.	Подполковник, полковник ГШ, ст. адъютант штаба	4.09–26.10.1904	То же
Михайлов	Капитан ГШ, пом. ст. адъютанта штаба	12.02–26.10.1904	Обеспечение связи со штабами соединений по вопросам разведки, подготовка сводок разведанных

¹ Все даты в таблице даны по старому стилю.

Продолжение таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
Винекен А.Г.	Капитан, подполковник ГШ, пом. ст. адъютанта штаба	14.05–31.10.1904	То же
Косаговский В.А.	Генерал-майор ГШ	Апрель – ноябрь 1904	Координация всех видов разведки на ТВД
Потапов Алексей Степанович	Капитан, подполковник ГШ	Июнь 1904 – август 1905	Организация агентурной разведки в Корее
Панов	Подполковник ГШ	Июнь 1904 – август 1905	То же
Ромейко-Гурко В.И.	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений при главнокомандующем	12.02–26.10.1904	Выполнение специальных заданий командования армией
Вальтер Р.-К.Ф.	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений при главнокомандующем	1905–1906	То же
Нечволодов	Капитан 12-го Вост.-Сиб. стрелкового полка	Июнь 1904 – август 1905	То же
Одинцов С.И.	Штабс-капитан ГШ, обер-офицер для поручений при штабе 3-го Сибирского корпуса, обер-офицер для поручений при главнокомандующем	Июнь 1904 – 5.08.1905, 5.08.1905–19.08.1906	То же
Афанасьев С.В.	Штабс-капитан 18-го Вост.-Сиб. стрелкового полка (прикомандирован к штабу)	1904	То же
Россов П.	Штабс-капитан 20-го Вост.-Сиб. стрелкового полка (прикомандирован к штабу)	1904	То же
Цензурное отделение			
Игнатьев А.А.	Капитан ГШ, ст. адъютант штаба	13.05–24.11.1904	Контроль деятельности иностранных военных наблюдателей
Базаров П.А.	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же
3. Штаб Восточного отряда			
Кузьмин	Капитан 7-го Вост.-Сиб. стрелкового полка	Февраль – май 1904	Организация тактической и войсковой разведки в штабе отряда

Продолжение таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
4. Штаб отряда Мадритова			
Мадритов	Полковник	1904–1905	Организация кавалерийской разведки на левом фланге Маньчжурской армии
5. Штаб отряда Мищенко			
Мищенко П.И.	Генерал-майор	1904–1905	Проведение глубоких рейдов в тылу противника
6. Штаб Главнокомандующего (после формирования трех Маньчжурских армий)			
Эверт А.Е.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Октябрь 1904 – март 1905	Общее руководство военной разведкой штабов армий
Орановский В.А.	Генерал-майор ГШ, генерал квартирмейстер	Март 1905–1906	То же
Разведывательное отделение			
Линда К.П.	Полковник ГШ, ст. адъютант штаба	26.10.1904–10.03.1905	Координация деятельности разведывательного отделения
Винекен А.Г.	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба, штаб-офицер для поручений при главнокомандующем	24.03–5.08.1905, 5.08.1905–2.11.1906	То же
Игнатьев А.А.	Капитан ГШ, пом. ст. адъютанта штаба	24.11.1904–1.05.1905	Обеспечение связи со штабами соединений по вопросам разведки, подготовка сводок разведанных
Левандовский	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений	28.10.1904–11.03.1905	Выполнение специальных заданий Главнокомандования
Михайлов	Капитан ГШ, обер-офицер для поручений	26.10.1904–1905	Выполнение специальных заданий Главнокомандования
Геруа Б.В.	Капитан ГШ, обер-офицер для поручений	7.07.1905–2.01.1906	Выполнение специальных заданий Главнокомандования
Пеневский	Штабс-капитан	28.01 – май 1904	Организация агентурной разведки
Блонский В.В.	Штабс-капитан 11-го Вост.-Сиб. стрелкового полка	май 1904 – август 1905	Организация агентурной разведки

Продолжение таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
7. Штаб тыла Маньчжурских армий			
Добровольский	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	1904–1905	Координация разведки и контрразведки в тылу Маньчжурских армий
Панов	Подполковник, ст. адъютант штаба	1904–1905	Организация агентурной разведки
Управление военных сообщений			
Ухач-Огорович Н.А.	Генерал-майор ГШ, начальник транспортов	Февраль 1904 – июль 1905	Организация разведки на транспорте и агентурной сети, формирование охранных отрядов хунхузов и партизан
8. Штаб 1-й Маньчжурской армии			
Флуг В.Е.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Октябрь 1904 – январь 1905	Общее руководство разведывательной деятельностью штаба армии
Харкевич В.И.	Генерал-лейтенант ГШ, генерал-квартирмейстер	1905	То же
Разведывательное отделение			
Винекен А.Г.	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба	31.10.1904–24.03.1905	Руководство деятельностью разведывательного отделения
Посохов	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба	15.04–13.08.1905	То же
Геруа Б.В.	Штабс-капитан ГШ, пом. ст. адъютанта штаба	31.10.1904–14.05.1905	Помощь в руководстве деятельностью разведывательного отделения
Голеевский Н.Л.	Штабс-ротмистр (причисл. к ГШ), пом. ст. адъютанта, ст. адъютант штаба	28.04–13.08.1905, 13–4.10.1906	То же
Ромейко-Гурко В.И.	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений	26.10.1904–25.03.1905	Выполнение специальных поручений командования армией
1-й Сибирский корпус			
Верцинский Э.А.	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	Координация разведывательной службы в штабе корпуса
2-й Сибирский корпус			
Булгарин Ф.Б.	Капитан ГШ, обер-офицер для поручений	1904–1905	То же
3-й Сибирский корпус			
Ярон	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же

Продолжение таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
4-й Сибирский корпус			
Крымов	Капитан ГШ, обер-офицер для поручений	1904–1905	То же
1-й армейский корпус			
Гудим-Левкович П.П.	Капитан, подполковник ГШ, обер-, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же
Таулусский отряд			
Поваринский	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же для отряда
Отряд Ренненкампа			
Шнабель	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же для отряда
9. Штаб 2-й Маньчжурской армии			
Шванк Г.М.	Генерал-майор, генерал-квартирмейстер	Ноябрь 1904 – январь 1905	Общее руководство разведывательной деятельностью штаба армии
Флуг В.Е.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Январь – март 1905	То же
Разведывательное отделение			
Вальтер Р.-К.Ф.	Капитан ГШ, ст. адъютант штаба	19.10.1904–1905	Руководство деятельностью разведывательного отделения
Розанов С.Н.	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба	1905	То же
Измestьев П.И.	Капитан ГШ, пом. ст. адъютанта штаба, штаб-офицер	19.10.1904–7.03.1905, 7.03–15.07.1905	Помощь в руководстве деятельности разведывательного отделения
Рябиков П.Ф.	Капитан ГШ, обер-офицер для поручений, пом. ст. адъютанта штаба	19.10.1904–14.08.1906	Выполнение специальных поручений командования армией
Энкель О.К.	Капитан ГШ, пом. ст. адъютанта штаба	1904–1905	То же
Батюшин Н.С.	Капитан ГШ, пом. ст. адъютанта штаба	1904–1905	То же
Зундблад А.О.	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же
Новицкий В.Ф.	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	12.10.1904–1.05.1906	То же
16-й армейский корпус			
Шокоров	Подполковник, штаб-офицер для поручений	1904–1905	Координация разведывательной службы в штабе корпуса

Продолжение таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
1-й сводно-стрелковый корпус			
Раша Н.К.	Штабс-капитан (причислен к ГШ), обер-офицер для поручений	1904–1905	То же
6-й Сибирский корпус			
Мыслицкий	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же
10-й армейский корпус			
Пелленберг	Капитан, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же
8-й армейский корпус			
Сафонов	Капитан, штаб-офицер для поручений	1904–1905	То же
10. Штаб 3-й Маньчжурской армии			
Алексеев М.В.	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	Ноябрь 1904–1906	Общее руководство разведывательной деятельностью штаба армии
Разведывательное отделение			
Кортацци Г.И.	Подполковник ГШ, ст. адъютант штаба	6.11.1904–23.05.1905	Руководство деятельностью разведывательного отделения
Парский Д.П.	Капитан ГШ, ст. адъютант штаба	23.05–23.08.1905	То же
Ромейко-Гурко Д.И.	Капитан ГШ, штаб-офицер для поручений	1905	Выполнение специальных поручений командования армией
Свечин А.А.	Штабс-капитан ГШ, обер-офицер для поручений	2.05.1905–23.09.1907	То же
17-й армейский корпус			
Мирбах	Подполковник, штаб-офицер для поручений	1905	Координация разведывательной службы в штабе корпуса
5-й Сибирский корпус			
Тарчевский	Подполковник, штаб-офицер для поручений	1905	То же
4-й армейский корпус			
Тигранов	Подполковник ГШ, штаб-офицер для поручений	1905	То же
11. Военные комиссары провинций Китая			
Соковнин М.А.	Полковник ГШ, военный комиссар Гиринской провинции	1904–1905	Проведение агентурной разведки во вверенной провинции

Продолжение таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
Квецинский М.Ф.	Полковник ГШ, военный комиссар Мукденской провинции, начальник гарнизона г. Мукдена	2.06.1901–1905	То же
Михайлов	Капитан (причисл. к ГШ), пом. военного комиссара Мукденской провинции	1905	Помощь в проведении агентурной разведки во вверенной провинции
Сапожников А.В.	Капитан ГШ, пом. военного комиссара Мукденской провинции	1905	То же
Богданов Александр	Подполковник ГШ, военный комиссар Цицикарской провинции	Убит хунхузами в июле 1904 г.	Проведение агентурной разведки во вверенной провинции
Линда К.П.	Полковник ГШ, военный комиссар Цицикарской провинции	10.03.1905–1906	То же
Пеневский	Штабс-капитан, пом. военного комиссара Цицикарской провинции	1905	Помощь в проведении агентурной разведки во вверенной провинции
12. Штаб войск Приамурского округа			
Марданов	Генерал-майор ГШ, генерал-квартирмейстер	1904–1905	Общее руководство разведкой округа
Томилин	Капитан ГШ, ст. адъютант штаба	1904–1905	Организация тактической разведки в округе
Лебедев Д.К.	Штабс-капитан, пом. ст. адъютанта штаба	4.01.1905–10.01.1906	Помощь при организации тактической разведки в округе
13. Военные агенты (атташе) и их помощники на Дальнем Востоке			
Нечволодов А.Д.	Полковник ГШ, военный агент в Корее	29.11.1903–28.09.1905	Проведение стратегической агентурной разведки
Огородников Ф.Е.	Полковник ГШ, 1-й военный агент в Китае	4.10.1903–1.04.1907	То же
Десино К.Н.	Генерал-майор ГШ, 2-й военный агент в Китае	28.10.1899–9.09.1906	То же
Самойлов В.К.	Подполковник ГШ, военный агент в Японии	28.08.1902–27.01.1904, 10.01.1906–1914	То же
Русин А.И.	Лейтенант, военно-морской агент в Японии	1899–1904	То же, для флота
Афанасьев С.В.	Штабс-капитан 18-го Сиб. стрелкового полка, пом. военного агента в Китае	1905	Организация стратегической и тактической агентурной разведки

Окончание таблицы

Фамилия, имя, отчество	Воинское звание и должность	Период пребывания в должности	Служебные обязанности по военной разведке
Россов П.	Штабс-капитан 20-го Сиб. стрелкового полка, пом. военного агента в Китае	1905	То же
Едрихин А.Е.	Капитан, пом. военного агента в Китае	1904–1905	То же
Фон-дер Ховен С.В.	Капитан, пом. военного агента в Китае	1904–1905	То же

Чиновники МИД и МФ, выполнявшие разведывательные функции по заданию командования армии и флота

1. Лессар П.М. — действительный статский советник, посланник в Китае.
2. Павлов А.И. — действительный статский советник, посланник в Корее.
3. Клейменов К.В. — генеральный консул в Шанхае.
4. Тидеман П.Г. — надворный советник, чиновник по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области, консул в Чифу.
5. Кристи Х.П. — надворный советник, консул в Урге.
6. Лаптев Н.В. — статский советник, консул в Тяньцзине.
7. Люба В.Ф. — надворный советник, консул в Урге.
8. Давыдов Л.Ф. — статский советник, член правления Русско-Китайского банка.
9. Распопов Н.А. — коллежский советник, член правления Русско-Китайского банка.

Гражданские лица, прикомандированные к штабу главнокомандующего

1. Громов А.Г. — коммерческий заготовитель.
2. Грунер, фон — главноуполномоченный по заготовке скота.
3. Янчевецкий Д. — чиновник особых поручений.

Указатель имен¹

- Адабаш М.А. 25, 34, 97, 155, 162
Айрапетов О.Р. 118
Акунин Б. 12
Александр III 170
Алексеев А.М. 56, 58, 167
Алексеев Е.И. 11, 17, 18, 26, 27, 31, 32, 36, 37, 39–43, 49, 50, 54, 55, 59, 61, 73, 75–77, 87, 90, 91, 102, 122, 172
Алексеев М. 9, 22, 27, 126
Алексеев М.В. 100, 118, 119, 123, 149
Алексеев Я. 112, 113
Алтухов 114, 115
Аничков Д.И. 76
Афанасьев С.В. 32, 49, 70, 99–101, 126
- Байов А.К. 7
Бакич 108
Бале 63, 97
Барбье О. 59, 60, 66
Беккер 63, 64
Беклемишев 139
Бирилев А.А. 148
Бирюков 108, 110
Блонский В.В. 70, 114, 115, 117, 118, 120, 124, 150
Богданов 49, 71, 111
Богданович С.И. 49
Бострем И.Ф. 56, 57, 167
Буассьер Ж. 31
Бугуен 58, 97
Будиловский И.В. 23
Булыгин А.Г. 147
Бунин 109
Бунич И.Л. 28
Буняковский В.В. 7, 79
- Буховецкий 30
Бюжо 21
Бюлов Б. 146
- Ванновский Б.П. 11, 22
Ванновский Г.М. 11, 22, 23, 25–27
Ванновский П.С. 11, 22, 170
Верцинский Э.А. 7
Вильгельм II 57, 89
Винекен А.Г. 97, 98
Вирен 85
Витгефт В.К. 85
Витте С.Ю. 17, 42, 146–148
Вогак К.И. 23, 24, 31, 43, 56, 167
Воронин С.А. 33
- Геродот 45
Гершельман Ф.К. 136
Гидис Х.М. 98, 99
Гинзбурги 31
Глушков В.В. 9
Гомбоев Н.Н. 122
Гревс 138
Гринер У. 7, 8, 86
Гродеков Н.И. 36
Громов А.Г. 31, 74, 75, 87, 105
Гроссе 70
Грудзинский 32
Грулев М.В. 7, 82
Грунер фон 75
Губерский 105
- Давыдов Л.Ф. 31, 64, 85, 87, 98, 166
Далецкий П. 12, 79, 136
Данилов Н.А. 35

¹ В указатель не включены лица, упоминаемые в эпитафиях, примечаниях, списке источников и литературы, а также в приложении.

- Данилов Ю.Н. 158
Деникин А.И. 172
Деревянко И.В. 9, 22
Десино К.Н. 23, 31, 34, 49, 55, 60, 61, 97, 100
Добржинский 134
Добровольский 49, 110
Добычина Е.В. 9, 31
Долбежев 105
Долгоруков А.А. 56, 167
Доливо-Добровольский Б.И. 34, 138, 153, 163, 169
Дори 58
Драгомиров П.И. 41
Дроздовский 172
Дружинин К.И. 78
- Епанчин Г.А. 56, 167
Ермолов Н.С. 56, 92, 93, 167
- Жилинский Я.Г. 25, 45, 50, 59
- Засулич 62, 77
Звонарев К.К. 8, 10, 26, 30, 59, 75, 121, 124, 128–130
- Иванов 82, 108
Игнатьев А.А. 7, 22, 50, 75, 80, 83, 170
Извольский А.П. 25
Измestьев П.И. 7, 88, 131
Иммануэль Ф. 112
Инаба Ч. 10, 34
Иоселиани М. 71
Исии К. 44
- Кавар 94
Кай-Глэр Г. 61
Камимура 138
Кан Р. 54
Кандалов Е. 111
Капнист А.П. 56
Карпеев И.В. 4, 37
Кассини А.П. 55
Каширин В. 9
Квещинский М.Ф. 49, 70, 71, 87, 102, 122–125, 152
Келлер В.Е. 77, 81
- Керсновский А.А. 36, 149
Ким М.И. 62, 63
Клейменов К.В. 31, 63
Кованько А.М. 137
Козлов В.Д. 76
Коллинз 66, 67
Колонтаевский 73
Кондратенко Р.И. 85
Кондратович К.А. 68, 87
Коншин 73
Корвизар Ш. 31
Корнилов Л.Г. 172
Косаговский В.А. 49, 51, 66–68, 70, 73, 87
Косматов А. 134
Костливцев 85
Коффер Р. 32
Кравцев И.Н. 9
Кравченко Н. 104
Кристи Х.П. 31
Кроуэль Л. 61
Крупп 57, 96
Кузьмин 32, 68
Куприн А.И. 12
Куроки 61, 71, 76, 80, 82, 121, 128
Куропаткин А.Н. 8, 10, 25, 36–41, 43, 45, 48, 49, 51–54, 58, 61–63, 65, 66, 73–77, 80, 83, 87, 90, 91, 96, 97, 99, 101–104, 111, 112, 116, 122, 127, 133, 135, 144, 148
- Лабри де 58
Лавров В.Н. 155
Лазарев В.П. 56, 58, 95, 167
Ламздорф В.Н. 55, 102
Лаптев Н.В. 31, 85, 99
Левандовский 97
Лессар П.М. 31
Ливкин Д.И. 73, 74
Линда К.П. 67, 97, 104, 170
Линевич Н.П. 18, 36, 68, 90, 91, 96, 98, 100, 102–104, 112, 113, 116, 127, 142, 143, 147, 150, 168
Линицкий 106
Липпенев М. 61
Лю Данцзы 108
Люба В.Ф. 104

- Любицкий А. 149
Люпов С.Н. 67, 170
Ляпунов 110
- Ма Саюань 73, 74
Мадритов 75–77, 87, 107, 111
Макаров И.С. 9
Макаров С.О. 19, 49, 138, 169
Маккали Н. 168
Маккормик Ф. 45
Манасевич-Мануйлов И.Ф. 34
Маннергейм К.Г.-Э. 105, 106, 159, 165, 172
Марданов 49, 109
Мартин К. 35
Мартини Р. 31
Мартсон Ф.Ф. 104
Мартынов Е.И. 51
Марч П. 84
Мейер О. 59, 60
Меннинг Б. 4, 9, 10
Михайлов 82, 123
Мищенко П.И. 75–78, 87, 107, 142
Мольтке Г. фон (мл.) 172
Монкевиц Н.А. 157, 158
Моро 94
Москвитин 105
Мулен 58
Муцухито 5, 43, 67
Мягков С.А. 75
- Надаров 106, 107, 110, 111, 148
Нечволодов А.Д. 27, 49, 59, 60, 66, 107–109, 113
Нечволодов 66, 70, 87
Николай II 5, 6, 12, 38–40, 42, 73, 89, 96, 101, 137, 146, 147, 150, 162, 163
Никольский 155
Нодзи 119, 121
Нодо Л. 51, 54
- Обручев Н.Н. 37
Огородников Ф.Е. 49, 60, 61, 97, 99, 100, 166
Одинцов 66, 114
Ойяма И. 65, 95, 135, 142
Оку 119
- Орановский В.А. 90, 98, 100, 102, 111, 125
- Павлов А.И. 27, 31, 62–64, 85, 87, 97, 166
Павлов Д.Б. 58
Пак Ю Пфун 108
Палицын Ф.Ф. 166
Панов 66, 68, 69, 110
Парский Д.П. 7, 52
Пассек 70
Пеневский 70, 71, 73
Персиц Я. 71
Петров В. 9
Петров С.А. 58
Петухов 138
Пикуль В. 12
Пларр 97
Подалко П.Э. 9
Поливанов А.А. 25, 26
Потапов Н.М. 27, 66
Примаков Е.М. 9
Путята Д.В. 32
Пырков 108
- Раабен Л.Р. фон 24, 27, 32, 33
Радзивилл 85
Ревентлов Э. 44
Редигер А.Ф. 170
Ренненкамф П.К. 107, 114, 142
Рождественский З.П. 57, 60, 92–94, 139, 167
Розанов С.Н. 161
Ромейко-Гурко В.И. 28
Рооп В.Х. 56, 59, 167
Россов П. 70, 73, 99, 100, 105, 117, 149
Рузвельт Т. 147
Русин А.И. 18, 19, 23, 25, 27, 28, 31, 42, 172
Рутковский М.К. 146
Рутковский П.К. 109
Рыжов 52
Рябиков П.Ф. 8, 156, 161
Рябинин А.А. 51
Рябов В. 83, 84
- Самойлов В.К. 23, 26, 27, 29, 31
Сапожников А.В. 123

- Сахаров В.В. 25, 37, 48, 62, 66, 147
Свечин А.А. 7, 44, 82
Скалон 99
Скобелев М.Д. 40
Скосаревский А. 7, 135
Скрыдлов 63
Скугаревский 133
Слесарев К.М. 67
Смирнов 85
Соболев Л.Н. 40
Соковнин М.А. 49, 107, 113, 122
Сорокин А.И. 168
Спицын 125
Старк О.В. 85
Стахович 127
Стельмашенко 108
Стессель А.М. 85
Стрельбицкий И.И. 24, 27
Субботич Д.И. 17, 98
Сумароков Н.С. 23
Суслов 114
Схиммельпеннинк Д. ван дер Ойе 3, 9,
10, 22
Сяобей 115
- Тараканов 108
Телешев 69
Тидеман П.Г. 31, 85
Тифонтай 32, 113, 114, 117
Того Х. 28, 31, 50, 65
Томилин 108, 109
Туманов 141
- Удай 106
Уланов Н.Э. 101
Ульянов 101
Ухач-Огорович Н.А. 7, 49, 70, 71, 75,
107, 111
Ухтомский 85
- Фалиго Р. 32
Феклин 138
Флемминг Я. 107
Флуг В.Е. 49, 52, 91, 119
- Фок А.В. 85
Фомичев 111
Фридберг 64
- Хандэнгю 113
Харкевич В.И. 48, 62–64, 66, 67, 70, 75,
77, 84, 87, 90, 91, 99, 104, 111, 119,
133, 166
Хаяси Т. 146
Хвостов А. 17, 20
Хион 108
Хитрово 105, 106
Холдейн Дж. 167
Холщевников И.В. 68
Христофоров 85
- Целебровский В.П. 56, 61
Ци 70
- Чагин И.И. 23
Чесноков 111
Чжан Чжэньюань 114, 117
Чичагов Н.М. 110, 112
- Шангин В. 105
Шаравин А.А. 9
Шаффанжон Ж. 59, 60
Шахновский И.К. 7
Шванк Г.М. 91, 119
Шебеко В.Н. 56, 57, 63, 96, 167
Шелухин А.Ю. 9, 162
Штенгер 85
- Эверт А.Е. 90, 106
Экгарде 85
Энкель О.К. 156, 158–160, 172
Эшар 97
- Юань Шикай 32, 73
- Яковлев 105
Ямагата 170
Янжул Н.И. 23–25, 29, 30
Янчевецкий Д. 32, 105

Содержание

От автора	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ (1898–1903 гг.)	14
Структура и состав военно-разведывательных учреждений	14
Основные каналы получения сведений российской военной разведкой	23
Оценка военной разведкой сил Японии и подготовка планов войны	35
ГЛАВА II. РУССКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ (февраль – октябрь 1904 г.)	47
Организация разведывательной службы	47
Особенности стратегического и тактического уровней военной разведки	54
Оперативная разведка штабов соединений и отдельных отрядов	72
Возникновение системы обработки разведывательной информации	86
ГЛАВА III. РУССКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ПЕРИОД ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ (ноябрь 1904 – сентябрь 1905 гг.)	88
Совершенствование организации военно-разведывательной службы	88
Российская стратегическая разведка в Европе и на Дальнем Востоке	92
Достижения и неудачи тактической разведки на театре войны	103
Изменение методики проведения войсковой разведки	126
Развитие системы анализа разведанных и оперативного информирования	140
ГЛАВА IV. УРОКИ ВОЙНЫ ПРОТИВ ЯПОНИИ ДЛЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ	146
Роль военной разведки в заключении Портсмутского мира	146

Воздействие маньчжурской кампании на реорганизацию спецслужб	150
Особенности трансформации военной разведки после 1905 г.	154
ПОСЛЕСЛОВИЕ	165
ПРИМЕЧАНИЯ	173
ИСТОЧНИКИ И ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	198
ПРИЛОЖЕНИЕ	206
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	214

Книги Товарищества научных изданий КМК

ИСТОРИЯ

Княгина Ливен. Любовь, политика, дипломатия. Н.П. Таньшина. ISBN 978-5-87317-486-7. 2009. 304 с., 24 вкл. Формат 145 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.

Происхождение и юные годы Адольфа Гитлера. В.А. Брюханов. ISBN 978-5-87317-470-6. 2008. 640 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 620 руб.

Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867 гг.). П.П. Черкасов. ISBN 978-5-87317-445-4. 2008. 453 с., ил., 32 вкл. Формат 145 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 350 руб.

Афганистан: заложники времени. А. Грешнов. ISBN 5-87317-318-4. 2006. 181 с. в обл., ч/б фото вкл. Формат 165 x 235 мм. — Цена 150 руб.

Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. Г.Ю. Любарский. ISBN 5-87317-079-7. 2000. 449 с. в тв. перепл. Формат 143 x 214 мм. — Цена 200 руб.

Планируется: П.П. Черкасов. Елизавета и Людовик (в печати).

СЕРИЯ «МИР. ХАОС. ПОРЯДОК»

Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. И. Валлерстайн. Пер. с англ. ISBN 978-5-87317-504-8. 2008. 176 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 250 руб.

Распад государств. Л. Кор. Пер. с англ. ISBN 978-5-87317-414-0. 2007. 262 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

Финансисты, которые управляют миром. А. Костон. Пер. с фр. ISBN 978-5-87317-409-6. 2007. 290 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

Трагедия России: цареубийство 1 марта 1881 года. В.А. Брюханов. ISBN 978-5-87317-386-0. 2007. 657 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 500 руб.

Нервные люди (очерки об интеллигенции). А. Кустарёв. ISBN 5-87317-275-7. 2006. 374 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

Хрупкий баланс: четыре века борьбы за господство в Европе. Л. Дехийо. Пер. с англ. ISBN 5-87317-221-8. 2005. 314 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

СЕРИЯ «СФЕРА ЕВРАЗИИ»

Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. В.Н. Усов. ISBN 978-5-87317-367-9. 2007. 454 с., 31 с. ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 350 руб.

Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). И.И. Ломакина. ISBN 5-87317-302-8. 2006. 293 с., 164 ч/б и цв. фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

История в трудах ученых лам. А.С. Железняков, А.Д. Цендина (сост.). ISBN 5-87317-255-2. 2005. 275 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

Тибет и Далай-Лама. 2-е изд. П.К. Козлов. ISBN 5-87317-176-9. 2004. 137 с., 89 ил. в тексте, 45 ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 200 руб.

Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. С.Л. Кузьмин (сост.). ISBN 5-87317-175-0. 2004. 336 с., 13 ил. в тексте, 92 ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.

Барон Унгерн в документах и мемуарах. С.Л. Кузьмин (сост.). ISBN 5-87317-164-5. 2004. 661 с. + ч/б и цв. фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 500 руб.

Планируется: С.Л. Кузьмин. История барона Унгерна: опыт реконструкции (в печати).

ПСИХОЛОГИЯ

Общая и прикладная этнопсихология. Учебное пособие. В.Н. Павленко, С.А. Таглин. Пер. с укр. ISBN 5-87317-215-3. 2005. 483 с. в тв. перепл. Формат 145 x 218 мм. — Цена 200 руб.

ЖУРНАЛИСТИКА, ПОЛИТОЛОГИЯ

СЕРИЯ «МИРОВАЯ МЕДИАЛОГИЯ»

Современные стратегии британской политической коммуникации. С.С. Бодрунова. ISBN 978-5-87317-664-9. 2010. 423 с. в тв. перепл. Формат 145 x 220 мм. — Цена 400 руб.

Планируется: А.А. Литвиненко. Газеты Германии в XXI веке: от кризиса к модернизации (в печати).

ГЕОГРАФИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ

Опустынивание засушливых земель России: новые аспекты анализа, результаты, проблемы. В.М. Котляков (отв. ред.). ISBN 978-5-87317-552-9. 2009. 298 с., 2 с. цв. вкл. Формат 145 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.

Возвращение в Сары-Челек (записки геоботаника). М.А. Черемных. ISBN 978-5-87317-467-6. 2008. 281 с, вкл. Формат 143 x 207 мм. В обл. — Цена 180 руб.

Оценка воздействия на окружающую среду и российская общественность 1979-2002 годы. А.В. Дроздов (отв. ред.). ISBN 5-87317-323-0. 2006. 427 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 280 руб.

Избранные труды. Том 1. Геохимические потоки в биосфере. Н.Ф. Глазовский. ISBN 5-87317-324-0. 2006. 535 с. с портр. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.

Под открытым небом. Б.Б. Родоман. 2-е изд. ISBN 5-87317-330-3. 2006. 182 с. Формат 140 x 210 мм. В обл. — Цена 100 руб.

Мэтры глубин: Человек познаёт глубины Океана. От парусно-парового корвета “Челленджер” до глубоководных обитаемых аппаратов. Л.И. Москалев. ISBN 5-87317-267-6. 2005. 249 с. Формат 164 x 240 мм. В обл. — Цена 120 руб.

Многоликая география. Развитие идей Иннокентия Петровича Герасимова (к 100-летию со дня рождения). Н.Ф. Глазовский (ред.). ISBN 5-87317-256-0. 2005. 357 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб.

Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. Н.Ф. Глазовский (ред.). ISBN 5-87317-226-9. 2005. 615 с. Формат 167 x 238 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.

В тростниках Прибалхашья (Жизнь и приключения ссыльного натуралиста 1941–1946 гг.). Б.К. Штегман. ISBN 5-87317-154-8. 2004. 208 с. с портр. Формат 140 x 203 мм. — Цена 100 руб.

Пятеро на Рио-Парагвай. Документальная повесть. В.Н. Танасийчук. ISBN 5-87317-139-4. 2003. 253 с. + ч/б фото. Формат 143 x 213 мм. В обл. — Цена 100 руб.

Планируется: М.В. Бобровский. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. — И.Ю. Чернов. Роль почвы в формировании и сохранении биоразнообразия.

Заказать эти и другие издания (биология, медицина) изд-ва КМК можно по адресу: 123100 Москва, а/я 16 изд-во КМК, Михайлову Кириллу Глебовичу

Комп. почта: mikhailov2000@gmail.com

Интернет: <http://avtor-kmk.ru> (аннотации изданных книг)

Факс: (495) 629-4825

Тел. (495) 692-5894

Серия «Сфера Евразии»

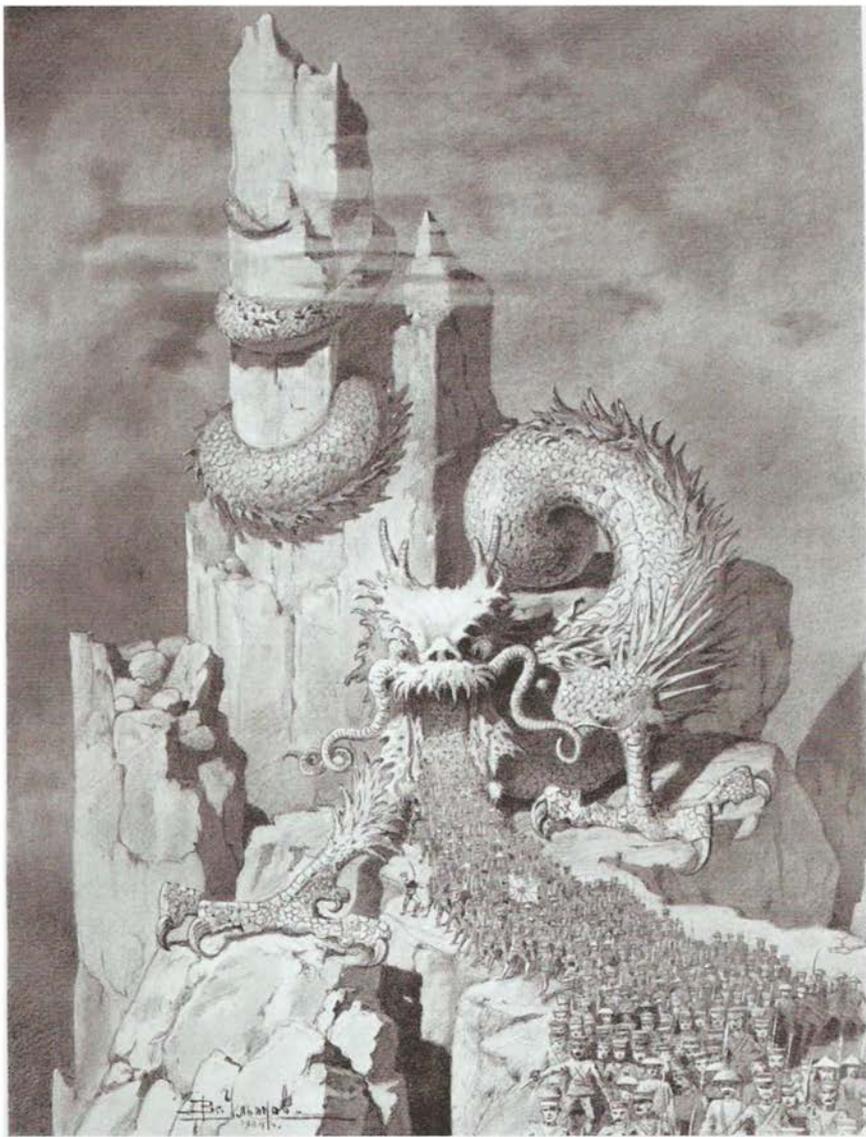
СЕРГЕЕВ Евгений Юрьевич

Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг.
М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. — 219 с., 12 вкл.
при участии ИП Михайлова К.Г.

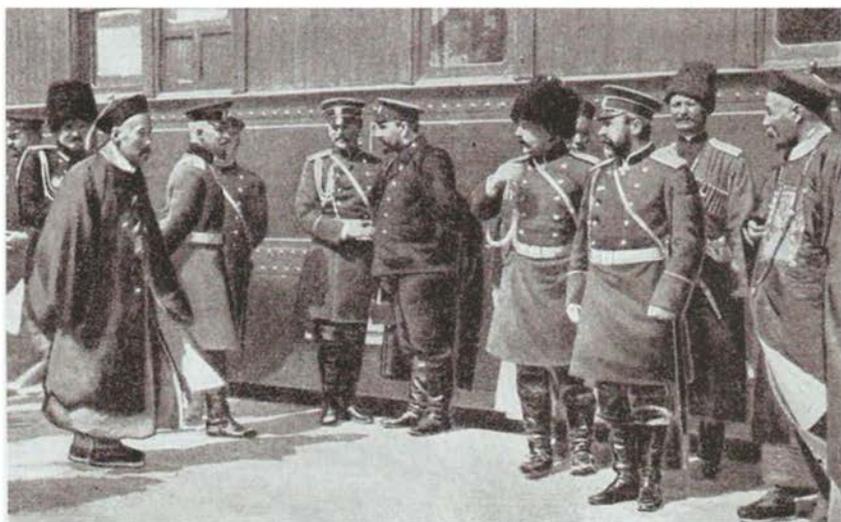
Вёрстка: Т.А. Горлина, К.Г. Михайлов
Редактор: К.Г. Михайлов

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК;
электронный адрес: mikhailov2000@gmail.com
<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 22.10.2010. Формат 70×100/16. Объём 14 + 0,75 н.л.
Бумага офсетн. и мелов. Тираж 500 экз. Заказ № 1702
Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука» АИЦ РАН,
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

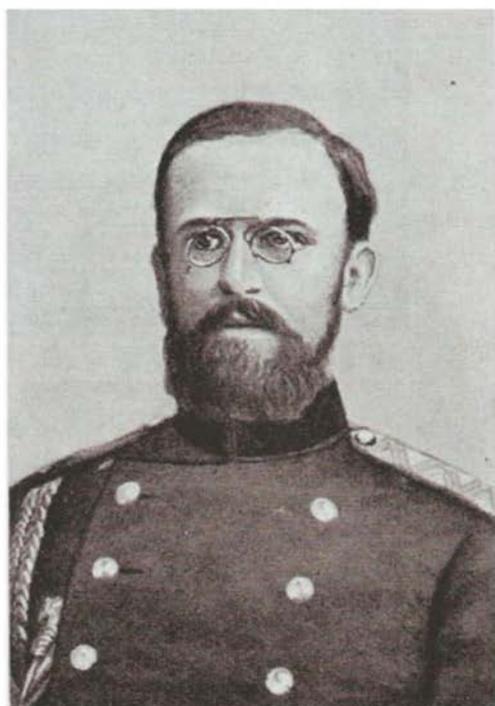
Желтая опасность. Аллегорическая картина В. Ульянова.

Генерал А.Н. Куропаткин с китайскими властями на ст. Мукден.

Генерал-майор М.В. Алексеев.

Генерал-майор В.Н. Харкевич.

Генерал Г.М. Шванк.

Генерал-майор В.А. Косаговский.

Подполковник К.П. Линда.

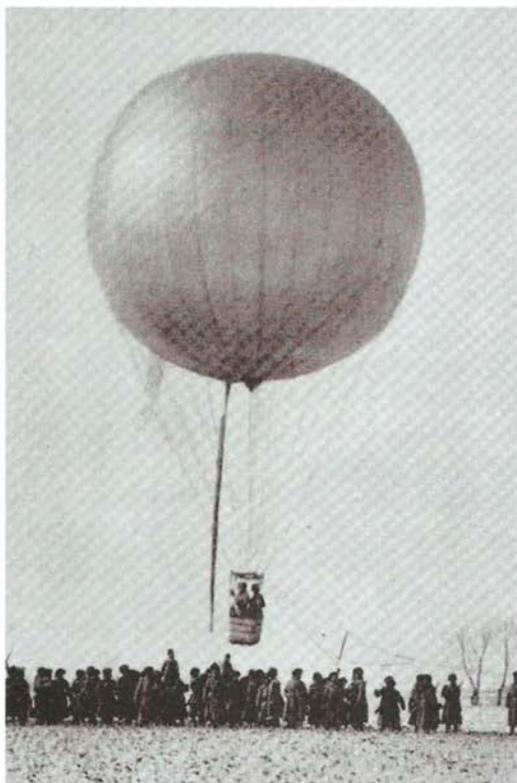
Полковник Мадритов и взятые им в плен предводители хунхузов.

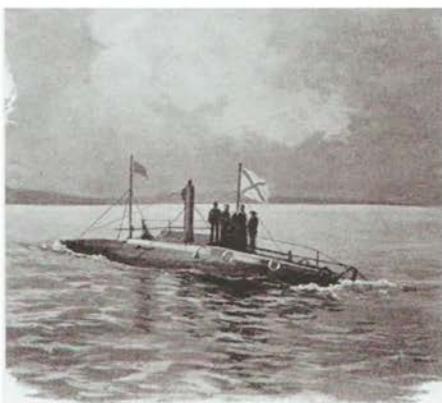
*Сотрудники операционного и разведывательного отделений Главного штаба.
Слева направо сидят: капитан Кузнецов, полковник Ломновский,
полковник Линда, капитан Михайлов.*

*Наблюдатели от иностранных армий при главной квартире
Маньчжурской армии в Ляояне.*

Подъем воздушного шара у дер. Чжоугуаньпу для рекогносцировки укреплений у дер. Сандепу 18 января 1905 г. В корзине шара — капитан Восточно-Сибирского воздухоплавательного батальона князь Баратов и топограф поручик Власов.

Первая русская подводная лодка в акватории Владивостока.

Заглавная страница первой полевой военной газеты.

Прием радиogramмы на борту крейсера.

На посту пограничной стражи. Рис. Н. Самокиша.

В Гаюльне. Рис. А. Сафонова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЪ РАЗВѢДКИ.
РИС. ХУД. А. САФОНОВА. СОВСТВ. «ЛЪВТОПИСИ».

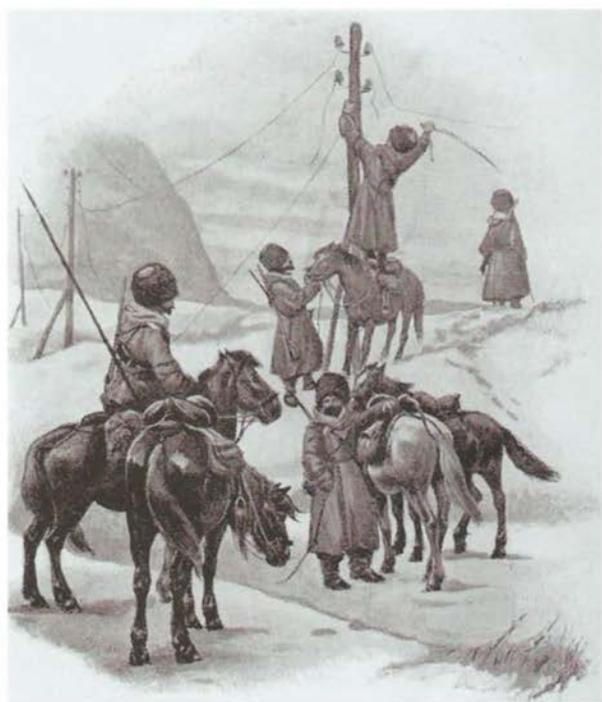
Возвращение с разведки. Рис. А. Сафонова.

Стычка охранной стражи с хунгузами. Рис. А. Сафонова.

Допрос пленных японцев в штабе 2-й армии.

Казачи, разрушающие телеграф в Северной Корее.

Допрос китайцев-лазутчиков. Рис. А. Сафонова.

Казнь хунхузов китайскими властями.

Хунхузы, захваченные на месте разбоя на линии Маньчжурской железной дороги.

Китайские солдаты.

Конный дружинник-кореец среди китайцев.

Японская пехота и кавалерия.

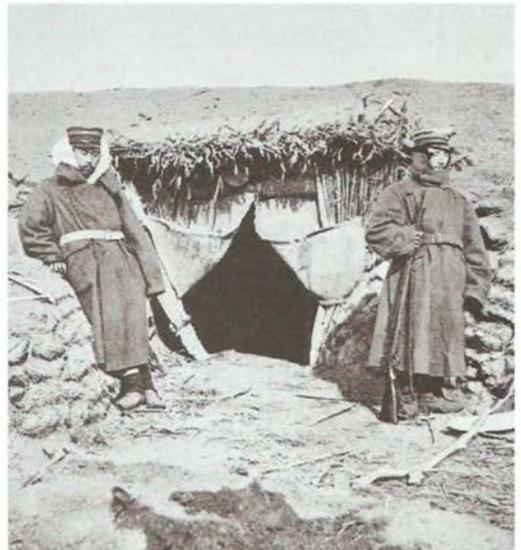

японец: ну, теперь я раздвляюсь съ тобой по семейному!..

Карикатура из русского журнала.

Японские хитрости. Маскировка движения на виду у противника.

Японские сторожевые посты.

Карикатура из журнала «Панч», 4.10.1905. Подпись: «Союзники (Великобритания и Япония)». Внизу переиначенные строки из стихотворения Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток...»: «Но нет ни Востока ни Запада, ни границы, ни расы, ни места рождения, когда два сильных человека стоят лицом к лицу, хотя они приходят из разных концов Земли...»

СФЕРА ЕВРАЗИИ

Книга посвящена одной из малоизвестных и спорных страниц в истории русско-японской войны 1904–1905 гг. — организации и деятельности военно-разведывательных органов России в период противоборства с сильным и упорным противником на Дальнем Востоке. Использование широкого круга архивных материалов, ранее недоступных исследователям, а также новое прочтение опубликованных источников, включая мемуары и дневники участников описываемых событий, позволили автору наметить этапы, дать характеристику особенностям и показать магистральные тенденции становления военной разведки как самостоятельного структурного элемента вооруженных сил Российской империи в начале XX века.

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей, проявляющих интерес к истории возникновения и развития специальных служб нашей страны.

